

Московский государственный университет
путей сообщения

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 6 (47)

Декабрь

Москва
2014

УДК 008
ББК 71
П 71

Редколлегия журнала:

А.Л. Маршак (главный редактор), А.А. Горбунов,
В.Ю. Минералов, В.В. Сергеев (заместители главного редактора),
В.Н. Ксенофонтов, А.Н. Евлаев (ответственный секретарь)

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал // М. : МГУ ПС (МИИТ), 2014. — Вып. № 6 (47). — 143 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по решению Президиума ВАК.

Журнал рассчитан на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

ISSN 2072-6015

© Московский государственный
университет путей сообщения

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели Совета

Горбунов А.А. Доктор политических наук, профессор, директор Гуманитарного института МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, почетный работник высшей школы Российской Федерации

Иванов В.Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Сергеев В.К. Действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член союза писателей России

Члены Совета

Вдовиченко Л.Н. Доктор социологических наук, профессор, декан факультета политической социологии РГГУ

Дмитриев А.В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор

Запесоцкий А.С. Член-корреспондент РАН, доктор культурологии, профессор, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Капто А.С. Доктор философских наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН

Кретов Б.И. Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Политологии, истории и социальных технологий» МГУПС (МИИТ), член Российской Академии транспорта, заслуженный работник высшей школы РФ

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений Университета имени Матея Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Лебедев С.Н. Доктор экономических наук, профессор, Президент Академии Литературы

- Маркович Данило** Академик, действительный член Сербской академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия
- Маршак А.Л.** Главный научный сотрудник Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации, член союза писателей России
- Миронов А.В.** Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почетный работник высшей школы Российской Федерации, член союза писателей России
- Нарбут Н.П.** Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России
- Сосунова И.А.** Действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор
- Федоряк Н.А.** Кандидат социологических наук, член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
- Чупров В.И.** Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

СИТНОВА Е.В.	Динамические компоненты когнитивного пространства политического общества/ Dynamic components of cognitive space of political society.....	7
ЛОШКАРЕВА-ИМГРУНТ С.И.	Социальная идентификация: методологии исследования в контексте классических философских парадигм/ Social identification: research methodology in the context of classical philosophical paradigms.....	15
НАУГОЛЬНЫХ В.В.	Взаимодействие власти и бизнеса на современном этапе: конфликтологический аспект/ The interaction between government and business at the present period: conflictological aspect.....	23

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

КОВЗИРИДЗЕ М.А.	Применение современных информационных технологий в учебном процессе как показатель качества образования/ Using of modern information technologies in the educational process as an indicator of the quality of education.....	32
ВОЕВОДИНА Е.В.	Роль высшего образования в повышении реабилитационного потенциала инвалидов / The role of higher education in increasing the rehabilitation potential of disabled persons.....	41

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

ПЕТРОВ В.В.	Мифотворчество как технология формирования и продвижения национального и региональных брендов/ Myth-making as the technology of formation and promotion of national and regional brands.....	51
ФРАНЦЕВ Ф.С.	Культурный миф о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо: исторический и современный аспекты / On historical and modern aspects of the cultural myth of J.- J. Rousseau's "natural man".....	59

АСПЕКТЫ

ЯКУБА А.В.	Интернет как сфера субкультурной активности современной российской молодежи/ Internet as a sphere of subcultural activity of modern Russian youth.....	71
ДОБРЫНИНА В.И./ КОЛЕСНИКОВА И.В./ КАЛЬЧЕНО А.Г	Предпринимательство как профессиональный выбор/ Entrepreneurship as a career choice.....	82
ЗАГУРСКАЯ С.Г./ КУРАЧЕВА М.Е.	Инвестиционная привлекательность туристской дестинации как фактор ее конкурентоспособности/ Investment attractiveness of tourism destination as the factor of its competitiveness.....	94
ВОЛКОВ Ю.Г./ ВОЛКОВА А.А.	Перспективы формирования многомерной личности/ Prospects of the formation of the multidimensional personality.....	104
САГАЛАЕВА Е.С.	Постсоветская повседневность как жизненный мир: проблемы социально-философского осмысления/ Post-Soviet daily life as the life-world: problems of social and philosophical understanding.....	112
ДАКОРО М.А./ ХАЧЕЦУКОВ З.М.	Историческая динамика интеллектуалов в контексте рефлексии социального дискомфорта и процесса модернизации/ Historical dynamics of intellectuals in the context of reflection of social discomfort and modernization process.....	120
СЕРИКОВ А.В./ БАРКОВ Ф.А.	Протестные настроения в контексте обеспечения национальной безопасности на Юге России (на примере Ростовской области)/ Protest sentiments in the context of national security in the South of Russia (on the example of the Rostov region).....	129
КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ.		138
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....		140

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

*САГАЛАЕВА Евгения Сергеевна
к.ю.н., доцент Юридического института Северо-Кавказского федерального университета
9624390000@mail.ru*

Постсоветская повседневность как жизненный мир: проблемы социально-философского осмысления/ Post-Soviet daily life as the life-world: problems of social and philosophical understanding

Аннотация

В статье анализ постсоветской повседневности в характеристиках жизненного мира основывается на определении последнего как сферы обыденной, повседневной жизни и деятельности индивида. Показано, что вычленение теоретических подходов как способов концептуализации постсоветской повседневности в качестве жизненного мира обусловлено стремительностью общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером.

Ключевые слова

Постсоветская повседневность, жизненный мир, идеологическое измерение повседневности, социокультурная трансформация, кризис идентичности.

Abstract

The paper analyzes the characteristics of the post-Soviet everyday life in the on the bases of the definition of life-world as the scope of the ordinary, everyday life and activities of the individual. It is shown that the exarticulation of theoretical approaches as a way of conceptualizing the post-Soviet everyday life as the life-the world is due to the rapid social transformations that have a universal nature.

Keywords

Post-Soviet everyday life, life-world, ideological dimension of everyday life, social and cultural transformation, identity crisis.

Понятие «повседневность», если рассматривать его с позиций социально-философского анализа, близко философской категории бытия. Объединяет их то, что оба понятия обозначают существование, нахождение в мире. Однако с той разницей, что бытие понимается как разграничение на реальное и идеальное, в то время как повседневность предполагает всегда реальное существование в мире. Существование в повседневности человека непременно первично по отношению ко всему остальному.

В целом в повседневность включаются: событийные обстоятельства публичной повседневной жизни, как правило, связанные с мелкими частными событиями; способы адаптации индивидов к событийным обстоятельствам внешнего окружения; жизненные условия частного, домашнего существования, быт в самом широком его понимании; эмоциональная сторона, связанная с происходящими событиями и явлениями, переживанием обыденных событий и обстоятельств бытового существования индивидами и различными социальными группами¹.

Применимо к постсоветской повседневности и частной жизни большую эвристическую ценность представляет социолого-феноменологическая концепция «жизненного мира», которая иллюстрирует диалектику социального знания и объективной реальности.

Понятие «жизненный мир» (Lebenswelt) первоначально возникло в философской мысли Э. Гуссерля, откуда было воспринято социальной мыслью в лице А. Шюца. «Жизненный мир» определялся им через характеристики действительно наглядного, действительно испытываемого и доступного опыту мира, в пространстве которого практически разыгрывается вся жизнь².

«Жизненный мир» обладает свойствами как объективной, так и субъективной реальности и образуется в процессе и результате «социального конструирования», материалом для которого выступает «неопределенное многообразие» реалий объективного мира, а инструментом – социальное знание. Это конструирование осуществляется в русле выбранной социальным субъектом определенной когнитивной «метапрограммы», отсекающей все прочие

¹ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований//<http://www.krugosvet.ru>.

² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

потенциально существующие возможности и делающей реальным формирование конкретного «жизненного мира» во всей его уникальной специфике.

Иными словами, «жизненный мир» может быть определен как часть или сторона объективного «внешнего» мира, «выхваченная» социальным субъектом из «неопределенного многообразия» реальности объективного мира при посредстве социального знания.

Феноменологический концепт «жизненный мир» обрел социальные коннотации в результате поэтапной трансляции концептуального ядра феноменологических исследований из логико-философских в жизненно-практические контексты. Этот процесс нашел отражение и в смене наименования самой области исследований.

Для Б.В.Дубина повседневное трактуется как «пространство вне-иерархического и недостижимительского поведения», поскольку здесь, по его мнению, как бы отсутствует социальная иерархия, ослаблена или даже исключена социальная конкуренция, а акцент делается на отношениях взаимности и доверия, в основе которых – не власть, а влияние и авторитет¹.

Вычленение теоретических подходов как способов концептуализации постсоветской повседневности в качестве жизненного мира обусловлено стремительностью общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером.

Постсоветская повседневность формировалась уже в ходе начавшегося распада Советского Союза и становления новой социальной реальности. Идеологические обстоятельства играли при этом весьма заметную роль. Параллельно с этим в российском обществе 1990-е годы происходят процессы массовизации. Общество погружается в массовые движения, в приобщение широких слоев населения к демократическим ценностям, институтам и процедурам. С падением авторитарного строя начинаются процессы демократического обновления. Появляются ростки гражданского общества, формируется правовое государство, складывается формирование многопартийной политической системы.

Современное российское общество переживает этап демократических преобразований. Однако при решении значимых общественных проблем, в том числе и тех, что непосредственно влияют на повседневное существование миллионов масс населения, власти далеко не всегда используют демократические методы и процедуры, предполагающие длительное и открытое обсуждение и со-

¹ Дубин Б. В. Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России / Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer020.html>.

гласование назревших вопросов со всеми акторами политического процесса¹. Все это оказывает свое влияние на различные аспекты повседневности.

В ходе растущей демократизации в общественной жизни проявлялись и негативные тренды, связанные с процессом массовизации и виртуализации. Информационное общество порождает принципиально новый тип социальной коммуникации и определяет протекание всех социальных процессов². При этом ученые фиксировали кризис идентичности, разрушение системы духовного воспроизводства социума и мировоззренческий вакуум, связанный во многом с отсутствием внятной общенациональной идеологии, способной консолидировать социум в духовную общность³.

В ходе кардинальных изменений, происходящих в процессах реформирования, неизбежно нарастает противоречие между новациями и устоявшейся нормативной культурой, что ведет к конфликтности, отторжению и торможению нововведений, неприятию широкими социальными слоями модернизации. Процессы постиндустриальной социокультурной трансформации общества воздействуют и на перестройку личностного содержания индивида.

Обстановка осложняется отсутствием структурированного символического ценностного кода современной культуры. Ценностная символика российской культуры отличается противоречивостью и эклектикой, поскольку в ней соседствуют самые разнообразные элементы.

Именно на эти обстоятельства обращается внимание в научной литературе, когда говорится о специфике отечественной постсоветской повседневности, обусловленной, в первую очередь, тем, что это повседневность эпохи транзита, повседневность времени, связанного с ломкой устоявшихся проявлений повседневного существования индивидов.

При этом качественные параметры и содержательно-семантические особенности современной российской повседневности во многом совпадают со многими индикаторами былой советской повседневности или оказываются непосредственно связанными с ней.

Характеризуя состояние современного российского общества, Л.Д. Гудков говорит, что оно, в сущности, осталось советским. По-

¹ См.: Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России. Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. – СПб., 2008.

² Фролова А.С. Сетевые процессы в современном российском обществе: идеологическое измерение // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7.

³ Волков Ю.Г. Российское общество: состояние и перспективы идеологической сферы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2.

этому у нас периодически оживают все советские страхи и вместе с ними советские комплексы и инстинкты, навыки приспособления и выживания, которые можно описать несколькими словами: надо стать незаметными, серенькими, пригнуться, не высовываться, прикинуться «несъедобными», и тогда, может быть, все обойдется. Готовность участвовать в общественной и политической жизни крайне низка, и она продолжает снижаться, лишь у части жителей больших городов прослеживается готовность к политическому участию. Все это установки советского человека, который научился сосуществовать с репрессивным государством за счет снижения собственных требований, в случае необходимости вступая с ним в коррупционные отношения для решения своих частных проблем¹.

В сущности, в обществе искусственно «сверху» насаждаются архаические отношения, что включает восстановление сословной системы, поскольку олигархия и высшая бюрократия уже практически оформились в качестве закрытых сословий.

На постсоветскую повседневность как жизненный мир влияет реставрация имперской темы, сопровождаемая возрождением антизападничества и великодержавия. Тем самым идеология и практики властвующей элиты, то есть тех, кто причастен к принятию политических решений, свидетельствуют, что в ходе социальной модернизации советское прошлое в различных его ипостасях находит свое проявление практически во всех сферах жизни общества.

Впрочем, имперская ностальгия никогда не была ключевым фактором во внутренней политике России. В 2000-е годы, отвечая на вопрос: «Что лучше, быть великой державой, которую побаиваются другие страны, или страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных?» — в пользу первого устойчиво высказывались около 40 процентов респондентов, в пользу второго — 60 процентов (ежегодные опросы 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2010 годов). В декабре 2013 года, отвечая на вопрос Левада-центра, «в чем больше нуждается Россия — в укреплении государственной власти или в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества?» — 58 процентов выбрали второй вариант, а 26 процентов — первый².

По мнению социологов, в обществе постепенно формируется слой людей, которые хорошо ориентируются в потоках информации и способны отличить правду от вымысла. Чаще всего не

¹ Гудков Л. Российское общество осталось, по сути, советским//<http://www.levada.ru/20-03-2014>.

² Рогов К. Как россиян убеждали в необходимости иранизации России// Новая газета, 2014, 2 апреля.

доверяют федеральным телевизионным каналам жители крупных городов – люди, хорошо образованные и умеющие работать с большими объемами информации¹.

Однако прошлое так легко не отпускает и многие живут в прошлом, не желая принимать «сложное настоящее». Поэтому доминирующие социальные субъекты и значительные массы общества все чаще обращаются к прошлому опыту и начинают опираться на традиционные образцы культуры, что сопровождается частичным вытеснением из общества, культуры и повседневных практик новообретенных элементов современности. А возврат к традиционной патерналистской политике ведет к достаточно заметному росту патриархально-фундаменталистских настроений в обществе.

При этом государство вновь начинает приватизировать и приватность. Если при советской власти, как пишет А.Р. Усманова, «приватность была конфискована государством, или во многих случаях принесена в жертву добровольно в пользу коллективного проекта, то сегодня мы можем говорить о том, что утрата приватности, происходящая на наших глазах и с нами самими, с одной стороны, реализуется все в тех же модусах «принудительности» (камеры слежения в магазинах, на улицах, веб-камеры), но эта «жертва» приносится отнюдь не в пользу коммунальности»². Подобный взгляд на «приватность» подтверждает, что утрата приватности совсем не обязательно должна трактоваться как утрата в негативном смысле.

Г.П. Сидорова исходит из того, что всякое исследование требует определенных методологических ограничений для его глубины. Обобщение различных точек зрения показывает, что повседневность охватывает «все»: трудовую деятельность, ориентированную на внешний мир, стремления, фантазирования, сомнения, реакции людей на непосредственные частные события; географические и экологические условия жизненного существования, производственные процессы, потребности и технологии их удовлетворения, ценности и правила, формы и институты брака, семьи; методы осуществления обыденных действий, социальные правила и предубеждения, процесс их формирования; жизненное пространство обитания, связанные с этим разнообразные ритуалы и обычаи, поведенческие практики.

Сюда следует отнести также восприятие официальной культуры массами, ментальности и бытовую социальную психологию, логи-

¹ Воронцова В. Объективная ложь//Новые известия 2014, 18 апреля.

² Усманова А.Р. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах//<http://gender-rout.org/>.

ки практики; окружающие людей вещи и то, как люди с вещами обращаются; телесный опыт; игры, желания и мечты, вербальный язык; домашнее и приусадебное хозяйство; политические предпочтения, нравственность, общественное мнение, межличностные отношения, суеверия, житейскую мудрость, практическое знание; игры, слухи, советы; идеалы, стереотипы сознания, ценностные ориентации; установки массового сознания, регулирующие стереотипы поведения преимущественно в потребительской сфере; привычные рабочие нормативы, нормы отдыха, воспитания детей, семейных и любовно-интимных отношений, логику повседневного мышления с характерными ошибками; реальность (жизненный мир) людей различных социальных слоев, их поведение и эмоциональную реакцию на события; совокупность сложившихся практик, связанных со вкусами и предпочтениями индивидов.

«Жизненный мир» как особый концептуальный модус жизненной реальности включает разнообразные частные модели, и модель повседневной жизни занимает здесь ведущее положение. Важно, что многие из актуальных коммемораций, связанных с советским прошлым, сегодня возникают на периферии идеологической системы, будучи включены в различные дискурсивные и недискурсивные практики.

Таким образом, анализ постсоветской повседневности в характеристиках жизненного мира основывается на определении последнего как сферы обыденной, повседневной жизни и деятельности индивида. «Жизненный мир» как особый концептуальный модус жизненной реальности включает разнообразные частные модели. Модель повседневной жизни занимает среди них важное положение.

Вычленение теоретических подходов как способов концептуализации постсоветской повседневности в качестве жизненного мира обусловлено стремительностью общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером. Постсоветская повседневность формировалась уже в ходе начавшегося распада Советского Союза и становления новой социальной реальности. Идеологические обстоятельства играли при этом заметную роль, а многие «отреставрированные фрагменты» советского прошлого сегодня возникают на периферии идеологической системы, будучи включены в различные дискурсивные практики.

Тем самым в жизни современного российского общества происходят кардинальные изменения, связанные с трансформацией практически всех сфер жизнеустройства. В ходе кардинальных изменений, происходящих в процессах реформирования, неизбежно

нарастает противоречие между новациями и устоявшейся нормативной культурой, что ведет к конфликтности, отторжению и торможению нововведений, неприятию широкими социальными слоями модернизации.

Процессы постиндустриальной социокультурной трансформации общества воздействуют и на перестройку личностного содержания индивида, будучи увязаны с постсоветской повседневностью как жизненным миром.

Библиография

1. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований//<http://www.krugosvet.ru>.

2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. - М.: РОССПЭН, 2004. - 1056 с.

3. Дубин Б. В. Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России / Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer020.html>.

4. См.: Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России. Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. - СПб., 2008.

5. Гудков Л. Российское общество осталось, по сути, советским//<http://www.levada.ru/20-03-2014>.

6. Рогов К. Как россиян убеждали в необходимости иранизации России//Новая газета, 2014, 2 апреля.

7. Воронцова В. Объективная ложь//Новые известия 2014, 18 апреля.

8. Усманова А.Р. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах//<http://gender-rout.org/>.

9. Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960–1980-х: ценностный аспект. – Ульяновск : УлГТУ, 2011, С. 14 -15.

*ЛОШКАРЕВА-ИМГРУНТ Светлана Ивановна
к.с.н., соискатель кафедры социологии,
политологии и права ИППК ЮФУ
sveddy@mail.ru*

Социальная идентификация: методологии исследования в контексте классических философских парадигм/ Social identification: research methodology in the context of classical philosophical paradigms

Аннотация

В статье анализируются основные теоретические подходы к исследованию процесса социальной идентификации личности. Рассматриваются достоинства и ограничения этих подходов, выявляется их специфика в методологическом плане. Обосновывается необходимость объектно-субъектного синтеза в исследовании идентификационных процессов.

Ключевые слова

Идентификация, парадигма, бихевиоризм, когнитивный подход, формационный подход.

Abstract

The article is devoted to the basic theoretical approaches to the social identification studies. Some value of these approaches is estimated, as well as their limits are analyzed, their methodological specifics is shown. It is proved that an object/subject synthesis is necessary for the identification study.

Keywords

Identification, paradigm, behaviorism, the cognition approach, the formation theory.

Социальная философия в отличие от более конкретных социогуманитарных дисциплин рассматривает процессы личностной и социальной идентификации на основе собственных методологиче-

ских подходов, позволяющих очертить место идентификационных процессов в целостной структуре личности и охарактеризовать их содержание в зависимости от общих тенденций развития социумов. Особенно актуальным это становится сегодня, когда нахождение идентификационных ориентиров является детерминантом развития общества в целом¹. В рамках различных философских парадигм трактовка социальной идентификации может иметь свою специфику.

Марксистская (формационная, объективистская) парадигма изучения общества и деятельностный подход в трактовке формирования личности долгое время служили широкой методологической базой понимания идентификационных процессов. Смысловым центром этого понимания стало известное положение К. Маркса об абсолютной социальной и экономической детерминированности сущности личности и неискоренимом объективном стремлении индивида уподобиться общественным приоритетам. В представлении Маркса и его последователей может существовать значительное различие между собственной идентификацией индивида, которая может быть лишь социально обусловленной субъективной иллюзией, и «объективной» его социальной сущностью, не зависящей от его предпочтений и индивидуального выбора. Возможно именно поэтому представление Маркса об идентификации представляется сейчас неполным и поверхностным, т.к. реальный процесс идентификации распространяется на большее количество функций и аспектов человеческого бытия. Тем не менее, марксистское направление философской мысли создало системные научные представления о человеческой личности, как продукте социальных условий и сформировало парадигму объяснения внутриличностных процессов соотношения себя с общественными отношениями и образцами в терминах «отчуждение», «превращенная форма» и т.д. Это понимание было широко востребовано исследователями советского времени, выведившими свои представления об идентификации из известного положения Маркса о том, что объективная сущность человека является собой совокупность общественных отношений и проявляется в целеполагающей деятельности².

¹ Волков Ю.Г. Доверие в социальной идентификации креативного класса в российском обществе // Евразийские исследования: актуальные проблемы и перспективы развития. Научное издание. – Ер.: Амарас, 2013. С. 23-27.

² Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: «Дело». 2004.

Таким образом, отличие марксистской (формационной) парадигмы в отношении исследования идентификации состоит в поиске объективных социальных оснований процесса, которые могут вовсе не осознаваться самим индивидом в его собственном субъективном идентификационном поиске. Согласно марксистским установкам, в личности нет ничего, что было бы не обусловлено ее социально-классовой принадлежностью. В этом понимании лишаются значения и смысла другие параметры идентификации: этнонациональные, культурные, конфессиональные и др.

Формальная парадигма в социальной философии, разработанная Г. Зиммелем, трактует идентификацию как осознание индивидом себя через соотнесенность с надындивидуальным единством. Понимание самого себя, своего «я», рождается из переживания собственной отнесенности к некой общности, этносу, нации, поколению, конфессиональной общине, профессиональному сообществу и т.д. При этом идентификация осуществляется через отождествление себя с характеристиками других индивидов, однако это отождествление происходит так, что не позволяет личности полностью утратить индивидуальность.

Зиммель утверждает, тем не менее, что социальная структура образует устойчивую форму, за рамки которой индивидуальное «я» выходить не может. Индивидуальная идентификация происходит в пределах социальных кругов, однако, что имеет принципиальное значение, отличающее позицию Зиммеля от марксистской, включает в себя не только принятие индивидом социально одобренных моделей, но и проявление им независимости от социально-групповой регламентации. Узость социального круга личности способствует большей ее социальной вовлеченности и соответственно повышает риск утраты индивидуальной свободы. Малые социальные круги, такие как семья, одновременно и поглощают индивидуальность, и вынуждают ее противостоять поглощению более широкими социальными общностями. Социальное значение для Зиммеля имеет то, как мы с психологической точки зрения организуем пространство¹. Таким образом, согласно Зиммелю источником идентификации выступает личность с ее индивидуальной психологией, а сферой и средством осуществления – социальные структуры и исторические факторы².

¹ Посухова О.Ю. Карьерное пространство: методологические проблемы социологического исследования // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3. С. 46.

² Малахов В.С. Неудобства с идентичностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>.

Как и Г. Зиммель, Э. Дюркгейм является значимой фигурой и как один из основоположников социологической науки, и как один из классиков европейской социально-философской мысли. В функционалистской парадигме, созданной Дюркгеймом, идентификация личности сама является одной из социальных функций и выполняет ряд социальных функций. Основная из этих функций – интегративная, объединяющая личности в коллективное целое, а также социализационная, способствующая формированию индивида в ценностных представлениях сообщества. Дюркгейм трактует общество как целостность, объединенную коллективной нравственностью и единым коллективным сознанием. Основой такого объединения, по мысли Дюркгейма, изначально выступает религия. Именно она создает и внедряет в сознание индивидов ценностно-нормативные представления, подчиняющие индивидуальную волю ценностям и целям общественного целого. Как и Маркс, Дюркгейм проводит различие между объективным и субъективным срезам идентификационных процессов. Если субъективно идентификация переживается индивидами как символическое или ценностно-нравственное отождествление с теми или иными сакральными образцами и представлениями, ассоциируемыми с коллективом, то объективно идентификационный процесс в своих истоках имеет социальную природу и является механизмом подчинения индивидуального сознания сознанию коллектива.

Психоаналитическая парадигма внесла много ценного в понимание личной и социальной идентификации. Необходимо отметить, что в данном контексте мы рассматриваем психоаналитическую концепцию как выходящую за рамки конкретно-психологического представления о человеке: психоанализ правомерно считать самостоятельной философской парадигмой, а не только методом психологического исследования и психотерапии. Согласно З. Фрейду, идентификационные процессы являются механизмами редуцирования бытийной энтропии, необходимого для нормальной жизнедеятельности личности. Фрейд сравнивает стремление «ординарного» или «слабого» человека подражать лидеру или лидерам некоторой группы с попыткой ребенка копировать манеру поведения или поведенческие модели родителей, и с помощью данных мер научиться справляться со страхом перед реальностью. Расширение исследований в данной области и обнародование некоторого количества новых фактов по данному вопросу привело к более глубинному и основательному изучению данного «средства». Понятие идентификации перешло из сферы психоаналитической концепции в другие отрасли знания и приобрело иной вид.

Так, многие исследователи в качестве опорного представления об идентификации ссылаются на представление, согласно которому главная потребность человека как потенциально развивающегося члена какого-либо общества состоит в том, чтобы искать некие персонифицированные образцы (обладающие определенным набором качеств) и подражать им. Классификация видов идентификации происходит в связке с классификацией актуальных общественных движений, общин, групп и социальных слоев; немаловажную роль играют также харизматические лидеры¹.

Согласно теории Фрейда, идентификация представляет собой сначала отождествление себя с родительской моделью поведения, после чего, по мере взросления личности, переносится на более высокие уровни социальных отношений. Более того, идентификация рассматривается здесь как преимущественно бессознательный процесс подражания. В этом процессе отражается желание индивида оградиться от давления инстинктов и сформировать личностно-моральную инстанцию сверх-Я (супер-эго) через переименование тех или иных качеств «лидера» (в данном случае в роли лидера выступает мать).

Отходя от концепции Фрейда, современный версифицированный психоанализ дает несколько модифицированную трактовку идентификации. Данный механизм выступает здесь как психологическая защита индивидуального «Я» от некоторых объектов, которые теоретически могут представлять для субъекта угрозу. В качестве такого объекта идентификации выступают как реальные, так и идеальные люди (в качестве примера можно привести героев художественных произведений и массовой культуры). Моделью идентификации может также быть лицо, по отношению к которому индивид испытывает позитивные либо негативные эмоции².

К середине XX века специалистами в области психоаналитической теории были выявлены такие понятия как самость, нарциссическое ядро личности и внутриспсихическая структура личности. Исследователи также пришли к выводу, что индивид нуждается в формировании целостного «я», с помощью которого он может добиться успешной самореализации. Целостное «я» играет большую роль для взаимодействия индивида и его социального окружения. Данные открытия в области психоанализа позволили еще глубже проникнуть в суть предмета идентификации индивида в социальной группе.

¹ Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008.

² Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А.А. Иванова. – М.: Гардарики. 2004.

Своеобразный подход в рамках психоаналитической философии человека и общества к пониманию идентификации предложил К.-Г. Юнг. По его мнению, идентификация личности представляет собой ее индивидуацию, то есть интеграцию разрозненных элементов личности в целостную конструкцию на основе использования практик формирования личности, сложившихся в традиционных религиях. Чтобы найти место в обществе, личность должна идентифицировать себя с архетипическими моделями, являющимися базой той сакральной культурной традиции, в которой данный человек воспитывается.

Со временем изучение идентификации вышло за рамки психоаналитической концепции и стало объектом исследования бихевиоризма, который тоже может рассматриваться не только в узкопсихологическом, но и в более широком социально-философском и философско-антропологическом смысле. Бихевиоризм как философия рассматривает человеческую личность как совокупность поведенческих реакций, возникающих однозначно в ответ на те или иные стимулы окружающей физической или социальной среды. По мнению ряда исследователей-бихевиористов (Н. Миллер, О. Маурер, Д. Доллард), идентификация – это утверждение второй, социально ориентированной, идентичности. Это процесс установления неких регламентированных отношений, внутри которых поведенческие модели разделяются обеими сторонами. Идентификация формирует зависимость и привязанность с целью обретения индивидом уже готовых форм поведения. Исследователи-бихевиористы (напр., Х. Левин, Э. Маккоби) отмечают, что идентификация достигается путем подкрепления, имитации, генерализации, наблюдения за использованием поведенческих моделей. Именно бихевиоризм стал рассматривать не только биолого-психические, но и социально-значимые аспекты идентификации. Признание сознательного элемента в процессе идентификации превалирующим над всеми остальными является бесспорным достижением бихевиористов.

В рамках когнитивистской (феноменологической) парадигмы личностная и социальная идентификация рассматривается на уровне когнитивных процессов, происходящих на сознательном (а не бессознательном, как полагали приверженцы психоаналитической концепции) уровне. Так, благодаря когнитивистским исследованиям Дж. Тернера и Г. Теджфела, идентичность получила описание через процессы категоризации, в которых участвуют сам субъект и окружающие его индивиды. Социальная категоризация – когнитивное разделение на группы, которое помогает

сформировать групповой фаворитизм и используется индивидами в социальном взаимодействии, с помощью чего индивид оказывается в состоянии структурировать понимание своего социального окружения и оформить систему ориентиров и ценностей, занимая определенное место в социальной группе, каком-либо обществе и т.д. Восприятие индивидом самого себя (идентичность) разделяется на два плана. Первый существует в рамках уникальных личностных характеристик – это личностная идентичность. Вторым является самоопределением в рамках принадлежности к той или иной социальной категории – социальная идентичность. Оба варианта самокатегоризации возможны исключительно при осознании индивидом себя уникальным членом общества с последующим осмыслением своего места и своей роли в рамках какой-либо социальной категории. Индивид занимает активную позицию в выборе механизмов, которые могут помочь процессу самоопределения, оказаться релевантными и полезными в соответствующей ситуации и окружении. Вышеописанные концептуальные идеи Тернера и Тэжфела были положены в основу исследований отечественных исследователей Т.В. Румянцевой и Н. Л. Ивановой, которые разрабатывали когнитивные модели идентичности.

Методология философского прагматизма также внесла целый ряд ценных идей и представлений в изучение идентификационных процессов, оказавшихся нестандартными по отношению к традиционным подходам и в то же время родственными по отношению к некоторым положениям и постулатам когнитивной социологии. В числе этих идей – обращение к анализу языка, культурной проблематике, изучение внутренних структур личности и моделированию социальной реальности и многие другие. Основы прагматической концепции социальной идентификации и социальной идентичности заложил У. Джеймс. Согласно теории Джеймса, индивид мыслит себя на разных уровнях. Первый уровень – личностный, на котором формируется личная самоидентификация. Вторым уровнем – социальный, на котором формируется многообразие образов социального «я» данного индивида. Оба уровня завязаны на социально-практические и индивидуально-практические цели и проявляются в различных формах индивидуально-личностного и коллективного опыта¹.

¹ Шакурова А.В. История становления понятия «социальная идентичность» в зарубежной социологии и социальной психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/shakurova.pdf>.

Таким образом, рассмотрев ряд методологических парадигм социальной философии с точки зрения их специфики и возможностей в исследовании феномена идентификации на личностном и коллективном уровнях, мы можем сделать вывод о том, что идентификация в целом рассматривалась как процесс, формирующий социально-значимые качества, с помощью которых индивид получает возможность реализовать себя внутри социальной группы.

В то же время более ранние методологические парадигмы в целом имеют детерминистский характер, рассматривая идентификацию как процесс одностороннего влияния общества или социальной группы на индивида через культурные представления и ценности, а также выделяя объективный (реальный) и субъективный (иллюзорный) компоненты идентификации. Более поздние по времени возникновения и обогащенные влиянием психологических теорий парадигмы репрезентируют идентификацию как скорее многоуровневый субъективно-объективный процесс социального самоопределения индивида в рамках имеющейся в обществе ситуации.

Библиография

1. Бауман З. Текущая современность. Санкт-Петербург: Питер, 2008.
2. Волков Ю.Г. Доверие в социальной идентификации креативного класса в российском обществе // Евразийские исследования: актуальные проблемы и перспективы развития. Научное издание. –Ер.:Амарас, 2013. С. 23-27.
3. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. –М.: «Дело». 2004.
4. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>.
5. Посухова О.Ю. Карьерное пространство: методологические проблемы социологического исследования // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3. С. 46.
6. Философия: Энциклопедический словарь /Под редакцией А.А. Ивина. –М.: Гардарики. 2004.
7. Шакурова А.В. История становления понятия «социальная идентичность» в зарубежной социологии и социальной психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/2/shakurova.pdf>.

*НАУГОЛЬНЫХ Валерий Валерьевич,
эксперт Общероссийского союза
общественных объединений «Российская нация»
rosnation@mai.ru*

Взаимодействие власти и бизнеса на современном этапе: конфликтологический аспект/ The interaction between government and business at the present period: conflictological aspect

Аннотация

Статья посвящена проблеме взаимодействия власти и бизнеса с точки зрения конфликтологического аспекта. В ней рассматриваются понятия «политический конфликт», «конфликт власти и бизнеса», а также закономерности возникновения и развития такого рода конфликтов в современной России.

Ключевые слова

Конфликт власти и бизнеса, политический конфликт, противоречие, взаимодействие.

Abstract

The article deals with the problem of interaction between government and business in terms of conflict aspect. It discusses the concept of «political conflict», «conflict between business and government» and also patterns of occurrence and development of this kind of conflict in modern Russia.

Keywords

Conflict between business and government, political conflict, contradiction, cooperation.

В условиях, когда российский бизнес стоит перед выбором активного участия в модернизационных процессах страны или адап-

тации к складывающейся социально-экономической и политической системам, вопросы изучения отношений между бизнесом и властью, а также конфликтов между ними становятся особенно актуальными.

С момента появления бизнеса как самостоятельного актора в политическом поле страны вопрос его взаимодействия с властью рассматривается чаще всего именно в конфликтном дискурсе. На протяжении всей современной российской политики, в период транзита от одной политико-экономической системы к другой, отношения власти и бизнеса всегда характеризовались значительным уровнем напряженности и неоднократным смещением баланса сил то в одну, то в другую сторону¹.

Поэтому для более глубокого понимания сущности конфликта власти и бизнеса как разновидности политического конфликта на современном этапе, а также выбора наиболее эффективной модели его урегулирования или предотвращения необходимо рассмотреть понятие конфликта. Как представляется, решению конфликтов власти и бизнеса может способствовать именно политологический анализ и рассмотрение базовых понятий «конфликт» и «политический конфликт».

Конфликт (от лат. «conflictus» – столкновение) представляет собой противоборство двух или более групп различных интересов с целью их реализации в условиях политической борьбы; причем речь идет о серьезном расхождении мнений, остром столкновении идей, влекущем за собой осложнения и споры. По мнению конфликтолога Л. Крисберга, «конфликт представляет собой отношение между двумя и более сторонами, которые уверены в том, что имеют несовместимые цели»².

Одним из наиболее точных на сегодняшний день определений конфликта является определение, введенное американским социологом Л. Козером: «Конфликт – это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противоборствующими сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытку нейтрализовать противника, причинить ему вред или устранить его»³.

Исходя из этих определений, политический конфликт, частным проявлением которого можно считать конфликт бизнеса и власти, можно охарактеризовать, как противостояние разносторонних по-

¹ Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7.

² Krisberg L. Sociology of Social Conflict. New Jersey: Prentice-Hall, 1973. P. 17.

³ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 167.

литических групп, вызванное глобальным расхождением политических интересов и целей.

Конфликт как таковой является неотъемлемой составляющей всех сфер жизни человека. Изучением этой части общественной деятельности занимается наука конфликтология. Со времен СССР такое явление как конфликт не достаточно исследовалось учеными. Роль конфликта в развитом социалистическом обществе фактически исключалась как нечто дисгармоничное. Но поскольку конфликты существовали все равно, они сглаживались, наслаиваясь один на другой, создавая еще большее нарастание кризисной ситуации. Вместе с тем важно отметить, что конфликт можно остановить на любой из стадий его развертывания, на конкретное время или насовсем, при условии, что будет устранена его основная причина. Об этом говорил еще Гегель в контексте анализа борьбы противоположностей¹.

Политические кризисы и конфликты порождают хаос, разрушают политическую систему, но вместе с тем – способствуют возникновению нового этапа политических отношений. В свое время В.И. Ленин отмечал, что всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметаю прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего².

В отличие от России, на Западе еще в конце XIX – начале XX вв. сформировались два научно-политических течения, связанных с проблемами конфликта. Первое, главенствующее, основоположниками которого считаются К. Маркс, В. Парето, М. Вебер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, Л. Козер и др., изучает саму суть конфликта и его мотивационную основу. Второе направление – школа структурного функционализма – представлена С. Липсетом, Т. Парсонсом, Н. Смелзером и рассматривает конфликт как разрушающую структуру, мешающую установлению мира и стабильности. Следует отметить, что западной науке с присущими ей разнообразными подходами в области конфликтологии в принципе свойственна множественность оценок и определений этого феномена.

Однако, несмотря на многообразие подходов, в мировой конфликтологии все же сложилась преобладающая точка зрения, согласно которой к конфликту бизнеса и власти необходимо подходить исходя из противоречия, вызывающего столкновение сторон. Сам же конфликт – это процесс резкого обострения противоречия

¹ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 33.

² Ленин В.И. Сожаление и Стыд // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 20 (ноябрь 1910 – ноябрь 1911). М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 245.

и борьбы двух или более сторон-участниц в ходе решения проблемы, имеющей значимость для каждой из них. Вместе с тем просто обострение противоречия далеко не идентично собственно конфликту. Применительно к бизнесу и власти важен момент осознания потенциального конфликта противоборствующими сторонами с учетом существующей социально-политической конъюнктуры.

Основной причиной политических конфликтов в сегодняшней России является активное применение форм и методов перераспределения государственной собственности и власти, что вызывает обострение общественных противоречий и, таким образом, усугубляет социально-экономическую и политическую разобщенность во всех сферах жизнедеятельности страны. Помимо этого, к источникам политического конфликта относятся: иерархическая структура в политической сфере, неравномерное распределение политических свобод, уровней и форм участия в политической жизни, различия в политических идеологиях и реальной политике, сложившихся социальных групп¹.

В рамках развития экономических отношений неизбежно возникает столкновение взаимозависимых интересов: конфликты между организациями, организациями и обществами, между частными фирмами и государством. Поэтому важной частью культуры бизнеса выступают отношения с властью, производителями и потребителями, наемными работниками².

Можно со всем основанием полагать, что эффективность современной рыночной экономики в любой стране во многом зависит от того, насколько оптимально построена модель взаимоотношения государства и его институтов с бизнесом.

Одним из главных условий в процессе разбора конфликта между властью и бизнесом является видение этого конфликта как разновидности общей типологии конфликтов. Сложность состоит в том, чтобы правильно расценить кризисную ситуацию, возникшую в среде корпоративно-клановых группировок и государственных структур, в столкновении представителей олигархии и власти и т.д. Все это усложняется еще больше разницей взглядов и убеждений участников конфликта. Впоследствии возможно не только переплетение конфликтов, но и их наложение друг на друга. Это приводит, в свою очередь, к возвращению к первичной составляющей конфликта, за счет чего лишается всякий смысл его ведения.

¹ Glukhova A.V. Value Inquiry // Book Series. 2014. Vol. 276. P. 92-93.

² Robbins R.H. Global Problems and the Culture of Capitalism. N.Y.: Allyn & Bacon Publishing Inc., 2005.

А.В. Соловьев предлагает свою типологию конфликтов: юридический (конфликт права) и экономический (конфликт интересов) конфликты. Эффективным методом урегулирования экономического конфликта интересов, он считает, является разрешение конфликта с помощью согласования интересов в ходе обоюдного рассмотрения предмета разногласий или при содействии третьих лиц. А сам ход разрешения юридического конфликта интересов он видит в участии в нем органа судебной власти или административного органа¹.

Многие исследователи отмечают, что присутствие жесткой административной регламентации ограничивает выбор легитимных способов достижения целей и реализации интересов, что приводит к противостоянию сторон. Так, процесс образования олигархических накоплений в России и его соединение с властью на определенном уровне развития явились причиной неизбежного столкновения бюрократической власти и бизнес-структур, которые стремились внедрять свои интересы, оказывая сильный прессинг на власть. В свою очередь, усиление интересов государственной власти, черпающей свои силы из административных ресурсов, участило случаи столкновения между представителями бизнеса и властью.

Одним из наиболее действенных способов разрешения этих конфликтов, препятствующих их проникновению за институциональные рамки, следует признать создание очерченного законом механизма их выявления и разрешения, т.е. установление «правил игры». На практике это может означать узаконивание лоббистской деятельности в России.

Возникновение и развитие конфликта также возможно в условиях государственного диктата или контроля со стороны влиятельной стороны с доминирующим интересом. В качестве примера можно привести ситуацию на рынке монополии или монополии, при которой доминируют интересы, соответственно, товаропроизводителей или потребителей. Другим примером является государственно-частное партнерство (ГЧП), при котором превалирует влияние государства и часто наблюдается ущемление интересов бизнеса. Современное ГЧП достаточно точно охарактеризовал А. Воротников – как «привлечение... органами власти частного сектора для более эффективного исполнения задач, относящихся к публичному сектору»².

¹ Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе: типология и управление: учебно-практическое пособие. М.: Альфа-Пресс, 2008. С. 142.

² Воротников А. Организация управления проектами государственно-частного партнерства // Государственная служба. 2010. № 3. С. 13.

Безусловно, пересечение государственного и частного секторов создает возможности для проявления коррупции¹, но она не всегда выражена в форме финансового преступления. Главная цель в ходе диалога – это разработка модели мирного взаимодействия между сторонами конфликта на основе равноправного участия и свободного обмена мнениями по различным аспектам конфликта.

Можно констатировать, что с конца 1990-х гг. в России наблюдается не столько взаимодействие власти и бизнеса, сколько сращивание крупных олигархов регионального масштаба с действующей властью, при избирательном отношении к среднему и недостаточном внимании власти к малому бизнесу². Данная тенденция, сохранившаяся до нашего времени, свидетельствует о конфликтном состоянии такого взаимодействия, а также о проблемах институционализации российского предпринимательства уже в начале нового столетия.

Кроме того, уменьшение контроля за властью со стороны общества и ослабление прямой и обратной связи между ними способствуют снижению эффективности власти, увеличивают потенциальную конфликтность социума. В этом смысле существующие на сегодняшний день в России механизмы разрешения конфликтов между властью и бизнесом недостаточно эффективны³.

Если рассмотреть данные проблемы на примере западных стран, то в этом случае участниками конфликтов между сферой бизнеса и власти являются профсоюзы и другие общественные организации, выступающие в интересах различных социальных слоев. При этом действующие лица, участвующие в противоборстве, могут предъявлять к оппонентам различные требования, ввиду чего конфликт может выходить за рамки политики, экономики и социальных отношений. Профсоюзы вправе применять в своей внутренней политике лозунги, касающиеся главным образом общепризнанных ценностей, и опираться в своей борьбе на убеждения участников определенной социальной группы. И институты власти, и струк-

¹ Хайрутдинова Л.Р. Образование коррупционной киберпреступности в виртуализированном пространстве // Политика, государство и право. 2014. № 4 (28). С. 17.

² Титова Л.Г. Региональные конфликты и взаимодействие власти и бизнеса // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. Т. 2. М., 2003. С. 231-232.

³ Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства на примере железнодорожной отрасли - ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 1 (42). С. 115-123.

туры бизнеса всегда принимают во внимание мнение участников этих групп с целью расширения своей социальной базы.

Сегодня в России происходит определенное смещение парадигмы развития бизнеса при прямом участии государства, что проявляется:

- в активизации действующих и создании новых государственных корпораций с резким увеличением масштабов их бизнеса;
- экспансии государственных холдингов в непрофильные сферы бизнеса;
- артикуляции государственного интереса к активам уже не «нелояльных режиму» или «налогопроблемных» структур, а на эффективно работающий бизнес;
- повышении уровня принятия политических решений при сокращении проектного статуса при рассмотрении различных бизнес-стратегий.

Более того, как отмечает В.И. Киселев, конфликты интересов бизнеса и власти являются проявлением межгрупповых противоречий¹. По мнению Э. Гидденса, в отличие от конфликта, понятие противоречия относится к некоторой структуре. Противоречие выражает уязвимое место, слабое звено в конструкции социальной структуры². Для преобразования противоречий в конфликты нужно понимание причин расхождения интересов и соответствующий план действий. Пока это осознание не пришло, конфликт не наступит. Мирное существование противоречий является двигателем общественного прогресса. Именно благодаря этим взаимодействиям происходит эволюционирование социально-политических процессов. Отсюда следует, что конфликт бизнеса и власти как таковой касается в первую очередь претензий на завоевание власти и авторитета, где экономические интересы часто отходят на второй план.

Сейчас подобные противоречия решаются властью посредством принятия односторонних мер принудительного характера (в отношении крупного бизнеса) либо улаживаются в индивидуальном порядке с помощью арбитров со стороны вышестоящих властей. Можно спрогнозировать перспективу развития в современной России организаций, специализирующихся на разрешении политических конфликтов, и внедрения в политический процесс практики арбитража и иных форм посредничества.

¹ Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7.

² Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991. С. 259.

Тем не менее, в современной России для этого недостаточно развиты институциональные структуры. Это препятствует и власти, и бизнесу четко определять порядок их взаимодействия, принимать необходимые меры для разрешения конфликтных ситуаций, понимать взаимные интересы и совместно работать в режиме консультаций. При этом становится очевидно, что необходима гибкая модель взаимодействия власти и делового сообщества, активно отстаивающего свои организованные интересы.

В связи с вышесказанным подчеркнем, что во всем мире уже давно пришли к осознанию важности легитимного урегулирования конфликтов интересов власти, бизнеса и общества как равноправных партнеров. Необходимость выработки нового регламента и правил игры уже на законных основаниях сегодня как никогда актуальна и для российского общества. Так, значительно возросла потребность в законности: бизнес-структуры нуждаются в эффективной экономической политике государства и стабильной демократии, государство – в суверенитете, в свою очередь, общество – в отсутствии деструктивных проявлений социальной напряженности. В то же время в России наблюдается актуализация в политическом процессе «конструктивных» конфликтов и расширение прецедентной практики управления ими.

Как представляется, модель разрешения конфликтов власти и бизнеса в современной России вполне может строиться на собственной национальной почве, «не повторяя опыт других цивилизаций и культур, но двигаясь в собственном направлении, как это происходит в сфере разрешения международных конфликтов»¹. По нашему мнению, основным рычагом управления конфликтами бизнеса и власти в сегодняшней России может стать их институционализация.

В настоящий период в России идет поиск моделей разрешения конфликта власти и бизнеса, однако эту проблему невозможно решить каким-то одним действием, а требуется комплексный подход с учетом интересов всех участников этого, по большому счету, политического конфликта.

Библиография

1. Воротников А. Организация управления проектами государственно-частного партнерства // Государственная служба. 2010. № 3.

¹ Манойло А.В. Ценностные основы управления конфликтами: российская модель // Мир и политика. 2012. 1 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mir-politika.ru/334-upravlenie_konfliktami.html.

2. Гидденс Э. Социология. Челябинск, 1991.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 2008. № 5.
4. Евлаев А.Н. Взаимодействие бизнеса и государства на примере железнодорожной отрасли – ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 1 (42). С. 115-123.
5. Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7.
6. Манойло А.В. Ценностные основы управления конфликтами: российская модель // Мир и политика. 2012. 1 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mir-politika.ru/334-upravlenie_konfliktami.html.
7. Соловьев А.В. Конфликты на государственной службе: типология и управление: учебно-практическое пособие. М. : Альфа-Пресс, 2008.
8. Титова Л.Г. Региональные конфликты и взаимодействие власти и бизнеса // Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы: Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. Т. 2. М., 2003.
9. Хайрутдинова Л. Р. Образование коррупционной киберпреступности в виртуализированном пространстве // Политика, государство и право. 2014. № 4 (28).
10. Glukhova A.V. Value Inquiry // Book Series. 2014. Vol. 276.
11. Robbins R.H. Global Problems and the Culture of Capitalism. N.Y.: Allyn & Bacon Publishing Inc. 2005.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

*КОВЗИРИДЗЕ Манана Акакиевна,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры «Психология, социология,
государственное и муниципальное
управление» (МИИТ)
gimiit@gimit.ru*

Применение современных информационных технологий в учебном процессе как показатель качества образования/ Using of modern information technologies in the educational process as an indicator of the quality of education

Аннотация

В настоящей статье рассматривается вопрос роста внимания к информационным технологиям в образовании как показатель его качества. Представлены подходы к оценке качества образования, реализуемые через систему всероссийского и международного мониторинга качества образования, а также посредством научно-практических разработок, проводимых на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова

Качество образования; компьютерное тестирование; электронные учебники.

Abstract

This article discusses the growth of attention to information technologies in education as an indicator of its quality. The approach to assessing the quality of education being implemented through a system of national and mezhunarodnogo monitoring Merchant education, as well as through scientific and practical research conducted at the federal and regional levels.

Keywords

Quality of education; computer testing; electronic textbooks.

В зоне внимания исследователей находится такое новое для нашей страны понятие как «качество образования». Можно говорить о существовании различных научных подходов к его пониманию¹. Нынешний этап развития качества образования предлагает рассматривать в качестве центрального звена человека.

Основу фундаментальных реформ в образовании составляет принципиально новое мышление, ориентированное, прежде всего, не на текущие, а на перспективные ценности общества. Информатизация образования органически связана с процессом его модернизации.

Развитие страны как экономическая и духовная категория во многом определяется качеством общего и профессионального образования. Поэтому в рамках приоритетных направлений развития образовательной системы Российской Федерации в период до 2010 года, одобренных Правительством Российской Федерации, было предусмотрено создание моделей организации контроля качества образования и формирование нормативной базы для общероссийской системы оценки качества образования (ОСОКО). В настоящее время данная работа занимает важное место в образовательной программе страны.

Говоря об истоках вопроса, важно упомянуть существующие подходы к понятию «качество образования». Так И.Я. Лернер в качестве элементов содержания образования рассматривал не только знания, умения и навыки, но и опыт творческой деятельности, эмоционально-чувственное отношение к действительности. Другими словами, знания приобретают новые свойства по мере того, как обучающиеся усваивают другие элементы содержания образования.

Можно выделить ряд подходов в исследовании качества образования:

1. Структурно-функциональный подход: рассматривает учебную деятельность как процесс овладения учащимися самого содержания образования, т.е. готового знания;
2. Системный подход: раскрывает картину взаимосвязи и взаимозависимости свойств элементов системы образования². Например, одни свойства влияют на формирование осоз-

¹ См.: Давыдова Л.Н. Различные подходы к определению качества образования // Качество.Инновации. Образование. – 2005. - № 2. – С.5.

² См.: там же.

нанности, другие, в свою очередь, служат областью ее применения;

3. Функционально-деятельностный подход: гласит, что система свойств знаний дает возможность субъектам управления обнаружить тенденции в изменениях знаний и одновременно судить о развитии личности обучаемых. Другими словами, можно отметить существование ориентации не только на качество знаний, но и также на качества личности. Знания являются по-настоящему качественными только будучи тесно взаимосвязанными с другими компонентами содержания образования (развивающий, воспитательный аспект и др.).

В начале XXI века разработка подходов к оценке качества образования осуществляется через систему всероссийского и международного мониторинга качества образования, а также посредством научно-практических разработок, проводимых на федеральном и региональном уровнях.

В работах последних лет находит отражение мировой опыт разработки инструментария оценивания результатов обучения, в том числе тестирования и обработки результатов на основе современных теорий педагогических измерений. Особенностью современного взгляда является отказ от традиционного подхода, когда управление образовательным процессом осуществлялось на основе оценки конечного результата. Современный подход предусматривает регулирование процесса на основании оценки его состояния по особому рода выделенным критериям качества для всех элементов процесса и факторам, которые оказывают влияние на конечный результат¹.

Одним из основных направлений развития образовательного процесса становится реализация концепции опережающего образования, ориентированного на новые условия информационного общества и широкое использование инновационных педагогических технологий развивающего обучения, направленных на раскрытие творческого потенциала личности. В связи с переходом к постиндустриальному обществу все заметнее становится тенденция к информатизации сферы образования. Создаются электронные учебники, разрабатываются автоматизированные системы обучения, организуются виртуальные университеты, тестирующие программы. Однако на современном этапе, зачастую, у преподавателей высшей школы пока отсутствует методика и практика ис-

¹ Горленко О.А. Менеджмент качества: анализ основных определений. // Методы менеджмента качества. – 2004. - № 12. – С.34 – 36.

пользования компьютерных информационных технологий в учебном процессе.

Внедрение телекоммуникационных технологий в учебный процесс ВУЗа связано с решением ряда проблем. В первую очередь, это ограниченность ресурсов ВУЗа (финансирование, качество каналов связи, уровень используемой в ВУЗе компьютерной техники). Также в силу очевидной сложности формализации процессов обучения и из-за новизны Internet-технологий эти проблемы находятся на начальной стадии своего решения, возможности современных информационных технологий используются в малой степени.

В настоящее время готовые электронные продукты, обладая содержательной полнотой, не используют весь спектр возможностей современных информационных технологий. Разработка полномасштабного мультимедийного учебника – процесс трудоемкий и дорогой. Он требует специальных знаний и владения мультимедийными технологиями. При рассмотрении разработанных электронных материалов обнаруживается прямое сходство с традиционными учебными пособиями. Монотонные тексты, в лучшем случае местами оснащенные гиперссылками, предлагаются читать с экрана как книгу.

Новые возможности, открывающиеся перед создателями электронных учебников, с развитием новых информационных технологий требуют пересмотра дидактических основ построения учебника и методики его использования в учебном процессе. В настоящее время ведутся разработки различных моделей построения электронных учебников и методов их применения.

В то же время система оценки качества образования в России начала создаваться не так давно, в силу чего еще не сформировано единое концептуальное и методологическое понимание проблем качества образования и подходов к его измерению. До сих пор в ряде случаев используется неапробированный по единому стандарту инструментарий. При этом можно отметить отсутствие необходимого научно-методического обеспечения для объективного и надежного сбора информации. В ряде регионов отмечается нехватка квалифицированных кадров.

По нашему мнению, подготовка к созданию электронного учебника должна начинаться с разработки модульной программы курса, состоящей из комплексной дидактической цели и совокупности модулей, обеспечивающих достижение этой цели. Чтобы составить такую программу, преподавателю, прежде всего, необходимо выделить основные научные идеи и цели курса. Затем следует

структурировать учебное содержание вокруг этих идей в определенные блоки тем курса, после чего сформировать комплексную дидактическую цель, включающую в себя задачи, как по усвоению учебного содержания, так и по его использованию на практике. Далее из комплексной дидактической цели выделяют интегрирующие дидактические цели и формируют модули. Совокупность решения этих целей обеспечивает достижение комплексной дидактической цели. Таким образом, каждый блок тем состоит из одного или нескольких модулей.

Важным элементом управления обучением студентов является принцип обратной связи, основанный как на контроле усвоения материала, так и на самоконтроле. После освоения каждого учебного элемента осуществляется текущий самоконтроль (ТСК), после завершения работы с модулем проводится итоговый контроль (ИК). При этом важно, что учащийся не может открыть для изучения следующий модуль, если не прошел итоговый контроль или получил по нему неудовлетворительную отметку.

После освоения всех модулей блока тем студент должен выполнить итоговую контрольную работу обобщающего характера. Положительные результаты контрольной работы служат основанием для допуска студента к изучению следующего блока тем.

Электронный учебник должен иметь развитой и полный справочный аппарат. В него входит список основной и дополнительной рекомендуемой литературы, связанный гиперссылками с текстами литературных источников, размещенных на образовательном сервере, именной указатель, позволяющий с одной стороны найти в тексте упоминание об ученом, с другой – имена ученых в тексте модуля должны быть связаны гиперссылками с разделом «Автобиографии». Предметный указатель должен позволять находить необходимые термины в тексте учебника посредством гиперсвязей. Базовые и периферические понятия, встречающиеся в тексте, должны быть связаны гиперссылками с определениями, дающимися им в словаре.

Важный элемент электронного учебника – средства наглядности. Чаще всего это статические объекты (рисунки, таблицы, схемы, диаграммы). Они могут быть как ведущими, самостоятельно раскрывающие содержание учебного материала, равнозначные – служащие вместе с текстом цели наиболее глубокого и эффективного усвоения содержания учебного материала, а также обслуживающими – дополняющими, конкретизирующими, эмоционально усиливающими содержание текста. В любом случае иллюстрации следует выполнять в цвете и связывать с текстом соответствующим

щими гиперссылками. Дидактическая роль иллюстративного материала усиливается, если он приобретает динамический характер. Однако к динамическим наглядным средствам следует относиться с большой осторожностью. Их не должно быть много, и они не должны отвлекать внимание учащихся от изучаемого материала.

Наконец, важнейшим элементом электронного учебника является пользовательский интерфейс – способ взаимодействия пользователя с системой. Следует иметь в виду, что изображение на экране компьютера и способы взаимодействия с программой должны быть обращены к ситуации, хорошо знакомой студенту. В этом случае студенту легче понимать и интерпретировать изображение на экране, не приходится постоянно заглядывать в руководство, чтобы выяснить, как выполняется то или иное действие, и главное, возникает ощущение психологического комфорта, характерного для встречи с чем-то хорошо знакомым. По нашему мнению, дизайн интерфейса должен быть выполнен в виде развернутых страниц классического полиграфического учебника. При переходе с одного поля изображения к другому должна создаваться иллюзия переворачивающихся страниц.

Особое место среди форм контроля знаний в системе образования занимает тестирование. По нашему мнению, оно должно стать и обязательным моментом электронного обучения.

Проблема эффективности контроля знаний студентов с помощью тестов весьма обширна. Для ее разрешения необходимо постоянное ведение исследовательской работы в рамках тестологии, общей теории и методики применения тестов в учебном процессе. Важно изучать все существующие концепции учебного тестирования с целью разработки системы теорий по тестированию. Отдельным условием успешного тестирования становится необходимость использования различных тестовых программ и систем управления базами данных. Важно также изучать опыт работы других вузов.

Далее перечислим существующие в настоящее время методы контроля успеваемости студентов, которые используют большинство вузов – это устные опросы, рефераты, контрольные работы, лабораторные работы, курсовые работы, экзамены, зачеты и др. Выбор перечисленных форм контроля зависит от направленности курса, его цели и содержания. При этом у перечисленных методов существуют недостатки, главным из которых можно считать проверку знаний студентов только в конце семестра, то есть по окончании изучения дисциплины. Таким образом, проблема ор-

ганизации учебной деятельности в соответствии с современными требованиями остается одной из основных.

На наш взгляд, организация учебного процесса на основе применения заданий в тестовой форме как основного механизма проверки качества знаний позволит повысить качество подготовки студентов в течение семестра.

В целом можно говорить о том, что одной из главных причин низкой успеваемости студентов является их нерегулярная посещаемость в течение семестра. Пропуски занятий приводят, в свою очередь, к невыполнению многих самостоятельных заданий, курсовых работ, а, следовательно, – к невыполнению учебной программы. Для предотвращения такой ситуации введение заданий в тестовой форме, как мероприятия по текущему контролю знаний студентов, является также достаточно эффективным методом.

Компьютерное тестирование студентов позволяет также решить и ряд сложностей, постоянно возникающих в учебном процессе: списывание (т.к. вариантов по конкретному модулю программы множество), сдачу чужой письменной работы и др.

Учитывая выше сказанное, можно говорить о том, что задания в тестовой форме позволяют преподавателю учитывать текущую успеваемость студента, следовательно, - активизируют его самостоятельную подготовку. При этом студент, как правило, заинтересован в получении наиболее высокой оценки. Это обеспечивает его высокую активность при подготовке к тестированию, проводящемуся регулярно, а не только к зачету или экзамену в конце семестра. Преподаватель в такой ситуации имеет возможность получить объективную оценку знаний студента по предмету в процессе обучения, а не по его окончании.

Таким образом, использование заданий в тестовой форме в учебном процессе помогает создать у студента установку на самостоятельную работу. Однако при этом важно поставить студента в известность о том, что его результаты влияют на итоговую оценку в конце семестра, то есть итоговая оценка по дисциплине определяется не только результатами итогового экзамена, но и результатами, полученными в ходе тестирования на протяжении всего семестра.

На наш взгляд, задания в тестовой форме, как один из ключевых механизмов оценки подготовки специалистов нового поколения, позволяет сделать менее трудоемким и более объективным процесс контроля знаний студентов.

Такой вид контроля необходим для выявления пробелов в усвоении знаний и их устранение. Контроль может проводиться в фор-

ме ответов на вопросы к тесту. Естественно, что тесты - далеко не единственная форма контроля знаний, которая должна применяться в системе образования. Однако сочетание возможностей компьютерных технологий и достоинств тестирования, как правило, вызывает у преподавателей интерес к разработке тестов, систем тестирования. Так, изучение каждой темы курса по дисциплинам кафедры «Психология, социология, государственное и муниципальное управление» заканчивается, как правило, контрольным тестированием, которое позволяет студенту выяснить, насколько глубоко он усвоил учебный материал. Таким образом, промежуточное тестирование фиксирует переход от одной темы к другой. В результате осуществляется постоянная обратная связь обучающегося с преподавателем, позволяющая повысить эффективность процесса усвоения знаний.

Сильной стороной тестового контроля знаний является возможность охватить в процессе тестирования большой объем материала и тем самым получить действительно широкое представление о знаниях тестируемого студента. Использование тестирования в реальной педагогической деятельности позволяет заметно повысить объективность, детальность и точность оценивания результатов процесса обучения. Кроме того, тесты могут быть использованы студентом и в ходе самостоятельной работы для контроля качества усвоения материала.

Тестирование позволяет осуществить не только контроль, но и самоконтроль знаний студента, систематизировать их. Тесты являются хорошим средством для подготовки к экзамену или зачету.

В сочетании с персональными компьютерами и новыми информационными технологиями тесты помогают перейти к созданию современных систем адаптивного обучения и контроля.

Таким образом, при разработке электронного учебника следует учитывать весь комплекс дидактических средств, а правильно выбранная дидактическая модель служит основой быстрого и качественного усвоения знаний.

Развитие новых информационных технологий позволит существенно модернизировать учебный процесс и повысить эффективность образования путем управления процессом преподавания.

В заключении хотелось бы отметить, что деятельность по разработке учебного курса должна носить совместный характер и заключаться в решении таких вопросов, как определение целей курса и основных путей их достижения, способов предоставления учебного материала, ведущих методов обучения, типов учебных заданий, упражнений, вопросов для обсуждения, конкретных путей

организации дискуссий и других способов взаимодействия между различными участниками учебного процесса.

В решении этих вопросов кроме преподавателей различных специальностей должны участвовать и представители других подсистем современного образования, особенно технологической, в частности, специалисты по компьютерной графике, сетевым технологиям и др.

Таким образом, в связи с применением современных компьютерных и телекоммуникационных технологий в сфере образования происходят существенные изменения в преподавательской деятельности, месте и роли преподавателя в учебном процессе, его основных функциях. В качестве первостепенных можно отметить следующие изменения:

- усложнение деятельности по разработке курсов;
- необходимость специальных навыков и приемов разработки учебных курсов;
- усиление требований к качеству учебных материалов;
- возрастание роли обучаемого в учебном процессе;
- усиление функции поддержки студента;
- возможность обратной связи преподавателя с каждым обучающимся.

Именно эти изменения, а не вытеснение преподавателей компьютерами и электронными учебными курсами, характерны, по нашему мнению, для современного образования.

Библиография

1. Болотов, В.А. Система оценки качества российского образования / В.А. Болотов, Н.Ф. Ефремова // Педагогика. – 2006. – 1. – С.22-31.

2. Горленко О.А. Менеджмент качества: анализ основных определений. // Методы менеджмента качества. – 2004. – № 12. – С.34 – 36.

3. Давыдова Л.Н. Различные подходы к определению качества образования // Качество.Инновации. Образование. – 2005. – № 2. – С.5.

4. Субетто А.А. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы и перспективы. – СПб. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. – 498с.

*ВОЕВОДИНА Екатерина Владимировна
кандидат социологических наук,
заведующая кафедрой социологии
ФГБОУ ИВО Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
ekaterinavoevodina@yandex.ru*

**Роль высшего образования в повышении
реабилитационного потенциала инвалидов / The role
of higher education in increasing the rehabilitation potential
of disabled persons**

Аннотация

В статье раскрывается роль высшего образования в повышении реабилитационного потенциала инвалидов, анализируются основные трудности, препятствующие данному процессу, обозначаются общие рекомендации по решению проблемы.

Ключевые слова

Инвалид; высшее образование; реабилитационный потенциал; индивидуальная программа реабилитации; конкурентоспособность.

Abstract

The article reveals the role of higher education in improving the rehabilitation potential of people with disabilities, examines the main challenges hindering this process, provides General guidelines for solving the problem.

Keywords

Disability; higher education; rehabilitation potential; individual rehabilitation programme; competitiveness.

Люди с инвалидностью занимают значительную долю в структуре населения России (примерно 10%). По данным Федеральной службы статистики, немалая часть из них – это дети и подростки в возрасте до 18 лет (около 4%), молодежь и лица трудоспособного возраста (свыше 30%)¹. При этом следует отметить, что демографическая ситуация современной России такова, что в ней востребованы все потенциальные экономически активные социальные ресурсы, к которым также относятся люди с инвалидностью. Однако представители этой категории часто остаются за пределами сферы занятости. Так, по данным Министерства труда и социальной защиты РФ, число неработающих инвалидов трудоспособного возраста составляет 79,7% от их общей доли, и при этом только треть инвалидов, обратившихся в службу занятости, удается трудоустроить. Причем безработица среди данной категории, в отличие от других «проблемных» групп, носит стойкий характер².

Одним из факторов, позволяющих повысить эффективность трудоустройства инвалидов, их конкурентоспособность на рынке труда является высшее образование, которое, с одной стороны, позволяет приобрести соответствующие профессиональные навыки, а с другой, расширить социальные контакты, создав тем самым для инвалида благоприятную реабилитационную среду, и увеличив его шансы на знакомство с потенциальным работодателем.

Однако на пути инвалида, желающего получить высшее образование, встречается немало препятствий: это и отсутствие доступной среды в вузах, и недостаток адаптированных учебных планов, информационно-коммуникативных средств сопровождения образовательного процесса и др.³ Подобные трудности нередко порождают мотивацию на «неудачу» еще на этапе профориентации и выбора учебного заведения. Поэтому важной задачей субъектов, способных повлиять на повышение реабилитационного потенциала инвалидов, является создание положительной мотивации к приобретению профессии. К таковым следует отнести как непосредственно уполномоченные органы – бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) и лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ), так и косвенные субъекты, которые формируют мнение самих инвалидов о возможностях повышения их образовательного потен-

¹ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

² Топилин К.А. Инвалиды на рынке труда: региональный аспект// Человек и труд, 2011. - № 8.- С. 27.

³ Крухмалев А.Е., Воеводина Е.В. Особенности социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья// Социс, 2012. № 12. – С. 72.

циала, самореализации на рынке труда (общественные организации, средства массовой информации). Отметим, что в этом случае уместна интерпретация реабилитационного потенциала как интегральной характеристики возможностей инвалида, отражающей диалектическое единство имеющихся внутренних ресурсов реабилитации и средовых условий жизнедеятельности – такого понимания придерживается отечественный автор В.З. Кантор¹. В контексте данного определения можно отметить, что высшее профессиональное образование представляет собой социально значимый ресурс, позволяющий повысить возможности включения и эффективного функционирования индивида в структуре современного общества, компенсировать физические ограничения жизнедеятельности за счет когнитивных способностей, а, стало быть, выступить одним из средств повышения реабилитационного потенциала.

Нормативной основой реабилитации инвалидов согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» № 122-ФЗ является индивидуальная программа реабилитации (ИПР) – разработанный органами медико-социальной экспертизы комплекс оптимальных мероприятий, включающий отдельные виды, формы, объемы, сроки и порядок реализации реабилитационных мер (в т.ч. профессиональных), направленных на восстановление, компенсацию нарушенных или утраченных функций организма, способностей к выполнению определенных видов деятельности². В ИПР должны фиксироваться мероприятия по профессиональной адаптации, условия и виды труда (включая рекомендации и противопоказания). Как правило, ИПР разрабатывается при прохождении комиссии по установлению инвалидности несколькими экспертами (врачами специалистами: реабилитологом, терапевтом, хирургом, невропатологом), психологом и специалистом по социальной работе. Реже ИПР разрабатывается органами медико-социальной экспертизы по инициативе самого инвалида.

Таким образом, ИПР призвана быть своеобразным фундаментом, «точкой отсчета», устанавливающей и регулирующей ход реабилитации инвалида. Однако, по мнению ряда отечественных авторов, качество составляемых программ часто не отвечает своим задачам и, соответственно, требованиям современного рынка труда. Так, например, Э.К. Наберушкина и Е.В. Белозерова, ука-

¹ Кантор В.З. Реабилитационный потенциал инвалидов: к проблеме системного педагогического анализа// Специальное образование, 2012. - № 1. - С. 45.

² Российская Федерация. Законы. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: принят Гос. Думой 20.07.1995г.

зывают на некорректность разработки индивидуальных программ реабилитации специалистами МСЭ, которая, по их мнению, может служить одной из причин негативного отношения работодателей к инвалидам¹. На это же обращает внимание Н.А. Барткова, отмечая «формальный» подход к составлению ИПР в качестве проблемы, способствующей безработице инвалидов².

В 2011-2012 гг. автором статьи проводилось комплексное социологическое исследование по теме «Социальная адаптация студентов с ограниченными возможностями жизнедеятельности к условиям высшего учебного заведения посредством формирования позитивного социального портрета людей с инвалидностью», поддержанное Российским гуманитарным научным фондом. Основная цель состояла в раскрытии специфики процесса социальной адаптации студентов с инвалидностью к условиям вуза, выявлении основных факторов-стрессоров и факторов-стазоров (условий, затрудняющих и стимулирующих процесс адаптации соответственно), их соотношении с моделями инвалидности. В связи с этим исследование включало комплекс методов, таких, как интервьюирование, анкетирование, контент-анализ, психологическое тестирование, социометрия. В связи с тематикой данной статьи мы ограничимся описанием результатов, полученных с применением только одного из методов исследования – полуформализованного интервьюирования студентов с инвалидностью (Владимирская область, 2012г., N-13), осуществленного в вузах Владимирской области.

Так, в число дополнительных задач интервьюирования студентов-инвалидов вошло определение роли органов медико-социальной экспертизы в процессе профориентации инвалидов, выборе учебного заведения, формировании мотивации к профессиональной реабилитации и получению высшего образования. Респондентам было предложено в свободной форме ответить на такие вопросы, как: «Что вы знаете о своей программе реабилитации?», «Какие рекомендации по условиям и видам труда она содержит?», «Насколько вы придерживаетесь этих рекомендаций?», «Была ли вам дана информация по учебным заведениям, в которых созданы условия для инвалидов с вашим заболеванием?» и т.д.

В результате анализа ответов респондентов было выявлено, что почти у всех при описании условий труда в качестве противопоказаний фиксируются достаточно абстрактные формулиров-

¹ Наберушкина Э.К., Белозерова Е.В. Саратовская область: как смягчить недружелюбие рынка труда по отношению к инвалидам?// Человек и труд, 2009. –№1.- С.29.

² Барткова Н.А. Вакансии для инвалидов// Социальная защита. Социология, 2006. –№ 7.- С. 12.

ки – «противопоказаны работы с тяжелыми видами труда», «не рекомендуются виды труда, связанные с пребыванием на высоте», «противопоказано взаимодействие с профессиональными вредностями». Следует отметить, что такие ограничения приемлемы не только в отношении инвалидов, их можно рекомендовать всем людям, обладающим слабым здоровьем. На наш взгляд, присутствие подобных рекомендаций позволяет говорить об отсутствии профессионального подхода к разработке данного раздела ИПР. Причем конкретные профессии, со слов респондентов, в программах не указаны. Показательно также и то, что у 21% опрошенных студентов-инвалидов, с их же слов, нет программы реабилитации. Вот мнение одного из респондентов: «вроде бы есть какой-то документ, но мне его дали как приложение к справке об инвалидности, ничего не объясняя». Это еще раз доказывает формальный характер ИПР: ведь согласно законодательству она должна быть составлена для каждого инвалида, а это значит, что программа у респондента все-таки есть, но ее значение в проведении реабилитации ничтожно, т.к. он даже не имеет общего представления о рекомендациях, в ней содержащихся.

Другим недостатком в работе МСЭ, на наш взгляд, является отсутствие четкой системы профориентационной деятельности. На вопрос интервьюера «Проводилась ли с вами профориентационная работа?», «Помогали ли вам органы МСЭ в подборе профессии? Вуза?» менее половины опрошенных ответили положительно (43%). Им была дана информация по доступным (безбарьерным) вузам, но, преимущественно, по их личной инициативе - при этом никаких специальных методик по подбору профессии в большинстве случаев не применялось. Данные респонденты относились к числу обучающихся в специализированном центре профессионального образования инвалидов при университете и имели серьезные ограничения - отсутствие слуха, поражения опорно-двигательной системы, при которых обучение в «обычном» вузе было бы крайне проблематичным.

При этом только двое респондентов отметили, что органами МСЭ проводилась глубокая и серьезная работа по профориентации: были даны четкие рекомендации и пояснения «на кого и куда можно пойти учиться». В остальных случаях практическая помощь специалистов сводилась к тому, чтобы зафиксировать или, напротив, отклонить профессию, выбранную самим инвалидом, в соответствующем разделе ИПР. Со слов всех студентов-инвалидов, активность в выборе профессии они проявляли самостоятельно. Причем желание учиться в вузе нередко встречало «удивление» со стороны комиссии

МСЭ. В отдельных случаях члены комиссии говорили респондентам о том, что «учиться будет тяжело и сложно», «зачем лишние трудности», «вы не потянете по состоянию здоровья».

Отдельного внимания заслуживает и то, что в качестве рекомендуемых профессий специалисты МСЭ чаще предлагали студентам-инвалидам те, которые относились к малоквалифицированным видам труда, не требующим специальной подготовки. Это преимущественно профессии гардеробщика, вахтера, лифтера или обувщика, и почти никогда - инженера, юриста, экономиста и т.д.

По-видимому, на сегодняшний день при вынесении трудовых рекомендаций специалисты органов МСЭ руководствуются постановлением Министерства труда от 8 сентября 1993 года «О перечне приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда»¹. Отметим, что в нем определено 109 специальностей, призванных повысить конкурентоспособность инвалидов. Однако некоторые из них вряд ли будут иметь широкий спрос на региональных рынках труда: концертмейстер, обдирщик и огранщик алмазов, печатник циферблатов, ремонтник противогололедных машин и т.д. Некоторые специальности и вовсе неактуальны в современных условиях (к примеру, киномеханик).

Анализ показывает, что почти весь перечень (примерно 83% указанных профессий) не связан с получением высшего образования. Кроме того, ряд специальностей относится к тяжелым условиям труда, которые, как было показано выше, не рекомендуются инвалидам. Так, например, литейщик пластмасс (позиция списка №35) был внесен в «Список производств, цехов, профессий и должностей с вредными условиями труда, работа в которых дает право на дополнительный отпуск и сокращенный рабочий день» еще в 1974 году (согласно Постановлению Госкомтруда СССР № 298/П-22 от 25.10.74г., с изменениями от 29.05.1991г.).

На наш взгляд, перечень специальностей, рекомендуемых инвалидам, требует тщательной корректировки в соответствии с реалиями современного рынка труда и учетом региональных особенностей. Для этого необходим комплексный мониторинг занятости инвалидов, выявление зависимости между уровнем образования, профессией и успешностью трудоустройства. Кроме того, требуется объективная оценка возможностей инвалида при составлении

¹ О перечне приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда [Текст]: Постановление Министерства труда РФ № 150 от 8.09.1993г.

программ реабилитации - выше было обозначено, что у специалистов МСЭ при вынесении рекомендаций преобладает установка на профессии, не связанные с получением высшего образования, что, на наш взгляд, не всегда оправдано.

Вместе с тем, высшее образование играет важную роль в повышении реабилитационного потенциала инвалидов. В связи с этим, интерес представляет теория образовательных сигналов, согласно которой окончание вуза – сигнал для работодателя о том, что претендент на трудоустройство способен к эффективному интеллектуальному труду¹. Учитывая то, что социальный статус данной категории может быть ослаблен в результате социальной стигматизации – распространения негативных представлений об инвалидах как о «больных» и «неможных», не способных к полноценному труду, высшее образование приобретает для них особую актуальность².

В то же время отметим и положительные экономические последствия повышения образовательного потенциала людей с инвалидностью. Отечественный автор Т.О. Разумова отмечает, что один дополнительный год обучения увеличивает почасовую ставку оплаты труда работника в среднем на 8%³. Однако даже при отсутствии высоких заработков высшее образование играет положительную роль в профессиональной реабилитации инвалидов в связи с тем, что оно во многом способствует самореализации. Последнее актуально не только в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья. Так, к примеру, по данным исследовательского центра портала Superjob.ru (N-1600), основным позитивным последствием получения качественного образования, по мнению большинства пользователей, является именно самореализация: на это указывают 63,75% опрошенных. Любопытно, что процент людей, считающих, что образование мало влияет на последующую жизнь, по данным портала, составляет лишь 5,13%⁴.

Если же соотнести мотивы инвалидов в получении высшего образования, выявленные автором данной статьи в процессе интервьюирования студентов с ограниченными возможностями здоровья в процессе двух сопоставимых исследований - в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России

¹ Разумова Т.О. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2009. С.19.

² Воеводина Е.В. Адаптация студентов с ограниченными возможностями на основе позитивного социального портрета// Социология. 2013. – № 2. – С. 49.

³ Разумова Т.О. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2009. С. 22

⁴ Рекрутинговый портал Superjob [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/>.

на 2009-2013 годы» (2010-2011 гг.) и в рамках Российского гуманитарного научного фонда (2011-2012 гг.), то можно обнаружить некоторые изменения. Мотивы получения высшего образования инвалидами смещаются: если сначала преобладали социальные (общение) и личностно-значимые (самореализация), то в последние годы доминируют экономические (возможность трудоустройства, повышения заработка). Некоторые мнения респондентов-инвалидов, полученные в процессе интервьюирования, приведены в таблице 2. Кроме того, к ним добавлены мотивы респондентов-инвалидов, отказавшихся от получения высшего образования, выявленные в процессе неформальных бесед с членами Муромского окружного отделения Владимирской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов, в период с 2008 по 2011 гг. (г. Муром, N-11).

Таблица 1

Отношение молодых инвалидов к получению высшего образования

Мотивы респондентов, получающих высшее образование	Мотивы респондентов, отказавшихся от высшего образования
<p>Экономические: «Образование повышает шансы устроиться на работу, без него нельзя. Сейчас даже дворники и уборщицы имеют высшее образование...» «Высшее образование помогает найти нормальную работу, обеспечить себя»</p>	<p>Экономическая нецелесообразность: «Высшее образование сейчас обесценилось. Не думаю, что время и деньги, потраченные на учебу, принесут какую-то пользу»</p>
<p>Социальные: «Учеба помогает найти друзей, познакомиться с интересными людьми» «Высшее образование престижно, позволяет повысить свою значимость в обществе»</p>	<p>Социальная нецелесообразность: «Учиться незачем. На работу с инвалидностью все равно не возьмут»</p>
<p>Личностно-значимые (психологические): «Каждый человек должен чем-то заниматься, развиваться... глупо сидеть без дела, тратить время на телевизор или «Одноклассники»...» «Учеба дает стимул, веру в лучшее будущее»</p>	<p>Здоровьесберегающие: «Зачем больным людям учиться? Учеба - это лишняя нагрузка на и без того слабый организм» «Учеба - стресс, который может нанести вред здоровью»</p>

Экспресс-мониторинг профайлов участников группы «Школа лидеров молодых инвалидов», размещенных в социальной сети

«В контакте» в мае 2013 года, показал, что из 128 действующих на тот момент профилей информация об уровне образования сохранила менее половины (43,75%). Из них 71,4% принадлежали инвалидам с высшим образованием. Причем анализ выявил, что большинство пользователей этой категории были трудоустроены: в профайлах было указано конкретное место работы. И только 7% от числа лиц с высшим образованием не были трудоустроены или занимались надомным трудом: ими была указана «работа на себя», «свой бизнес», либо поле было пустым, т.е. не содержало информации о работе. Даже если учесть погрешность среди тех, кто не указал место работы в профайле, из приведенных данных видно, что молодые инвалиды с активной жизненной позицией, имеющие высшее образование, преимущественно заняты на рынке труда.

Обобщая все вышеизложенное, можно заключить, что высшее образование является одним из факторов, способствующих улучшению условий жизнедеятельности инвалида: оно повышает профессиональный уровень и возможности социального взаимодействия, что, в конечном счете, приводит к увеличению реабилитационного потенциала инвалидов. Однако структуры, ответственные за разработку индивидуальных программ реабилитации, изначально ориентируют инвалидов на низкоквалифицированный труд, который занижает стартовые возможности инвалидов на рынке труда. Разработка ИПР требует более тщательного подхода, корректировки перечня профессий и построения четкой системы профориентации. При этом важно учесть следующие аспекты:

1) Противоречие между «хочу» и «могу»: профессиональная ориентация инвалидов подразумевает объективную оценку. Некоторые профессии, выбранные инвалидами в качестве желаемых, могут не соответствовать их возможностям: в этом случае специалистами должны быть обозначены все риски, связанные с трудоустройством и будущей работой. И, напротив, профессии, «навязываемые» специалистами МСЭ, могут вызвать полное неприятие у самого инвалида и не соответствовать его интересам. На наш взгляд, в этом случае требуется более глубокая работа органов МСЭ по подбору профессии, включая такие мероприятия, как психологическое тестирование, знакомство с профессиограммами и перечнями доступных вузов и т.д.

2) Контроль индивидуальных программ реабилитации, который подразумевает реальное, а не формальное взаимодействие ее разработчиков с уполномоченными органами, указанными в ИПР – лечебно-профилактическими учреждениями, вузами, службой занятости и работодателями.

3) Усиление воздействия средств массовой информации в части формирования мотивации инвалидов к получению высшего образования, создание информационного поля (в том числе в специализированных источниках - газетах и сайтах общественных организаций инвалидов), позволяющего инвалидам получить как можно больше информации об учебных заведениях и направлениях подготовки.

Кроме того, обозначенная проблема требует дальнейшего изучения как на теоретическом, так и практическом уровне.

Библиография

1. Барткова Н.А. Вакансии для инвалидов// Социальная защита. Соционмия, 2006. – № 7. – С. 12-14.

2. Воеводина Е.В. Адаптация студентов с ограниченными возможностями на основе позитивного социального портрета// Социология. 2013. – № 2. – С. 49-55.

3. Кантор В.З. Реабилитационный потенциал инвалидов: к проблеме системного педагогического анализа// Специальное образование, 2012. – № 1. – С. 44-53.

4. Крухмалев А.Е., Воеводина Е.В. Особенности социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья// Социс, 2012. № 12. – С. 72-79.

5. Наберушкина Э.К., Белозерова Е.В. Саратовская область: как смягчить недружелюбие рынка труда по отношению к инвалидам?// Человек и труд, 2009. – №1. – С.29-31.

6. О перечне приоритетных профессий рабочих и служащих, овладение которыми дает инвалидам возможность быть конкурентоспособными на региональных рынках труда [Текст]: Постановление Министерства труда РФ № 150 от 8.09.1993 г.

7. Разумова Т.О. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2009. 48 с.

8. Российская Федерация. Законы. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [Текст]: федер. закон: принят Гос. Думой 20.07.1995 г.

9. Рекрутинговый портал Superjob [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.superjob.ru/>.

10. Топилин К.А. Инвалиды на рынке труда: региональный аспект// Человек и труд, 2011. – № 8. – С. 27-32.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ

*ПЕТРОВ Владимир Викторович,
кандидат политических наук,
ассистент кафедры «Политология, история
и социальные технологии» Московского
государственного университета путей
сообщения (МИИТ)
1vladimirpetrov1@gmail.com*

Мифотворчество как технология формирования и продвижения национального и региональных брендов/ Myth-making as the technology of formation and promotion of national and regional brands

Аннотация

В статье отмечаются противоречивые тенденции современности («фрагментативность», «глокализация»), ведущие к процессу размывания национальной идентичности, приводится определение национального и региональных брендов, их взаимосвязь и взаимозависимость, рассматривается технология формирования территориальных брендов – мифологизация – в контексте формирования национальной и региональной идентичности. Анализируются актуальные примеры из реальной общественно-политической практики.

Ключевые слова

Национальный и региональные бренды, национальная и региональная идентичность, мифологизация, глобализация.

Abstract

In article contradictory trends of our time (“fragmegration”, “glocalization”) leading to a process of blurring of national identity are marked, the definition of national and regional brands, their interrelation and interdependence is given, the technology of the formation of territorial brands – mythologizing – is reviewed in

the context of the formation of national and regional identity. Topical examples from the real social and political practices are analyzed.

Keywords

National and regional brands, national and regional identity, mythologizing, globalization.

Стремительные изменения общественно-политической среды в XXI в. продуцируют больше вопросов, нежели ответов. Данное явление многократно обостряется тем фактом, что Российская Федерация до сих пор находится в состоянии транзита. Необходимость ликвидации отставания от развитых стран Запада и Востока в различных отраслях на сегодняшний день осознана если не всеми, то многими: как политическими деятелями, предпринимателями, исследователями, так и рядовыми гражданами нашей страны. Лавинообразный рост взаимопроникновения и взаимозависимости человеческих взаимоотношений с параллельно идущим ростом интеграции социально-экономической жизни – а именно таким образом определяет глобализацию Ф. Уэбстер¹ – парадоксальным образом связан с обособлением различных ее сегментов и аспектов.

Р. Робертсон вводит в начале 1990-х гг. в политическую науку новый термин – «глокализация». Впоследствии различные ученые закрепили его в английском научном языке². По мнению Р.Н. Королева-Намазова, под этим понятием мыслится определенный диалог между глобальным и локальным, совмещение иностранного и местного, при этом «каждый регион, каждая локальная единица в условиях глобализации старается сохранить свою уникальность. На первый план... вышли именно... интересы местных культур, начавших обращать на себя большее внимание»³. Таким образом, современные глобализационные процессы неразрывно связаны с процессами фрагментации⁴. Известным американ-

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 96-97.

² См., например: Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: SAGE publications Ltd., 1992; Hampton K., Wellman B. The Not So Global Village of Netville // The Internet in Everyday Life. Oxford, 2002. P. 345-371; Bauman Z. Community. Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge, 2001.

³ Королев-Намазов Р.Н. Культурные тенденции локоглобализации // Общество. Государство. Политика. 2010. № 4 (12). С. 39.

⁴ См. например: Barber B.R. Jihad vs. McWorld. Terrorism's Challenge to Democracy. N.Y.: Ballantine Books, 1996.

ским политологом Дж. Розенау в свое время был сконструирован специальный термин, описывающий подобный парадокс – «фрагментативность» (от англ. fragmentation – фрагментация, integrative – интегративный)¹. Именно эти два противоречащих друг другу полярных направления в развитии международной мировой системы способствуют следующему деструктивному процессу – размытию границ, рамок, а также содержанию концепта «национальная идентичность». В данном контексте хотелось бы отметить позицию Е.В. Брызгалиной, выраженную ею в октябре 2014 г. на съезде ОНФ и поддержанную Президентом РФ: «Чувство Родины – наша самоидентификация, наша главная ценность. Культурно-историческая память – база воспитания... Нам нужно описать ценностные основания для воспитания российской идентичности»².

В результате вышеупомянутых противоречивых явлений XXI века на смену национальной идентичности приходят новые, более узкие ощущения индивидов и общностей, связанные уже не с принадлежностью к той или иной нации, государству или этносу, а с чувством причастности к конкретной территории, месту. В современных условиях глобализации и фрагментации нелегкой задачей представляется одновременное сохранение идентичности и включенности в международные, межрегиональные процессы. Так, гипертрофированная религиозная идентичность в светском государстве неизбежно приведет к таким проявлениям, как религиозный фундаментализм или даже фанатизм. Безграничное укрепление национальной идентичности со стороны государства, по нашему мнению, приводит к таким настроениям, как шовинизм, нацизм. В данном случае грань между патриотизмом, гордостью за свою страну и отсутствием уважительного отношения к другим странам, отрицанием прав и свобод граждан других государств просматривается весьма отчетливо. Однако, воплощение в жизнь первого сценария и стремление избежать последнего варианта развития событий требуют основательного планирования и организации воспроизводства идентичности на высшем уровне. В случае с региональной идентификацией, идентификацией места крайним негативным выражением данного процесса будут являться радикальные сепаратистские настроения. Однако, мы полагаем, что подобных отрицательных проявлений гипертрофированной идентичности можно избежать в случае

¹ Политология. М.: МГИМО(У); Проспект, 2010. С. 549.

² См.: Путин поддержал инициативу об организации общероссийской дискуссии о современных целях образования // Форум ОНФ «Качественное образование во имя страны» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://onf.ru/2014/10/15/putin-na-forume-onf-poderzhal-iniciativu-ob-organizacii-obshcherossiyskoy-diskussii-o/>.

грамотно скомбинированной идентичностной иерархии, в которой общенациональный компонент стоит выше регионального при существенной важности каждого из них.

Действенным инструментом, позволяющим выдержать необходимый баланс между национальной и региональной идентичностью, при сохранении и, в случае необходимости, развитии и воспроизводстве обеих, а также повысить имидж страны и интенсивность международного и межрегионального взаимодействия, с нашей точки зрения, является общенациональный и региональный брендинг.

Общенациональный и региональный бренды являются особыми типами территориального бренда, который представляет собой комплекс стихийно возникающих и/или целенаправленно формируемых отличительных черт, сущностных характеристик и неотъемлемых символов выделяемого по тем или иным основаниям (политическим, административно-управленческим, экономическим, военно-стратегическим, социокультурным, природно-климатическим и т.д.) географического пространства. Данный комплекс является результатом субъективного восприятия, способным вызывать определенные индивидуальные и коллективные эмоциональные и поведенческие реакции. При этом общенациональный бренд, вмещающая в себя качества и свойства территориального бренда, предполагает их узнаваемость в мировом информационном пространстве, что дает его носителю – государству – определенные, как актуальные, так и потенциальные, преимущества при реализации своих жизненно важных внутри- и внешнеполитических интересов в условиях постоянно возрастающей глобальной конкуренции. В свою очередь, региональный бренд предполагает узнаваемость вмещаемых в него качеств и свойств территориального бренда в информационном пространстве отдельной страны или группы сопредельных стран, что дает его носителю – региону как части территории государства – определенные преимущества для внутреннего развития и может оказывать влияние на его место в системе взаимоотношений «центр – регионы».

В зависимости от конкретных исторических, политических, экономических, социокультурных и т.п. условий общенациональный бренд в структурном и содержательном отношении может являться и квинтэссенцией (суммой) всех имеющихся в стране региональных брендов, и концентрированным выражением бренда отдельно взятого региона (группы регионов), и совершенно независимым от существующих региональных брендов феноменом. Наличие устойчивого общенационального бренда автоматически не влечет за собой существования региональных брендов и наоборот.

Одной из технологий создания общенационального и региональных брендов России является мифотворчество. Особенно в этом преуспели конкурирующие субъекты мировой политики, веками формировавшие различные негативные, зачастую абсурдные, с точки зрения россиян, мифы. Мы считаем, что интересными в данном свете представляются научно-публицистические изыскания В.Р. Мединского. В своей серии книг он рассматривает неизвестные мифы о России как о стране повального пьянства и жестокости, авторитарного владычества, грязи и неряшливости и т.д.¹ В книге «О русском пьянстве, лени и жестокости» автор приводит две весьма примечательные цитаты: «Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как народ русский» – Екатерина Великая, урожденная немка; «Реки Сибири кишат бегемотами. Жители Сибири добывают и продают их, если просыпаются после зимней спячки» – Коммодор Р. Перри, из доклада Парламенту в 1742 г.²

Однако, при безусловно имевшем место в течение веков и по настоящее время целенаправленном негативном мифотворчестве со стороны прежде всего стран Запада, публикация подобной серии книг, развенчивающих деструктивные для национальной политики мифы, является важнейшим шагом на пути формирования позитивного имиджа государства, национального бренда. Подобный маневр позволяет нивелировать, прежде всего в сознании граждан России, негативные установки целенаправленно сформированной отрицательной индивидуальности общенационального бренда (brand personality – под индивидуальностью бренда мыслится комплекс черт, характерных для личности человека, с которыми ассоциируется тот или иной бренд)³. К подобным чертам можно отнести искренность, приветливость, надежность, разумность, изысканность и т.д. и внедрить на их место другие, позитивные мифы, способствующие повышению национального и регионального самосознания и укреплению национальной и региональной идентичности. Ведь кто, как не люди, граждане страны, являются агентами продвижения общенационального бренда и позитивного

¹ См. подробнее: Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. М.: Олма Медиа Групп, 2012; Мединский В.Р. О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М.: Олма Медиа Групп, 2010; Мединский В.Р. О русском воровстве, особом пути и долготерпении. М.: Олма Медиа Групп, 2008.

² См.: О русском пьянстве, лени и жестокости // Официальный сайт Владимира Мединского [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.old.medinskiy.ru/cat/books/book2.

³ Aaker J. Conceptualizing and Measuring Brand Personality: A Brand Personality Scale. (Working paper). Stanford University, 1995.

имиджа страны? Данный тактический ход находится в согласии со стратегической политикой формирования общенационального бренда и позитивного имиджа России. Это может быть подтверждено тем фактом, что спустя 4 года после опубликования третьей книги из рассматриваемой серии «Мифы о России» автор был назначен Указом Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 651 на должность Министра культуры Российской Федерации¹.

На место деструктивных для государства мифов, как мы отмечали ранее, приходят новые, конструктивные мифологемы. Процесс внедрения их в массовое сознание осуществляется прежде всего при помощи писателей-публицистов, ведущих активную издательскую и блоггерскую деятельность. К таковым можно причислить уже упомянутого В.Р. Мединского, а также Н.В. Старикова, формирующего небезосновательное представление о России как о государстве, постоянно испытывающем деструктивное заговорщическое политическое, экономическое, культурное и т.п. влияние²; М.Н. Задорнова, который своими работами (как литературными, так и кинематографическими) и выступлениями внедряет миф об исключительной древности и самобытности Российского государства³, и др. Также, как отмечают В.К. Малькова и В.А. Тишков, стоит вспомнить Аркаим – укрепленное поселение, расположенное на Южном Урале, датируемое, по разным оценкам, от II до III тысячелетия до н.э.⁴, и теперь власти Челябинской области позиционируют регион как «колыбель арийской расы»⁵.

Мы считаем, что мифотворчество должно быть направлено в первую очередь на представителей молодого поколения. В процессе становления, формирования молодой личности очень важно,

¹ О Министре культуры Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 651 // Российская газета. 2012. 21 мая.

² См. подробнее: Стариков Н.В. Ликвидация России. Кто помог красным победить в гражданской войне. СПб.: Питер, 2012; Стариков Н.В. Как предавали Россию. СПб.: Питер. 2010; Стариков Н.В. Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2010; и т.д.

³ См. подробнее: Задорнов М.Н. По родной России. М.: Вече, 2013; Задорнов М.Н. Рюрик. Полет сокола. М.: Вече, 2013; Задорнов М.Н. Князь Рюрик. Откуда пошла земля русская. М.: Алгоритм, 2012; и т.д.

⁴ См., например: Зданович Г.Б. Страна городов // Родина. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=189&n=14; Шнирельман В.А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 133-166; и др.

⁵ Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012. С. 35.

с нашей точки зрения, чтобы дети, представители молодежи имели перед собой образ человека, свободного от пагубных привычек, человека, чтящего свои корни, свою историю, свое происхождение, человека-героя, который любит свою Родину, свою землю и готов служить российской нации. С точки зрения В.В. Синельникова, корни проблем современного российского государства кроются прежде всего в том, что люди забыли свою историю, забыли какого мы рода-племени. В подобной ситуации образы достойных предков, например, представителей рода Рюриковичей, действительно помогают человеку «пробудить родовую память и родовую силу. Именно благодаря этой силе мы и живем. И поэтому если мы не будем знать своего прошлого, не будем знать наших предков, то мы и жить не будем в этом мире»¹. Мифологизация истории, а точнее, недостаточно задокументированных ее этапов, прежде всего Древнего мира, открывает широкие возможности для воздействия на массовое сознание, для закрепления позитивных ассоциаций и установок. Например, в качестве обоснования русской культурно-исторической природы Крымского полуострова В.В. Синельников приводит ряд мифов, связанных с древними русами, их верованиями, Сурожской Русью: Сурож – ныне город Судак – от слова Сурья, Сурья – бог солнца: «наши предки всегда считали себя детьми Солнца и внуками Даждьбожьими... Черное море называлось Русским морем... Почему? Потому что эта территория была Руси. Очень давно. Еще до того, как сюда пришли греки, потом приходили крымские татары, потом приходили турки, за много веков до этого здесь была Сурожская Русь»².

Таким образом, посредством мифов о древних великих предках формируются эмоциональные установки и поведенческие реакции, побуждающие людей к патриотизму, гордости за свою Родину, уверенности (возможно, безотчетной) в ее величии. В данном контексте необходимо понимать, что миф мыслится как представленный в вербальной форме феномен архаического, преимущественно пространственно-образного мышления, как символическая форма, символическое выражение некоторых событий, имевших место у определенных народов в определенное время, на заре их истории³. Таким образом, становится ясно, что миф – далеко не всегда сказка, а процессы и явления, описываемые в нем, могут реально

¹ Синельников В.В. Помни о своих корнях – не будешь болеть! Валерий Синельников // Задор ТВ [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.youtube.com/watch?v=gw11U00jKBQ.

² Там же.

³ См., например: Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004; Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 2009.

иметь место в историческом процессе. Однако, в данном случае для эффективного закрепления в массовом сознании информацию необходимо преподнести в мифологизированном виде. Теоретико-методологический и прикладной анализ мифов как инструментов формирования и продвижения национального и региональных брендов, создания и корректировки национальной и региональной идентичности представляется весьма перспективным направлением, заслуживающим отдельного исследования.

В заключение, хотелось бы привести цитату Э. Тоффлера, в соответствии с которой, любое государство «станет искать новые средства и методики, которые помогли бы ему сохранить хотя бы некоторый контроль над образами, идеями, символами и идеологиями, доходящими до простых людей через новую электронную инфраструктуру» с целью сохранения своей власти в новую информационную эпоху¹.

Библиография

1. Королев-Намазов Р.Н. Культурные тенденции локоглобализации. // Общество. Государство. Политика. 2010. № 4 (12).

2. Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов // Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2012.

3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001.

Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

4. Федякин А.В. Формирование позитивного образа государства как задача информационной политики России: история и современные реалии. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2006.

5. Aaker J. Conceptualizing and Measuring Brand Personality: A Brand Personality Scale. (Working paper). Stanford University, 1995.

6. Barber B.R. Jihad vs. McWorld. Terrorism's Challenge to Democracy. N.Y.: Ballantine Books, 1996.

7. Bauman Z. Community. Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge, 2001.

8. Hampton K., Wellman B. The Not So Global Village of Netville // The Internet in Everyday Life. Oxford, 2002.

9. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: SAGE publications Ltd., 1992.

¹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001. С. 448.

*ФРАНЦЕВ Федор Сергеевич,
аспирант кафедры философии
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД РФ
theo.franci@gmail.com*

**Культурный миф о «естественном человеке» Ж.-Ж. Руссо:
исторический и современный аспекты / On historical
and modern aspects of the cultural myth of J.-J. Rousseau's
“natural man”**

Аннотация

Статья посвящена понятию «естественный человек», в массовом представлении связанному с философией Ж.- Ж. Руссо. Вначале автор останавливается на вопросе о происхождении культурного мифа о «естественном человеке», его философской основе – учении Ж.-Ж. Руссо, а также месте указанного мифа в истории мировой культуры. Затем рассматривается актуальная проблема, связанная с тем, что миф в настоящее время продолжает бытовать в массовом сознании, препятствуя равноправной межкультурной коммуникации между представителями разных этносов.

Ключевые слова

Культурный миф, концепт, архетип, «примитивные» культуры, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой, массовое сознание, межкультурная коммуникация.

Abstract

The subject of this article is the concept of “natural man” which in mass-views is associated with the philosophy of J.-J.Rousseau. The author starts with the question of genesis of the cultural myth of “natural man”, its philosophical base – the teaching of J.-J.Rousseau as well as the place of this myth in world cultural history. Afterwards an actual case is being reviewed, which is, the myth of “natural man”

persists in collective consciousness nowadays. This fact prevents equal cross-cultural communication between people of different nations.

Keywords

Cultural myth, concept, archetype, «primitive» cultures, J.- J. Rousseau, Leo Tolstoy, collective consciousness, cross-cultural communication.

Широко распространенный концепт «благородный дикарь» в массовом сознании обычно связывается с Ж.-Ж. Руссо, однако данное словосочетание ни разу не употребляется знаменитым «женевским философом» в своих сочинениях, – у него можно встретить только его эквивалент – «естественный человек».

Термин «благородный дикарь» имеет английское происхождение – впервые *noble savage*¹ возникает в драме Дж. Драйдена «Завоевание Гранады» (1672), – так характеризует себя самого ее герой Альманзор, христианский князь, считающий себя испанским мусульманином².

Известность выражение *noble savage* приобрело благодаря одноименной статье Ч. Диккенса, опубликованной в 1853 г. в журнале «Домашнее чтение», в которой он подверг ироничной критике литературную традицию сентиментализма XVIII – XIX вв., составной частью которой был идеализированный образ «примитивного» человеческого существа, добродетельного от природы,³ – к этой традиции можно причислить и повесть Ф. де Шатобриана «Атала» (1801), и более поздний роман Г. Бичер-Стоу «Жижина дяди Тома» (1852).

Ж.-Ж.Руссо нельзя назвать и создателем идеи «благородного дикаря». В том сочинении, где он описывает туземных дикарей, сравнивает их с гражданами цивилизованного общества и находит, что первые, вопреки их «дикости», превосходят последних в нравственном отношении, в «Рассуждении о происхождении неравенства между людьми» (1755) он сам неоднократно ссылается

¹ Благородный дикарь (англ.).

² Здесь, в полном соответствии с будущим сочинением Ж.-Ж.Руссо, Альманзор провозглашает себя «свободным, каким природа создала человека задолго до того, как возникли низменные законы рабства, когда на воле бродил в лесах благородный дикарь». Dryden J. *The Conquest of Granada*. // *The Works of John Dryden in eighteen volumes*. London: 1808, vol. 4, p. 34.

³ Dickens, Charles. *The Noble Savage*. // В кн.: Dickens, Charles. *Selected Journalism, 1850 – 1870*. London: Penguin, 1997. См. также: Moore, G. *Reappraising Dickens's 'Noble Savage'*, *The Dickensian*, 98:458, 2002, pp. 236-243.

на М. Монтеня, задолго до него осуществившего подобное сравнение в одной из глав своих «Опытов» (1580-88)¹, однако именно «Рассуждение о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо стало наиболее влиятельным для современников и последующих поколений произведением, поэтому «женевского философа» можно считать зачинателем всей вышеупомянутой литературной традиции («литературной моды»), которую анализировал Ч. Диккенс. Благодаря этому факту понятие «благородный дикарь» стало ассоциироваться в массовом сознании непосредственно с именем Руссо.

Следует отметить и значительную популярность «Рассуждения о неравенстве» (известном также как «второе рассуждение») у наших соотечественников – современников Ж.-Ж. Руссо. В России оно, также как и «первое рассуждение» – «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750)², во времена правления Екатерины II было опубликовано двумя изданиями в переводе П.С. Потемкина и с его предисловием – в 1768 г. и 1787 г., причем второе издание сочинения было осуществлено Университетской типографией Н.И. Новикова³, имевшей значительные для того времени возможности для распространения своей продукции по крупным городам России. Как отмечает А.А. Златопольская, в среде российского дворянства II половины XVIII в. до Великой французской революции «сложилась своеобразная интеллектуальная мода на идеи Руссо» – несмотря на отрицательное отношение к сочинениям философа самой Екатерины Великой.⁴

В «Рассуждении о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо (на основе современных ему сведений путешественников и исследователей индейцев Северной и Южной Америки – готтентотов и караибов)⁵ пытается логически реконструировать сознание и образ жизни древнего человека в его «естественном состоянии», предшествующем возникновению общества и цивилизации, и воссоздать основные ступени его развития. Затем Руссо сравнивает образ жизни и нравы современного ему европейского общества и человека

¹ См. Монтень М. Опыты. [Литературные памятники]. Книга I. Глава XXXI «О каннибалах». М. – Л.: Наука, 1954.

² «Второе рассуждение», также как и «первое», было написано на соискание премии Дижонской академии наук, однако, в отличие от «первого», премии не получило.

³ Златопольская А.А. Идеи «женевского гражданина» и Россия. // В кн.: Ж.-Ж.Руссо: pro et contra. Антология. СПб: 2005, с.11.

⁴ Златопольская А.А. Указ. соч., с.10.

⁵ Среди источников сведений Руссо можно назвать «Общую историю островов св. Христофора, Гваделупы и Мартиники и других в Америке» (1654) отца Дю Тертра, «Путешествия в западную Индию» (1722) Ф.Кореаля, «Описание мыса Доброй Надежды» (1741) П. Кольбе.

«на заре» развития человечества и заключает, что цивилизация со времен «зари» двинулась по порочному пути развития – вследствие случайного стечения обстоятельств или заблуждения, – так, сознанию дикаря были бы непонятны «тягостные и вызывающие зависть труды» какого-нибудь современного европейского министра, а если бы он все-таки смог бы их уразуметь, то они повергли бы его в ужас, поскольку для него главными ценностями были «покой и свобода».¹

Здесь в нашу задачу не входит подробный анализ критики Руссо современной цивилизации или обличения им социального неравенства. Но существенно то, что его представления о «естественном человеке» в «Рассуждении» в дальнейшем оказали огромное идеологическое влияние на значительное количество произведений мировой литературы и искусства и на последующие социально-философские учения.

Главная сущностная особенность дикаря у Руссо – в том, что он добродетелен от природы; ему, как и животным, присуще сочувствие к другим существам, которое у него «предшествует всякому размышлению», т.е. дорефлексивно², и этой доброте не препятствуют устои общества, поскольку общества и цивилизации в его времена еще попросту не существует³ (общество же середины XVIII в. Руссо характеризует как «скопище искусственных людей и притворных страстей»). Кроме того, дикарь превосходит цивилизованного человека физически – он более силен и ловок, его близость к природе позволяет ему обладать способностями, которые человек в ходе своего последующего развития в значительной мере утратил.

Однако изначально дикий человек, только вышедший из животного состояния, блуждал по лесам в одиночестве. Самая счастливая стадия развития человечества, с точки зрения Руссо, – та, во время которой возникают постоянное жилье, орудия труда, позволяющие удовлетворить несложные потребности дикаря, семья,

¹ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. // В кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. [Литературные памятники]. М.: Наука, 1969, с. 97.

² См. об этом: Delassus, Eric. L'homme anhistorique: l' état de nature. // Delassus, Eric. La question de l'histoire dans les deux discours et le Contrat Social de J. J. Rousseau. Maîtrise de philosophie (l'université de Picardie), 1985, p. 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edelassus.free.fr/Bienvenue_files/rousseau_histoire.pdf (дата обращения: 24.10.2014).

³ Концепция естественной доброты человека Ж.-Ж.Руссо подробно рассмотрена в следующей монографии: Melzer, Arthur M. Rousseau. *La bonté naturelle de l'homme*. Paris: Belin, 1998. Об этике Ж.-Ж.Руссо см. также в кн.: Audi, Paul. *Rousseau, éthique et passion*. Paris: PUF, 1997.

язык, зарождается чувство любви и образуется народ, «объединенный нравами и обычаями, не какими-либо уставами и законами, а одинаковым образом жизни...»¹. Именно на этой стадии развития обнаруживает дикарей большинство современных Руссо путешественников, и он хвалит ее², несмотря на то, что на ней уже зачастую присутствует жестокость, отсутствовавшая у изначально «естественного человека».

Свободный от пороков «городской» цивилизации в силу удаленности от нее, физически совершенный и вместе с тем добродетельный в силу своей неспорченной натуры «дикий человек», а также его столкновение с одним или многими городскими обитателями и контраст, который обнаруживают, проявляя себя, личности этих двух сторон, – все это чрезвычайно устойчивый мотив в европейской и американской литературе и живописи, начиная с XVIII в. Очень распространен образ «благородного индейца» в приключенческих романах Ф. Купера, М. Рида, К. Мая; сюда же относится и гарпунщик Квикег в «Моби Дике» Г. Мелвилла.

В этом же культурном контексте получает развитие тема «естественной жизни» на лоне природы, сопровождающаяся отказом от достижений цивилизации – здесь можно вспомнить «Уолдена, или Жизнь в лесу» (1854) Г.Д. Торо или призыв к опрощению в социально-этическом учении позднего Л.Н. Толстого³, – в последнем нравственным образцом выступает неграмотный деревенский мужик, неспорченный городской жизнью, не утративший традиционных представлений о «достойном человеческом поведении», о добре и зле.⁴

¹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч., с. 76.

² По выражению Эрика Делассу, данная стадия представляется Руссо «золотой серединой между животным состоянием и циничной, развращенной разумностью человека – «социального существа». Delassus, Eric. *Le passage vers la vie sociale*. // Указ. соч., р. 7.

³ Основы этого учения были изложены Л.Н. Толстым в произведениях «Исповедь» (1884), «В чем моя вера?» (1883–1884), «О жизни» (1888), «Христианское учение» (1898) и т.д.

⁴ Восхищенное отношение Л.Н. Толстого к «простому мужику» особенно ярко проявлялось в тех конкретных случаях, когда у писателя находились для него весомые рациональные основания. Так, знакомство с тверским крестьянином В.Сютаевым, еще до Толстого выработавшим собственное интуитивное учение, близкое к толстовскому, дало повод для чрезвычайно эксцентричного высказывания: «Вот вам безграмотный мужик, – а его влияние на людей, на нашу интеллигенцию больше и значительнее, чем всех русских ученых и писателей со всеми Пушкиными, Белинскими, вместе взятыми, начиная от Тредиаковского и до нашего времени». См. Толстой Л.Н. Письмо к М.А. Энгельгардту (1882–1883 гг.) // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений, т. 63. М. - Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934, с. 122.

Безусловно, после «Рассуждения о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо мотив «естественного человека» получает широчайшее распространение, возникает своеобразная «культурная мода» на «дикость». Однако следует иметь в виду, что образ «благородного дикаря» существовал в мировой культуре задолго до Руссо и даже Монтеня. Еще Гораций (65 – 8 гг. до н. э.) находит у варваров «чистоту патриархальной жизни».¹ Древнейший же из известных примеров noble savage – Энкиду в шумеро-аккадском «Эпосе о Гильгамеше» (XVIII – XVII вв. до н. э.)². Этот герой – живущая в степи, вдали от людей, невинная душа, облеченная в тело, покрытое шерстью, как у животных, в силу своего отшельничества, не знающая ни хлеба, ни вина, ни разврата. При соприкосновении с городской женщиной происходит своеобразное грехопадение Энкиду.

Можно было бы предположить, что мотив «благородного дикаря» связан с тоской цивилизованного горожанина по естественной жизни и существует на свете с тех пор, как существуют города. Однако Мирча Элиаде обращает наше внимание на то, что туземцу, которого путешественники, философы и литераторы XVI – XVIII столетий противопоставляли цивилизации, в свою очередь присущ (в той или иной версии, в зависимости от конкретной культуры) миф о собственном «неиспорченном дикаре» – о том, что его предок жил действительно райской жизнью и наслаждался всеми благами и всеми свободами, не требовавшими от него ни малейшего усилия. Едой предка обеспечивало дерево, или, – в другом варианте мифа, – сельскохозяйственные инструменты работали на него сами по себе, как автоматы. Он был бессмертен и мог стать лицом к лицу с Богом. Но этот неиспорченный изначальный Предок, как и библейский предок европейцев, в результате некой катастрофы утратил свой рай.³

Таким образом, М. Элиаде сводит представления о «благородном дикаре» к реализации в секуляризованной форме древнейшего мифа о земном рае («золотом веке») и его обитателях в сказочные времена до начала истории. «Благородный дикарь» выступает проявлением одного из архетипов, т.е. изначальных врожденных психических структур, присущих всему человечеству.

Если согласиться с тем, что представление о «благородном дикаре» укоренено в психике настолько глубоко, насколько это предполагает М.Элиаде, то становится понятно, почему образ noble

¹ См. Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала. // Мифы, сновидения, мистерии. М. – К.: 1996, с. 42.

² Эпос о Гильгамеше («о все выдавшем»). [Литературные памятники.] Пер. И.М.Дьяконова. М. – Л.: Наука, 1961.

³ См. Элиаде М. Указ. соч., с. 45 – 46.

savage не только вновь и вновь воспроизводится в живописи, литературе, философии, но и служит у «цивилизованных народов» основой для формирования личного отношения к представителям более «примитивных» культур – от таитян у П.Гогена до русских крестьян у революционных народников 1860-х – 80-х гг. и Л.Н. Толстого.

И у Толстого, и у Гогена вектор восприятия «мужиков» и туземцев заранее предопределен положительным мифом о «дикаре», они ищут в реальных «дикарях» подтверждения уже укорененным у них представлениям о существовании некоего иного человечества, обладающего неведомым «цивилизованному» человеку – дворянину или европейцу – очарованием и добродетелями. Туземцы подвергаются своего рода «положительной дискриминации», когда положительное отношение к объекту восприятия полагается ему субъектом просто в силу происхождения объекта, независимо от его конкретных личностных качеств.

Главная закономерность, которая определяет ценность «дикого» человека для европейца, – чем дальше отстоит «дикарь» от своего почитателя, чем более он для него чужд и неведом, тем он для него «благородней», т.е. притягательней. Именно таким отношением к дикарю руководствовался Гоген, переехавший на Таити, такова и психология современных антропологов (в прошлом это, вероятно, относилось к религиозным миссионерам), добровольно выбирающих самые глухие и отдаленные уголки Земного шара для жизни в среде «примитивных» народов.

Естественно, личностные характеристики и поведение реальных «дикарей» расходятся с мифом, зачастую – самым кардинальным образом. Так, в 1768 г., когда идея благородного дикаря Руссо находилась на высоте своего влияния, Луи Антуан де Бугенвилль открыл остров Таити, который он сравнил с садом Эдема. Описания его спутниками туземцев («красивые, добрые, мирные, открытые, едва одетые, ни в чем не нуждающиеся») захватили воображение парижан в общем и Дени Дидро в частности. Последнему принадлежит авторство вымышленного продолжения путешествия де Бугенвилля, в котором таитянин излагает добродетели своего существования («Мы невинны, мы счастливы и ты можешь лишь повредить нашему счастью. Мы повинемся чистому инстинкту природы, а ты попытался вытравить его из наших душ»).¹ Джеймс Кук посетил Таити в следующем году – и вернулся с подробными рассказами о богатой, легкой и спокойной жизни островитян. Они

¹ Дидро Д. Добавление к «Путешествию Бугенвилля». // В кн.: Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах, т. 2. М. - Л.: Academia, 1935, с.43.

не знали стыда, распрей, тяжелого труда, холода, голода. Судовой врач Кука и автор описания его экспедиции Джон Хоксворт с явным преувеличением живописал красоту молодых таитянок.¹ Однако в ходе второго путешествия Кука открылась «темная сторона» жизни таитян: человеческие жертвоприношения, инфантицид, внутренние раздоры, жесткая классовая иерархия, строгий запрет на присутствие женщин во время мужской трапезы, непрекращающееся воровство вещей европейцев. Жан Франсуа де Гало, изучавший Тихий океан, был особенно уязвлен крушением иллюзий. В 1788 г. он с горечью писал: «Самые дерзкие негодяи Европы менее лицемерны, чем обитатели островов <Таити>. Все их ласки – обман».²

Вышеприведенный пример служит вовсе не для того, чтобы отрицательно охарактеризовать реальных «дикарей», а лишь для того, чтобы показать, сколь мало общего с реальностью имели представления, подобные гогеновским. По-видимому, миф о *noble savage* заранее предопределил отношение художника к реальным личностям «дикарей» и заслонил от него их реальные качества, и, вероятно, подобное характерно далеко не только для него одного.

Базирующийся на мифе образ *noble savage* на протяжении трех последних столетий настолько часто воспроизводился в массовых и элитарных литературе, кино и искусстве, в СМИ, что в настоящее время представляет собой стереотип, который может довлеть у «белого» в восприятии любого реального лица, хотя бы отдаленно соответствующего этому образу. Стереотип «благородного дикаря» фактически стали использовать в отношении любых представителей этносов, объединяемых понятиями негроидная, австралоидная и американоидная раса.

В силу положительного эмоционального оттенка представления о *noble savage* многие разделяющие его «белые» не усматривают в нем расистского содержания (возможно, именно кажущейся безобидностью и обусловлена его устойчивость во времени). Но представители тех рас и этносов, которые оно призвано характеризовать, зачастую указывают «белым» на его негативные последствия. К примеру, Кэтрин Кокер из Университета Мэсси (Massey), Новая Зеландия, по происхождению – частично тонганка³, подвер-

¹ См. Hawkesworth J. An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty for Making Discoveries in the Southern Hemisphere. Cambridge University Press, 2013.

² Цит. по: Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. От инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо, 2013, с. 285.

³ Тонганцы – этнос, населяющий Королевство Тонга, государство, расположенное на островах в Полинезии.

гает критике берущий начало от Руссо распространенный среди «белых» культ *noble savage*, который, с ее точки зрения, приводит к фетишизации живых, равноправных по отношению к «белым» представителей полинезийских этносов, к превращению их при межкультурных контактах из соучастника коммуникации в объект созерцания.¹

Безусловно, культ *noble savage* среди «белых», о котором ведет речь К. Кокер, действительно имеет место в современном мире, и может распространяться даже на соседствующие с «белыми» в урбанизированной среде расы – на далеких потомков темнокожих рабов или эмигрантов из стран “третьего мира”, что может свидетельствовать о том, что степень социального отчуждения между жителями одного города по этническим или расовым признакам сегодня по-прежнему довольно высока.

Здесь можно привести два примера из американской эссеистики и художественной литературы, в которых культурные различия между автором и сосуществующими с ним в городской среде представителями другой расы служат поводом для восхищения автора, граничащего с фетишизацией (интерес обоих цитируемых ниже авторов к афроамериканцам в немалой степени обусловлен тем обстоятельством, что к 1950-м гг. джаз приобрел огромную популярность среди «белой» аудитории): «негр (при всех допустимых исключениях) редко мог себе позволить считаться со сдерживающими нормами цивилизации, и <...> прибег к примитивности, жил в безмерном настоящем, <...> а созданная им музыка донесла особое качество негритянского существования, таящуюся в нем ярость и бесконечные оттенки радости, и жажды, и тоски, и злобы, и судорожного напряжения, и жестокой боли, и отчаяния, и крика. <...> Ибо джаз – это музыка, которая осталась самым простым и понятным способом выразить те самозарождающиеся экзистенциальные состояния, которые были вняты и некоторым белым»²; «в лиловых сумерках я бродил среди огней 27-й улицы и Уэлтона в «цветном» районе Денвера и чувствовал каждым своим мускулом, как я хочу стать негром, ибо даже лучшее из того, что мог предложить мне «белый мир», не могло утолить моей жажды экстаза, тяги к жизни, радости, удовольствию, тьме, музыке – и к ночи».³

¹ Cocker, Catherine. *The Dusky Maiden and The Noble Savage: Conversations about archetype and fetish.* // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 24.10.2014).

² Мейлер, Норман. Белый негр. // Вопросы философии, № 9, 1992, с.134. (Впервые опубликовано: Mailer, Norman. *The White Negro.* // *Dissent <magazine>*, Fall 1957.).

³ Kerouac, Jack. *On The Road.* New York: Viking Press, 1959, p.105.

Н.А.Сосновский отмечает по поводу обоих текстов, что для американцев поколения Нормана Мейлера и Джека Керуака восхищение «черным человеком» и его воплощенной в джазе культурой стало средоточием созданной ими новой неконформистской «мифологии», символом свободы от условностей и внутренней скованности, образцом сопротивления устоявшейся социальной среде, ограничивающей самовыражение личности. С другой стороны, исследователь обращает наше внимание на то, что для Н. Мейлера и Дж. Керуака, «белых» интеллектуалов из среднего класса, их новый герой, «черный человек», был воображаемым, чем-то вроде «благородного дикаря» Ж.-Ж. Руссо.¹

Конечно, во времена написания текстов Н. Мейлера и Дж. Керуака еще не была упразднена расовая сегрегация в США, а эмиграция в страны Запада из стран «третьего мира» еще не получила глобального распространения. Однако следующий, более поздний пример, возможно, покажет, что миф о «благородном дикаре» и к настоящему времени не утратил актуальности.

Любой темнокожий, который обращается к «белой» аудитории с художественным, политическим, социальным «месседжем» («посланием»), ввиду действительности стереотипа *noble savage* рискует быть воспринятым превратно. Именно так, по-видимому, был понят многими ямайский певец Боб Марли, хоть его и считают масскультурным символом единения рас и наций. Образ вечно скалящегося в улыбке, беззаботного Марли с экзотической прической – волосы скатаны во множество жгутов (*dreadlocks*) – получил чрезвычайно широкую популярность у «белой» молодежи именно потому, что значительной частью аудитории в нем был попросту «узнан» облеченный в новую форму архетип *noble savage* – близкого к природе, наделенного врожденной добротой «дикаря из джунглей». На самом же деле Марли прибыл из урбанизированного по «западному» образцу Кингстона – столицы Ямайки, а его улыбка связана скорее с религиозным просветлением, с исповедуемой им растафарианской версией христианства², которую он пытался донести до «белых». Знаменитую прическу также неверно трактовать в смысле первобытного невежества – она символизирует гриву льва – герба

¹ Сосновский Н.А. «Культура растафари» в зарубежной литературе // Культурное наследие: преемственность и перемены. Вып. 3. М.: 1991.

² Растафарианство – монотеистическая религия, возникшая на Ямайке в XX в., на которую оказала определенное влияние Эфиопская православная церковь. Последователи растафарианства верят, что последний император Эфиопии Хайле Селассие I (1892-1975) является потомком библейского царя Соломона и царицы Савской и почитают его как Бога (Бога-Отца) — царя царей и мессию.

колена иудейского, имеющего чрезвычайно важное значение для данной версии христианства¹. Марли удалось не столько обратиться к своей вере «белых» или привлечь их внимание к социальным и политическим проблемам (чему также были посвящены тексты многих песен), сколько точно попасть в архетип «благородного дикаря» и стать его современным воплощением, стоящим в одном ряду с Гильгамешем, Квикегом, Чингачгуком и многими другими. Такова парадоксальность восприятия «белыми» «послания» представитель другой расы в ситуациях межкультурной коммуникации (пусть в данном случае она и протекала в опосредованной форме – через СМИ, аудио- и видеоносители и т.д.).

Однако, как ни пытайся, подобно Кэтрин Кокер, бороться с «культом благородного дикаря», как ни критикуй это представление, но тяга к дикому, как отражение заложенного в коллективном бессознательном человечества мифа об утраченном земном рае, по-видимому, никогда не сможет исчезнуть. Конечно, далеко не все в настоящее время настроены антагонистически по отношению к собственной цивилизации – сравнительно немногие придерживаются наследующей руссоизму социально-этической доктрины Л.Н. Толстого или подобных ей учений. Однако тяга к «естественной» близости к природе может реализовываться, по крайней мере, в форме созерцания. Именно поэтому огромной мировой популярностью пользуются телеканал и журнал National Geographic², где показывается жизнь носителей «примитивных» культур, к примеру, африканских пигмеев или австралийских аборигенов.

Библиография

1. Дидро Д. Добавление к «Путешествию Бугенвилля». // Дидро Д. Собрание сочинений в 10 томах, т. 2. М. - Л.: Academia, 1935.
2. Златопольская А.А. Идеи «женившегося гражданина» и Россия. // Ж.-Ж.Руссо: pro et contra. Антология. СПб: 2005.
3. Мейлер Н. Белый негр. // Вопросы философии, № 9, 1992.

¹ **Лев** в растафарианстве символизирует Хайле Селассие I, которого называют «Львом-Покорителем из колена Иуды». Поскольку традиционно считается, что современные евреи, в основном, происходят из колена Иуды и существовавшего на его территории Иудейского царства, лев – символ этого колена, иногда изображаемый со скипетром, – также является и одним из символов иудаизма.

² Журнал National Geographic – официальное издание Национального географического общества США, основанное в октябре 1888 г. Одноименный телеканал, транслирующий научно-популярные фильмы производства Национального географического общества с использованием спутникового вещания, начал работу в 1997 г.

4. Монтень М. Опыты. [Литературные памятники]. Книга I. Глава XXXI «О каннибалах». М. – Л.: Наука, 1954.
5. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. [Литературные памятники]. М.: Наука, 1969.
6. Сосновский Н.А. «Культура растафари» в зарубежной литературе // Культурное наследие: преемственность и перемены. Вып. 3. М.: 1991.
7. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели. От инстинктов к сотрудничеству. М.: Эксмо, 2013.
8. Толстой Л.Н. Письмо к М.А. Энгельгардту (1882–1883 гг.) // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений, т. 63. М. - Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934.
9. Элиаде М. Миф о благородном дикаре, или престиж начала. // Мифы, сновидения, мистерии. М. – К.: 1996.
10. Эпос о Гильгамеше («о все видавшем»). [Литературные памятники.] Пер. И.М.Дьяконова. М. – Л.: Наука, 1961.
11. Audi, Paul. Rousseau, éthique et passion. Paris: PUF, 1997.
12. Cocker, Catherine. The Dusky Maiden and The Noble Savage: Conversations about archetype and fetish. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.academia.edu> (дата обращения: 24.10.2014).
13. Delassus, Eric. La question de l'histoire dans les deux discours et le Contrat Social de J. J. Rousseau. Maotrise de philosophie (*l'universitй de Picardie*), 1985. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://edelassus.free.fr/Bienvenue_files/rousseau_histoire.pdf (дата обращения: 24.10.2014).
14. Dickens, Charles. The Noble Savage. // Dickens, Charles. Selected Journalism, 1850 – 1870. London: Penguin, 1997.
15. Dryden, J. The Conquest of Granada. // The Works of John Dryden in eighteen volumes. London: 1808, vol. 4.
16. Hawkesworth J. An Account of the Voyages Undertaken by the Order of His Present Majesty for Making Discoveries in the Southern Hemisphere. Cambridge University Press, 2013.
17. Kerouac, Jack. On The Road. New York: Viking Press, 1959.
18. Melzer, Arthur M. Rousseau. La bonté naturelle de l'homme. Paris: Belin, 1998.
19. Moore, G. «Reappraising Dickens's 'Noble Savage'», *The Dickensian*, 98:458, 2002.

АСПЕКТЫ

*ЯКУБА Альберт Владимирович
преподаватель кафедры философии
и социологии Краснодарского
университета МВД России
gimiit@gimiit.ru*

Интернет как сфера субкультурной активности современной российской молодежи / Internet as a sphere of subcultural activity of modern Russian youth

Аннотация

Субкультурные объединения в современной России активно осваивают интернет-среду. Глобальная компьютерная сеть предоставляет субкультурной молодежи новые возможности для самореализации самоидентификации, но при этом в социальной системе возникает ряд напряжений, связанных с инновационным риском и трансформационными процессами.

Ключевые слова

Молодежь, молодежная культура, субкультуры футбольных фанатов, Интернет, интернет-среда, инновационный риск, трансформационные процессы.

Abstract

The global computer network gives to subcultural youth new opportunities for self-identification and self-realization, but thus in social system there is a number of tension connected with innovative risk and transformational processes.

Keywords

Youth, youth culture, subculture of football fans, Internet, Internet environment, innovative risk transformation processes.

Социальные изменения, начавшиеся во второй половине XX в., коренным образом изменили не только облик социальной коммуникации в обществе, но и затронули основы общества – сферу производства, досуга, культуры, политических и экономических отношений. На протяжении уже нескольких десятилетий подряд постоянно меняются «правила игры» в обществе под воздействием успехов в сфере «высоких технологий», информационно-компьютерной и телекоммуникационной технологической революции¹. Не случайно канадский социолог Г. Маклюэн отмечал, что «качественной спецификой современной стадии развития коммуникации является ее глобальность. Здесь превращение информации и коммуникации в производительную силу неизбежно приводит к выходу за пределы европейской социокультурной системы и подчинению новым глобальным тенденциям управления, связанным с преодолением национально-государственных границ и культурно-цивилизационных пространств»². Новый тип общества, названный Маклюэном «глобальной деревней», отличается тем, что не только «телевизионное восприятие, но и вся жизнедеятельность современного общества стала все больше осуществляться в соответствии с принципом мозаичного резонанса: посредством телекоммуникаций, массмедиа и компьютеров электричество как бы продолжает центральную нервную систему до образования «глобального объятия», где все оказывается взаимосвязано».

В этой связи отнюдь не случайным выглядит тот факт, что исследователи относят технологии Интернет к одной из главных движущих сил глобализации, поскольку, являясь средством глобальной коммуникации, Интернет практически стирает границы между государствами, способствуя созданию единого кросс-культурного информационного пространства. Учитывая неоднозначное отношение к явлению глобализации со стороны общественности, проявившееся в возникновении двух полярных точек зрения – сторонников глобализации и антиглобалистов, анализ различных сторон влияния Интернета на процесс глобализации имеет существенное значение. Сейчас многие ученые ставят Интернет на одно из ключевых мест по степени влияния на процесс развития человечества.

Многие современные социологи рассматривают Интернет как универсальную социально-культурную и социально-коммуникативную систему, функции которой значительно шире, чем распростра-

¹ Райдугин Д.С. Становление естественной и рефлексивной установок социального познания. // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2012. № 3 (11). С. 54-63.

² McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. N.Y.: Bantam, 1968.

нение информации. Так, И.А. Шевченко отмечает, что глобальная компьютерная сеть в современном обществе «потенциально может заменить пользователю все – агентства новостей, газеты, книги, журналы, библиотеки, архивы, кинозалы, телевидение, музеи, архивы, концертные залы, стадионы и т.д., поскольку вся их информация может быть переведена в цифровую форму и представлена в Сети»¹. Н.В. Нарыков обращает внимание на распространение интернет технологий как аспект глобализации, существенным образом актуализирующий проблему национальной безопасности².

Е.М. Куликов обращает внимание на то, что «Интернет представляет собой масс-медиа нового поколения, способное органично интегрировать вертикальные и горизонтальные коммуникативные потоки и оказывать серьезную конкуренцию традиционным масс-медиа. В глобальной сети происходит симбиоз массовой, групповой и межличностной коммуникации. В отличие от традиционных СМИ, ориентированных на производство и распространение информации массовой диверсифицированной аудитории, Интернет обладает способностью эффективного удовлетворения информационно-коммуникационных потребностей различных сегментов своей аудитории (как узких, так и широких)»³.

При этом подавляющее большинство исследователей-социологов склонны считать Интернет едва ли не основным атрибутом глобального информационного общества начала XXI в. Многие авторы, занимающиеся проблематикой интернет-коммуникации в современном обществе, считают наиболее значимой характеристикой глобальной сети обеспечение открытости, демократичности общества в информационном аспекте, препятствование попыткам цензуры и запретов на свободное распространение информации. М. Кастельс указывал: «Интернет был построен его создателями как средство свободной коммуникации. Кроме того, функционирование Интернета обеспечивалось программами, свободно распространявшимися по сети. Даже сегодня на «Араше» и «Linux», программах с открытым исходным кодом, работают две трети web-серверов по всему миру. Благодаря его структуре контролировать Интернет возможно, но это весьма затруднительно, хотя прави-

¹ Шевченко И.А. Политические интернет-технологии в трансформирующемся обществе: дис. ...канд. полит. наук. Ставрополь, 2005.. С. 37–38.

² Нарыков Н.В. Проблемы исторической преемственности российской государственности в условиях глобализации. // Общество и право. 2014. □ 2 (48). С. 295-298.

³ Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2014. С.148.

тельства и пытаются подавить свободную коммуникацию посредством идентификации отправителей и получателей незаконных сообщений, налагая наказания на них и провайдеров интернет-услуг. Однако из-за глобальной маршрутизации Интернета почти всегда можно найти альтернативные пути передачи сообщения для избежания контроля»¹.

Интернет представляет собой весьма своеобразную коммуникативную архитектуру, в которой органично сочетаются элементы формального, институционального и неформального, неинституционального общения. По мнению современных российских исследователей, интернет-коммуникация характеризуется следующими признаками:

- виртуализация взаимодействия, признаками которого становятся анонимность, неограниченное число участников, отсутствие пространственно-временной локализации;
- стираются границы между межличностной, групповой и массовой коммуникацией;
- блоги, форумы, социальные сети способствовали выходу межличностной и групповой коммуникации на уровень массовой;
- при увеличении количества сообщений происходит снижение их достоверности за счет интенсификации информационно-коммуникационного воздействия;
- информационные экстремисты, кибертеррористы обладают значительными возможностями для оказания воздействия на интернет-аудиторию.

С появлением мобильных телефонов последних поколений (смартфоны, коммуникаторы) значительно упрощаются условия выхода в Интернет и, соответственно, включения в интернет-коммуникацию. Соответственно, увеличивается интернет-аудитория². По мнению Е.О. Кубякина, деструктивный аспект стремительного информационного развития современного общества состоит в неуправляемости не только самого развития, но и его социальных последствий. Речь идет не только о том, что у экстремистов и террористов появляются новые технические возможности, но и о том, что современная молодежь может быть вовлечена в экстремистские, ксенофобные и антиобщественные движения из скуки, в рамках досуговой деятельности³. С точки зрения философского

¹ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 43–44.

² Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2014. С.148.

³ Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети интернет как социальная

понимания преступной деятельности также важен фактор «нарушения запрета»¹.

Стоит отметить, что стремительные изменения социальной реальности, детерминированные, в том числе и возникновением Интернета, требуют от социологов принципиального изменения приемов и подходов в анализе глобальной сети как инновационного медиа начала XXI в. По мнению О.Ю. Павленко, «Интернет в России из сферы досуговой и коммуникативно-развлекательной все более превращается в одно из ведущих социальных пространств, охватывающих, по экспертным оценкам, почти треть взрослых россиян. В Интернет-пространство перемещают свои действия крупные и средние компании, политические партии, средства массовой информации. Столь массовое перемещение социальных и экономических акторов в новое коммуникативное пространство приводит к усилению его неоднородности. Возникает естественное расслоение интернет-аудитории. Однако структура этого социального расслоения и его влияние на социальную стратификацию российского общества до сих пор не стали предметом специального научного исследования»².

Исследователи в настоящее время затрудняются однозначно определить, положительным или отрицательным явлением выглядит Интернет в современном российском обществе. Несмотря на преобладание очевидных положительных сторон, которые привнес в нашу жизнь Интернет, нельзя не признать и наличия его дисфункций. Ускоряя процессы социальной трансформации, Интернет не развивает культурный потенциал, но является современной технологией воздействия на массовую аудиторию. В этой связи актуален вопрос о проникновении деструктивных явлений извне и адекватном противостоянии им на государственном уровне³. Сейчас, когда прошла пора неумеренного восхищения интернет-технологиями, общество стало все больше задумываться и над отрицательными последствиями развития Интернета. Не утихают споры между сторонниками Интернета, видящими в нем главный инстру-

проблема. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. С. 149-152.

¹ Райдугин Д.С. Философия преступления: социальные аспекты. // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар, 2007.

² Павленко О.Ю. Участие в интернет-коммерции как фактор социальной стратификации общества: дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2011. С.4-6.

³ Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38-41.

мент общественной эволюции, и противниками Интернета, делающими упор на его деструктивном влиянии на социум. Огромные технологические возможности Интернет-технологий, отсутствие цензуры, свобода слова и информации, созданная Интернетом, и являющиеся его основными преимуществами, одновременно сделали возможным нарушение неприкосновенности частной жизни, широкомасштабное распространение в Интернете порнографии, призывов к ненависти и расизму. Практическое отсутствие управляющего центра в Интернете, ранее рассматривавшееся только как безусловное преимущество глобальной сети, сегодня ставит перед мировой общественностью проблему создания такой структуры, регулирующей развитие Интернета.

В современном обществе начала XXI в. возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, Интернет как инновационное СМК предоставляет аудитории невиданное ранее разнообразие информации, не контролируемой в целом ни одним национальным государством, ни одной элитарной экономической группой. С другой стороны, остается открытым вопрос о том, каковы последствия практически бесконтрольного распространения информации в пространстве глобальной сети. Не станет ли Интернет угрозой социального порядка и стабильности в обществе XXI в.? На этот вопрос однозначно не отвечает ни один из специалистов в области социологического изучения Интернета.

Н.К. Воронович констатирует наличие острой социальной проблемы, заключающейся, с одной стороны, в противоречии между инновационным коммуникативным потенциалом глобальной сети, предоставляемыми возможностями самореализации для активной части интернет-аудитории, а с другой – в отсутствии должного контроля и действенных механизмов социального управления Интернетом.

Как отмечают исследователи, «Интернет обладает способностью конструирования виртуальной компьютерной реальности, которую сложно контролировать и тем более ей сложно управлять. В связи с вхождением в нашу жизнь Интернета и виртуальной компьютерной реальности существенно изменился облик системы массовой коммуникации. В связи с освоением новых информационно-коммуникационных технологий ее деятельность ускорилась и интенсифицировалась, система стала более оперативной, увеличился охват аудитории, однако произошло существенное снижение качества транслируемой информации. Хуже стала и защищенность от информационных атак со стороны террористов, экстремистов, киберпреступников, различных антисоциальных движений и групп.

Таким образом, рост социальной значимости Интернета ставит перед обществом проблему качества информации, имеющейся в свободном доступе¹.

Стоит отметить, что наличие в свободном доступе асоциальной и антисоциальной информации – весьма тревожный факт, угрожающий негативными последствиями для общества, а также для наиболее уязвимых социальных групп, общностей, классов. В данном случае, едва ли не в первую очередь, речь идет о молодежи. Специфика сознания и ценностно-нормативной системы подрастающего поколения такова, что оно подчас совершенно некритично воспринимает информацию, даже ту, источник которой весьма сомнителен.

В этой связи Е.О. Кубякин справедливо обращает внимание на то, что «несформировавшееся и деформированное сознание находит питательную среду в информационных потоках, спонтанно возникающих или целенаправленно формируемых в неконтролируемых глобальных сетях. Интернет в новых условиях становится не только ключевым игроком медиарынка, но и инновационной социальной средой, где происходят взаимодействия акторов, опосредованные компьютерно-коммуникационными технологиями»². При этом молодежь является наиболее уязвимой социальной группой, с одной стороны принимающей «все новое», а с другой – зачастую, не способной на целостное критическое мышление³.

Интернет заполняет молодежный досуг, «раскрашивает» его новыми тонами и позволяет устанавливать опосредованные отношения единомышленникам, людям со сходными социально-психологическими и социокультурными характеристиками. В этой связи закономерным выглядит тот факт, что многие современные исследователи рассматривают Интернет как инструмент преодоления чувства одиночества. Этому имеется ряд объяснений. Во-первых, человек может легко найти в Интернете собеседника в любое время суток семь дней в неделю для непосредственного общения. При этом преодолеваются физическая отдаленность и чувство дистанции. Интернет расширил социальные сети по всему миру. Во-вторых, онлайн-коммуникация может быть анонимной: во

¹ Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2014. С.148.

² Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2012. 10-15.

³ Райдугин Д.С. Молодежь: социоструктурные и социокультурные характеристики. // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2013. № 1 (13). С. 82-89.

многих случаях человек взаимодействует в сети без показа своей истинной идентичности. В то же время интернет-общение не позволяет восполнить дефицит непосредственного эмоционального общения «лицом к лицу».

Однако многочасовое пребывание в пространстве виртуальной реальности приводит к ряду негативных эффектов, одним из которых является интернет-зависимость. Стремительное вхождение в социальную жизнь глобальной компьютерной сети приводит к проблеме интернет-зависимости, которая особенно распространена в молодежной среде, отличающейся максимализмом и некритичностью мышления. Интернет-зависимость – это комплексное социальное явление, развитие которого обусловлено рядом факторов ситуационного и личностного характера. Поскольку с каждым годом понижается возраст приобщения к Интернету, а молодежь составляет большой сегмент российской интернет-аудитории, проблема интернет-зависимого поведения может стать в дальнейшем одной из причин низкой социальной адаптации, слабой интегрированности в социальные отношения наиболее трудоспособной части населения.

Таким образом, социологическое понимание феномена глобальной компьютерной сети Интернет предполагает выход за рамки традиционного технического определения. С точки зрения социологического подхода, возникновение и развитие сети Интернет представляет собой завершающий этап (и вполне логичный) эволюции общества, неоспоримым последствием прогресса информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий. Именно в начале XXI в., по мере внедрения в социальную жизнь множества научно-технических инноваций, стала возможной реализация пророчества канадского социолога Г. Маклюэна о «глобальной деревне», объединяющей жителей Земли и стирающей пространственно-временные границы на планете.

Появление Интернета дало очень много человечеству в информационном плане, прежде всего. Появилась возможность усовершенствовать торгово-экономические и производственные отношения, повысить общий образовательный и культурный уровень населения. Однако Интернет привнес в жизнь социума и ряд несомненных отрицательных эффектов. Речь идет об угрозе информационной и национальной безопасности стран, распространении киберпреступности, возрастании доли лиц, страдающих интернет-зависимостью, опосредовании межличностных контактов и виртуализации действительности и одновременным отступлением от норм

гражданского поведения¹. Существенным образом трансформировался (и далеко не в лучшую сторону) процесс социализации и социального развития молодежи, под воздействием интернет-среды и электронных СМИ он приобрел во многом стихийный, флуктуационный характер. Не случайно в социологии молодежи принято именовать данный феномен «стихийной социализацией», при этом немало исследователей используют данный термин в синонимичном ряду с «отклоняющейся социализацией». При этом речь идет о проникновении на территорию РФ негативных тенденций, противоречащих самой идее российской государственности².

Становится очевидным, что по мере роста социальной значимости Интернета происходит изменение социокультурного облика общества. Меняется характер и направленность культурной коммуникации, трансформируется процесс передачи культурного опыта. Представители различных субкультур и контркультур (так называемая культурная оппозиция) получили возможность трансляции своих идей, ценностей, идеологем, практик на численно большие, географически рассеянные аудитории пользователей Интернета. Кроме того, у представителей различных субкультурных объединений появилась дополнительная возможность взаимодействия, коммуникации, в результате чего усилились процессы культурного переноса.

Не стала исключением и субкультура, объединяющая фанатские движения различных футбольных клубов в современной России. В настоящее время у субкультур футбольных фанатов появилось множество инструментов массово-коммуникативного воздействия – как на представителей самой субкультуры, так и на лиц, не относящихся к футбольным фанатам. В настоящее время значительно усилились пропагандистские, агитационные возможности субкультур футбольных фанатов. При этом в настоящее время крайне затруднительно прогнозировать социальные последствия «интернетизации» футбольного фанатизма, учитывая его специфический субкультурный стиль, радикализм, ксенофобию, а в ряде случаев – откровенную криминальную направленность и экстремизм. Интеграция фан-движения в пространство глобальной компьютерной сети Интернет становится острой научной и управленческой проблемой в современной России.

¹ Нарыков Н.В. Права и обязанности человека в системе социальных норм. // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 253-256.

² Нарыков Н. В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. № 1 (47) Краснодар, 2014. С. 247–251.

Библиография

1. Райдугин Д.С. Становление естественной и рефлексивной установок социального познания. // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2012. № 3 (11). С. 54-63.
2. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. N.Y.: Bantam, 1968.
3. Шевченко И.А. Политические интернет-технологии в трансформирующемся обществе: дис. ...канд. полит. наук. Ставрополь, 2005.. С. 37–38.
4. Нарыков Н.В. Проблемы исторической преемственности российской государственности в условиях глобализации. // Общество и право. 2014. № 2 (48). С. 295-298.
5. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2014. С.148.
6. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 43–44.
7. Кубякин Е. О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи. Власть. 2010. № 9. С. 56-59.
8. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети интернет как социальная проблема. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. С. 149-152.
9. Кубякин Е.О. Экстремизм и ксенофобия в молодежной среде в контексте обеспечения национальной безопасности. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. С. 16-18.
10. Райдугин Д.С. Философия преступления: социальные аспекты. // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар, 2007.
11. Павленко О.Ю. Участие в интернет-коммерции как фактор социальной стратификации общества: дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2011. С.4-6.
12. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 38-41.
13. Плотников В.В., Плотников Н.В. Естественное социокультурное равновесие как фактор, определяющий общественное развитие. // Теория и практика общественного развития. №16, 2014. Электронная версия: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_

[zhurnala/2014/16/philosophy/plotnikov-plotnikov.pdf](#) (дата обращения: 23.10.2014).

14. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра соц. наук. Краснодар, 2012. 10-15.

15. Райдугин Д.С. Молодежь: социоструктурные и социокультурные характеристики. // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2013. № 1 (13). С. 82-89.

16. Нарыков Н.В. Права и обязанности человека в системе социальных норм. // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 253-256.

17. Нарыков Н. В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму // Общество и право. № 1 (47) Краснодар, 2014. С. 247-251.

*ДОБРЫНИНА Валентина Ивановна,
доктор философских наук, профессор
vdobrynina@yandex.ru*

*КОЛЕСНИКОВА Ирина Владимировна,
доктор философских наук, профессор
ivk@ibs.ru*

*КАЛЬЧЕНКО Анна Георгиевна,
кандидат философских наук, доцент
РАНХиГС при Президенте РФ
anna.kalchenko@rambler.ru*

Предпринимательство как профессиональный выбор/ Entrepreneurship as a career choice

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы влияния семьи на профессиональный выбор и раннюю профессиональную карьеру студенческой молодежи. На основе данных социологических исследований проведен сравнительный анализ карьерных предпочтений студентов, получающих бизнес-образование в России и США.

Ключевые слова

Предпринимательство, профессиональный выбор, семейный бизнес, социально-профессиональный статус.

Abstract

The article deals with the influence of the family on vocational choice and early professional career of students. The comparative analysis of the career preferences of students receiving a business education in Russia and in the USA was carried out on the basis of sociological data.

Keywords

Entrepreneurship, professional choice, the family business, social and professional status.

Трансформация профессиональной структуры современного общества представляет собой сложный разнонаправленный и многоуровневый процесс. Его основными факторами на макроуровне выступают радикальные социальные, экономические и политические изменения в обществе, вызванные развитием и внедрением новых технологий и процессами глобализации. На микроуровне определяющим фактором выступает семья как благоприятная среда воспроизводства профессиональных статусов, с одной стороны, и ресурс для интергенерационной профессиональной мобильности – с другой. Именно на этом уровне обеспечивается связь между прежней и формирующейся структурами профессиональных статусов, определяется ее качество, а также возможности и ограничения мобильности. Следует отметить, что вопросы профессионального самоопределения, профессиональной ориентации, ранней профессиональной карьеры достаточно давно и разносторонне исследуются в западной и отечественной социологии и тесно связаны с изучением классовой и профессиональной структуры общества и социального неравенства. В работах П. Сорокина, посвященных исследованию социальной мобильности, рассматриваются вопросы передачи профессионального статуса от отца к сыну. В 1960 - 1970-е гг. французский социолог П. Бурдьё развивает концепцию культурного капитала, которая оказала серьезное влияние на формирование подходов к анализу взаимодействия культурных ресурсов семьи, образования и социального порядка. Опираясь на исследование первопричин неравенства успехов школьников из семей, принадлежащих к разным классовым сообществам, П. Бурдьё фиксирует консервацию этих неравенств с помощью институтов образования, которые служат средством закрепления существующего социального порядка и системы привилегий.

Советские социологи в 1960–1980-х гг. прошлого столетия исследовали структуру и мотивы профессионального выбора в связи с проблематикой разделения труда, статуса и престижа профессии. В работах М.Х. Титмы фиксировалось наличие связи между социальным характером профессионального выбора и снижением уровня социальной дифференциации, изучались возможности

управления этим процессом, прежде всего с помощью таких институтов как образование и трудоустройство¹.

Отслеживая образовательные и профессиональные траектории молодежи с 1960-х гг., коллектив исследователей под руководством В. Н. Шубкина рассматривал социальный статус родителей, их культурный или производственно-технический опыт в качестве существенного условия при выборе профессии. На основе полученных данных были сделаны выводы о более высоком уровне профессиональной преемственности в тех областях деятельности, которые носят творческий характер.²

Современные исследователи фиксируют усиление влияния родительских семей на профессиональный выбор молодежи. Благодаря ресурсам родительской семьи все чаще обеспечивается сам доступ к высшему образованию вообще и выбор первого места работы, которое может определить всю последующую карьеру молодого человека. Это объясняется не только ролью семьи в процессе социализации личности, но и постоянно возрастающим вкладом как материальных, так и культурных ресурсов семьи в воспроизводство капиталов новых поколений.³ Мы рассматриваем проблему профессионального выбора в связи с изучением перспектив и условий воспроизводства социально-профессионального статуса в семьях студентов, получающих бизнес-образование. Под профессиональным выбором мы понимаем в первую очередь выбор содержания будущей профессиональной деятельности, а не выбор высшего уровня профессионального образования.

Нами было проведено 57 полуструктурированных интервью со студентами первого и 36 – четвертого курсов факультета международного бизнеса и делового администрирования ИБДА РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации.

Мы спрашивали студентов об их планах на будущее. Нас интересовал вопрос, собираются ли они участвовать в бизнесе своих родителей, открыть собственное дело или выбрать что-либо третье. При анализе ответов на этот вопрос мы использовали данные 86 интервью.

¹ Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975. Титма М.Х. Социально-профессиональная ориентация молодежи. Таллин, 1982.

² Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологическое исследование проблем выбора профессии и трудоустройства). – М. 1985.

³ Шкаратан Г.А., Ястребов О.И. Социокультурная преемственность в российской семье // Общественные науки и современность. 2010. N 1, с. 5-27.

Примерно половина респондентов, у родителей которых есть собственный бизнес, собираются в той или иной форме продолжать дело родителей. При этом большинство из них хотели бы открыть собственное дело, соответствующее их желаниям и склонностям. Наиболее типичные ответы выглядят следующим образом: «Да, у моих родителей есть собственное дело, и я стараюсь всегда им помогать и уже работал там 3 месяца, я собираюсь продолжить семейный бизнес, но и хочу попробовать совсем в другой сфере, и может быть открыть свое дело (юноша, 1 курс); «Имея свое дело, родители много работают, в будущем я постараюсь помогать им в их бизнесе, однако, я бы хотела попробовать себя в роли предпринимателя и работать самостоятельно» (девушка, 1 курс). Таким образом, помощь родителям – для одних только планы на будущее, для других – практический опыт, а значит, и более осознанный выбор.

Доля тех, кто готов полностью включиться в бизнес семьи и даже не помышляет об открытии собственного дела, составляет около 30%. Как правило, они говорят не просто об участии в семейном бизнесе, но и о желании его развивать. «...Когда я окончу академию, я с радостью буду помогать им в работе, продолжу их дело и постараюсь его развивать» (юноша, 1 курс). Аргументируя свое желание участвовать в родительском бизнесе, юноши в большинстве ссылаются на необходимость сохранения достижений предыдущего поколения, девушки же рассматривают его как условие сплочения семьи. «Планирую в дальнейшем продолжить отцовское дело, ибо не считаю возможным пустить на ветер его труд» (юноша, 1 курс). «Конечно же, дело моих родителей не останется без присмотра, ведь создание бизнеса – это большой труд, в который вложили много усилий мои родители» (юноша, 1 курс). «У нас будет общее дело и цель, мы будем чаще видеться и совместно решать дела, я считаю, что это очень сплачивает, поэтому я очень рада, что у меня есть такая возможность – работать и помогать родителям» (девушка, 1 курс).

Представленные ситуации можно отнести к такой модели социально-профессионального воспроизводства, основной характеристикой которой является прямое наследование социально-профессионального статуса родителей. Она предполагает участие всех членов семьи в принятии решений, последовательное создание и совместную реализацию семейных ресурсов, благоприятный психологический климат, демократический тип взаимоотношений между поколениями, совпадение основополагающих жизненных ценностей и установок. В нашем исследовании такая модель вос-

производства социально-профессионального статуса отмечена почти в 60% случаев.

Вместе с тем исследователи отмечают, что в среднем такая модель встречается не часто. И.П. Попова (Институт социологии РАН) приводит данные исследования, проведенного на базе трех российских городов – Москвы, Екатеринбурга и Томска в 2011-2012 гг. В исследовании приняли участие 36 семей специалистов с высшим образованием. Описанная выше модель прямого социально-профессионального воспроизводства была диагностирована только в двух из восьми семей (25%), подвергшихся подробному анализу. В обоих случаях это были семьи руководителей высокого ранга, хорошо обеспеченные и использующие свои связи и возможности для помощи детям.¹

Полученные нами данные позволяют говорить об особой привлекательности профессионального статуса предпринимателя для студентов из тех семей, где у родителей есть или был собственный бизнес.

В нашем исследовании доля студентов, не планирующих ни в какой форме участвовать в родительском бизнесе и прямо заявляющих об этом составляет 14 % от числа опрошенных первокурсников и почти 40% – четверокурсников, у родителей которых есть собственный бизнес. Объясняя свою позицию, будущие менеджеры чаще всего называют:

- несовпадение интересов;

«Мой папа занимается банковским делом, я не уверена, что хотела бы связать свое будущее именно с этой профессией. Я совершенно не люблю цифры и все, что с ними связано. Я скорее занялась бы чем-нибудь, связанным с общением (языки), либо с модой. Это те сферы, которые меня привлекают» (девушка, 1 курс).
«У моих родителей собственное производство: кондитерский дом и кофейня. Мой папа – известный в Москве ресторатор, и это очевидно, что он хотел бы передать свои знания преемнику. Но мне, к сожалению моих родителей, это совершенно не интересно» (девушка, 4 курс).

- не достаточно творческий характер родительского бизнеса;

«У моего папы собственный строительный бизнес. Я не собираюсь его продолжать, потому что я в большей степени творческий человек, нежели серьезный бизнесмен» (юноша, 1 курс). «У мамы есть личное дело, которое связано с арендой нежилых помещений,

¹ Попова И.П. Профессиональный выбор: влияние культурных ресурсов семей российских специалистов. Социологические исследования. 2013, № 11.

я нахожу это очень скучным, поэтому продолжать ее дело не планирую» (девушка).

- желание все начать с нуля;

«У моих родителей есть бизнес. Однако я хочу иметь свой собственный, открыть и развить все с нуля. Это совершенно другой бизнес, но в той же сфере услуг» (девушка, 4 курс).

- стремление к самостоятельности и независимости, желание самореализоваться и продемонстрировать окружающим свою состоятельность.

Этот аргумент встречается чаще других и присутствует как в позиции тех, кто готов участвовать в родительском бизнесе, но при этом обязательно планирует открыть собственное дело, так и тех, кто с самого начала видит себя самостоятельным. «У моих родителей есть свой бизнес, но я буду создавать свое, так как я хочу стать самостоятельной и добиться всего сама» (девушка, 4 курс). «У моего папы рекламное агентство. Я собираюсь идти по его стопам, но я не буду работать в его агентстве, а открою свое. У меня на это несколько причин: 1) я хочу сам почувствовать момент создания бизнеса, 2) мне важна независимость, 3) свое детище всегда больше любишь» (юноша, 4 курс).

Основы самостоятельности закладываются в самом раннем возрасте. Применительно к нашим респондентам это были 90-е годы прошлого столетия. Многие семьи оказались на грани физического выживания. Проблемы воспитания были отодвинуты необходимостью поиска средств к существованию. Исследования тех лет фиксируют тот факт, что значительная часть отцов и матерей детей дошкольного возраста (почти 30%) затруднялись с определением целей семейного воспитания.¹ Тем не менее уже тогда каждый пятый родитель формулировал желание воспитать ребенка самостоятельным человеком. Выделение нашими респондентами стремления к самостоятельности в качестве одной из основных причин создания собственного бизнеса безусловно является результатом целенаправленной деятельности семьи по формированию жизненных ценностей, предпочтений и профессионального выбора молодежи.

Данные, полученные нами в результате интервью, коррелируются с данными конкретного социологического исследования «Студенты ИБДА: позитивные мотивации к предпринимательству», проведенного авторами весной 2013 года. В исследовании приняли участие 275 студентов всех курсов бакалавриата ИБДА РАНХ и ГС,

¹ Меренков А.В. Тенденции изменения семейного воспитания в современном обществе. Социологические исследования. 2013, №2, с.101-110

что составило примерно три четверти генеральной совокупности. В рамках проведенного исследования нас интересовали не только планы наших студентов на будущее и представления об основных этапах карьеры, но и отношение их родителей к профессиональному выбору детей (в интерпретации самих студентов).

Таблица 1.

Планы студентов на будущее и их мнения об ожиданиях родителей относительно этих планов в зависимости от наличия/отсутствия бизнеса у родителей

	Наличие бизнеса у родителей	Есть бизнес			Нет бизнеса			Нет, но был		
		Ст.	Папа	Мама	Ст.	Папа	Мама	Ст.	Папа	Мама
1.	Собственное дело	60	31	21	49	11	8	67	15	15
2.	Участие в бизнесе семьи	23	23	21	5	1	1	13	7	5
3.	Работа в крупной госкомпании	7	7	6	4	11	11	5	13	19
4.	Работа за рубежом	21	12	11	36	14	18	36	9	15

Примечание – можно было выбрать несколько вариантов ответов

Из таблицы 1 видно: в семьях, где есть бизнес, 60% студентов намерены открыть собственное дело, их поддерживают в этом (по мнению самих же студентов) 31% пап и 21% мам. Практически полное единодушие наблюдается в вопросе об участии младших членов бизнес-семей в семейном бизнесе и работе в крупной государственной корпорации. При этом доля последних очень невелика и составляет всего 6-7%. В семьях же, где бизнеса нет, процент пап и мам, связывающих будущее своих детей с работой на государственном предприятии, почти в три раза превышает уровень предпочтений самих студентов. Чаще всего хотели бы видеть своих детей на государственной службе родители из семей, где бизнеса нет, но был.

Любопытно, что мамы в таких семьях оказались наибольшими приверженцами государственной службы для своих детей – 19% (против 11% мам из семей, где бизнеса не было никогда, и 6% мам из семей, где есть свой бизнес).

Таким образом, с точки зрения наших респондентов, минимальное расхождение во мнениях оказалось в семьях, где есть соб-

ственный бизнес, максимальное – там, где бизнеса нет, но был. При этом наибольший разрыв во мнениях между поколениями вызывает желание детей иметь собственное дело. Представляется, что природа такого несовпадения в разных типах семей различна. В семьях, где в прошлом есть опыт (возможно негативный) ведения бизнеса, но в настоящий момент бизнеса нет, в качестве наиболее предпочтительной модели жизненной карьеры для своих детей родителями рассматривается работа по найму в крупной государственной или частной корпорации, обеспечивающая относительную стабильность материального и социального положения. В семьях, где бизнес есть, в качестве основной альтернативы собственному бизнесу молодого поколения, по мнению родителей, выступает, прежде всего, участие в бизнесе семьи.

С точки зрения анализа тенденций воспроизводства социально-профессионального статуса родителей заслуживает внимание стремление наших респондентов продолжать свое образование. Сегодня является общепризнанным тот факт, что профессиональный статус, непременным условием которого становится высшее образование, обеспечивает устойчивое положение индивида в обществе и выступает гарантом его относительного благополучия. 72% студентов ИБДА, ранжируя этапы построения собственной карьеры, на первое место поставили именно этот пункт, 27% из их числа в качестве второго этапа карьеры выбрали «работу в родительской компании», в качестве третьего и четвертого этапов – «создание собственного бизнеса».

Сравнительный анализ представлений об этапах построения карьеры студентов ИБДА (Россия) и Университета Северная Каролина (США), проведенного весной 2013 года, позволяет судить о степени совпадения карьерных ожиданий российских и американских студентов.

Из таблицы 2 видно, что продолжение учебы является приоритетным направлением карьерной траектории для студентов-бакалавров из обеих стран. Такой вариант выбрали для себя 72% студентов из России и 68% – их американских коллег. Они близки также в своих намерениях после завершения основного цикла образования (бакалавриат или бакалавриат плюс магистратура) в качестве следующего этапа карьеры получить работу по найму в крупной государственной или международной компании. «В будущем я хотел бы попробовать свои силы в создании своего предприятия. Однако я понимаю, что это – сложная и ответственная задача, требующая для ее осуществления многочисленных ресурсов. В связи с этим начало своей карьеры я связываю с работой в го-

сударственном или частном секторе» (юноша, 4 курс). «Я не против помочь родителям в введении семейного бизнеса, для меня это даже будет честью. Но мне было бы интересно поработать в большой компании, чтобы набраться опыта и попробовать применить свои знания на практике» (девушка, 4 курс). 67% российских и 68% американских студентов в качестве первого или второго этапов своей карьеры, т.е. сразу после окончания учебы, выбрали позицию наемного работника.

Таблица 2.

Представления об этапах построения карьеры российских и американских студентов.

		Россия, %			США, %		
		1 этап	2 этап	3 этап	1 этап	2 этап	3 этап
1.	Продолжение учебы	72	6,5	5,4	68	6,5	2,4
2.	Работа в крупной госкомпании	3	18	14	6	27	10
3.	Работа в международной компании	9	37	19	5	30	20
4.	Участие в родительском бизнесе	5	20	7	4	4	8
5.	Открытие собственного дела	4	9	36	5	11	20

Аналогичные данные с точностью до одного процента приводятся в Национальном отчете «Глобальное исследование предпринимательского духа студентов» за 2011 год¹. Открытие собственного дела в качестве одного из пяти этапов своей карьеры планируют в целом 85% российских и 60% американских студентов. По данным же Национального отчета стать учредителями собственного бизнеса спустя 5 лет после окончания вуза собираются 47,1 и 34,4% респондентов из числа участников опроса, включенных в российскую и международную выборку соответственно.

Столь завышенные данные, полученные в ходе исследования авторов, объясняются, на наш взгляд, двумя причинами.

¹ Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет, Россия, 2011, с. 13-14.

Первая – структура выборки. В глобальном исследовании предпринимательского духа студентов в качестве респондентов выступали студенты различных специальностей, в нашем – только будущие менеджеры.

Вторая – в глобальном исследовании ставился вопрос о пятилетней перспективе в развитии карьеры, мы же интересовались планами не только на ближайшую, но и на более отдаленную перспективу. Кроме того, вопрос об этапах построения карьеры может быть рассмотрен в качестве контрольного по отношению к вопросу о планах на будущее. Отвечая на вопрос, «Каким Вам представляется Ваше будущее», 40% студентов ИБДА и почти 75 % студентов Университета Северная Каролина не связали свое будущее с наличием собственного бизнеса. Вместе с тем, только 15 и 40% соответственно этих же самых студентов не выбрали открытие собственного дела в качестве одного из этапов своей карьеры, хотя постановка вопроса предусматривала такую возможность. Объяснить сложившуюся ситуацию, на наш взгляд, можно следующим образом: открытие собственного дела не включают в свои планы те студенты, которые не связывают с ним пик своей карьеры, а рассматривают его лишь как интересный и желательный опыт в области организации и управления бизнесом.

По данным социологического исследования работу в родительском бизнесе в качестве одного из этапов карьеры рассматривают для себя 45% студентов ИБДА и 29% студентов Университета Северная Каролина, в планы на будущее эту позицию включают 17% российских и 8% американских участников

Проблемы наследования семейного бизнеса, подготовки и воспитания достойных преемников, владеющих основам предпринимательской культуры и предпринимательского мышления, являются по сути новыми для российского предпринимательства.

Однако, несмотря на практически полное отсутствие в России, в отличие от стран с развитой рыночной экономикой, опыта передачи семейного бизнеса представителям следующего поколения, по данным Национального отчета за 2011 год 5,9% российских студентов хотели бы наследовать семейный бизнес сразу после окончания учебы, и 7,2% видят себя преемниками через 5 лет. Эти цифры практически совпадают с международным показателем. Таким образом, наличие в стране традиций наследования бизнеса и многочисленных примеров трансформации истории успеха частного предпринимателя в историю успеха его семьи, напрямую не связано с планами молодежи продолжить и возглавить семейное дело. Результаты, полученные нами в ходе проведенных интервью,

полностью подтверждают эту мысль. Так, 40% студентов четвертого курса из числа семей, где есть собственный бизнес, в той или иной форме обозначили свое желание стать его преемником.

Более того, сравнительное исследование российских и американских студентов позволило зафиксировать парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию. Известно, что одним из главных стимулов к открытию собственного бизнеса является позитивный опыт окружающих. Приведенные ниже данные (Таблица 3) демонстрируют очевидный неуспех бизнесов, открытых в России, по сравнению с бизнесами, стартовавшими в Америке. При этом число студентов, планирующих открытие собственного дела в России, существенно превышает число аналогичных студентов в Америке, как помним, 85% и 60% соответственно (по данным исследования 2013 года).

Таблица 3.

Наличие в окружении знакомых, открывших свой бизнес в течение последних 3-х лет, %

Варианты ответов	Россия	США
Да, есть, и успешно в нем работают	1,6	49
«Да, есть, но были вынуждены закрыть его»	48	3,8
Не знаю таких	8	27
Затрудняюсь ответить	21	17,9

Справедливости ради следует отметить тот факт, что в российской выборке доля студентов из бизнес-семей почти в 2 раза превышает этот показатель среди опрошенных студентов Университета Северная Каролина

Однако наличие знакомых, открывших собственное дело, с этим обстоятельством не связано напрямую в условиях того, что студенты получают бизнес-образование, и круг их общения оказывается существенно шире, чем семейное окружение.

Конечно, за этим и «смелость, которая города берет»... от недопонимания сопутствующих процессу препятствий и трудностей. Но за этим и оптимистический настрой, без которого нет предпринимателя! За этим – вера в себя, подкрепляемая опорой на получаемое образование. Все вместе интегрируется в убеждение «Я смогу!». И в этом наша надежда. Не потерять бы!

На основе анализа проведенных интервью и данных, полученных в ходе конкретного социологического исследования, можно сделать следующие выводы.

Воспроизводство социально-профессионального статуса родителей в семьях студентов, получающих бизнес образование, отражает процесс преемственности основных семейных установок и ценностей в области предпринимательской деятельности.

В семьях предпринимателей (на примере семей студентов ИБДА) выбор будущей профессиональной деятельности чаще всего представляет собой семейный проект, нацеленный на воспроизводство социально-профессионального статуса и достигнутого материального положения.

Ценностные установки, определяющие профессиональный выбор будущих менеджеров, формируются в условиях взаимодействия ближайшего социального окружения, образовательной и бизнес среды, что обеспечивает высокий уровень воспроизводства социально-профессионального статуса родителей.

Библиография

1. Попова И.П. Профессиональный выбор: влияние культурных ресурсов семей российских специалистов. Социологические исследования. 2013, №11.

2. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М.: Мысль, 1975.

3. Титма М.Х. Социально-профессиональная ориентация молодежи. Таллин, 1982.

5. Широкова Г.В., Куликов А.В. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов. Национальный отчет, Россия, 2011.

6. Шкаратан Г.А., Ястребов О.И. Социокультурная преемственность в российской семье // Общественные науки и современность. 2010, N 1.

7. Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь (социологическое исследование проблем выбора профессии и трудоустройства). – М. 1985.

*ЗАГУРСКАЯ Светлана Геннадьевна,
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой
«Сервис и туризм», МГУПС (МИИТ)
zagurskiy@yandex.ru*

*КУРАЧЕВА Марина Евгеньевна,
старший преподаватель кафедры
«Сервис и туризм», МГУПС (МИИТ)
gimiit@gimiit.ru*

**Инвестиционная привлекательность туристской
дестинации как фактор ее конкурентоспособности/
Investment attractiveness of tourism destination as the
factor of its competitiveness**

Аннотация

В данной статье рассматриваются: туризм как одна из наиболее доходных отраслей мировой экономики, основные факторы, сдерживающие развитие внутреннего и въездного туризма в России, проблемы привлечения инвестиций в туристскую дестинацию, подходы к оценке инвестиционной привлекательности туристской дестинации. В статье выделены индикаторы уровня развития и конкурентоспособности индустрии туризма в регионах России.

Ключевые слова

Туристская дестинация; конкурентоспособность туристской дестинации; инвестиционная привлекательность туристской дестинации; оценка инвестиционной привлекательности дестинации.

Abstract

This article discusses: tourism as one of the most profitable industries in the world economy, basic factors constraining the development of domestic and inbound tourism in Russia,

problems of attracting investment in tourism destinations, approaches to assessing the investment attractiveness of tourist destinations. The article highlights the indicators of the level of development and competitiveness of the tourism industry in the Russian regions.

Keywords

Tourism destination; competitiveness tourism destination; investment attractiveness of a tourism destination; assessing of investment attractiveness of destinations. approaches to assessing the investment attractiveness of tourism destinations.

Современное развитие общества, связанное с изменением как в организации труда, так и досуга, привело к иному пониманию общественной значимости туризма и его роли в воспроизводстве человеческого потенциала. Значимость туризма сформулирована во многих программных документах государственного уровня, развитие туристического сектора многими государствами рассматривается как один из важнейших факторов повышения социального и экономического развития страны и ее регионов.

Являясь одной из важнейших отраслей социальной сферы, туризм играет важную роль в решении социальных проблем и становится социокультурным инструментом. Социальная сущность туризма заключается в организации досуга населения, сглаживании различий и предупреждении конфликтов в обществе, формировании новых связей между отдельными людьми и группами, образовании и повышении культурного уровня населения, распространении культурных ценностей¹. По мере приобретения опыта путешествий меняется отношение туристов к коренному населению, они начинают лучше понимать местную культуру, традиции, образ жизни, менталитет.

Экономическое значение туризма проявляется в том, что он превратился в отрасль экономики. В 2013 году выручка, поступившая в туристские центры от международных посетителей, достигла 1159 млрд долл. США. Помимо поступлений в туристских центрах (приходная статья туризма в Платежном балансе), туризм приносит также экспортную выручку через услуги, оказываемые (нерезидентам) международным пассажирским транспортом. В

¹ Кузнецов С.А.. Социальный туризм как феномен социального государства // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2012, № 4 (25).

2013 году она достигла приблизительно 218 млрд долл. США, в связи с чем общие поступления от международного туризма составили 1,4 триллиона долл. США¹.

На туристический сектор, по подсчетам ООН, приходится около 9% мирового ВВП, 29% мирового экспорта услуг и 6% общего экспорта товаров и услуг². Услуги и продукция туристской сферы могут занимать в национальном доходе, в валовом внутреннем продукте страны одно из ведущих структурно-долевых мест. Так, в Хорватии в 2013 году доля туристических поступлений в ВВП составила 16,7%, на Мальте – 14,5%, на Кипре – 13,2%, что подтверждает важность туризма для этих стран. В абсолютном выражении самые высокие поступления от международного путешествия в Европе в 2013 году были зарегистрированы в Испании (45,5 млрд евро) и Франции (42,2 млрд евро), за ней следуют Италия, Германия и Великобритания (около 31-33 млрд евро) [3]. 10 лет назад в Таиланде на долю туристских поступлений в ВВП страны приходилось около 6,5%, сегодня она увеличилась до 10%³. Доходы от туризма в Турции в 2013 году составили 32,309 млрд долларов США⁴.

При обеспечении комплекса необходимых условий туристическая сфера (въездной и внутренний туризм) в России могла бы стать одной из точек роста отечественной экономики. Основными факторами, сдерживающими развитие внутреннего и въездного туризма, являются: недостаточно развитая инфраструктура, высокие тарифы на пассажирские перевозки, низкое качество предоставляемых услуг, избыточные административные формальности, недостаточное продвижение национального турпродукта, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие годовых инвестиционных площадок⁵.

Россия обладает большим туристским потенциалом в части культурно-исторических, природных ресурсов, но проигрывает по уровню приоритетности туристского сектора экономики, по уровню устойчивости развития туристской отрасли, по уровню ценовой

¹ Международный туризм принес 1,4 триллиона \$ US в экспортных поступлениях [Электронный ресурс]. Madrid: 14 May 2014 – URL: <http://www.media.unwto.org/ru/press-release/2014-05-14/mezhdunarodnyi-turizm-prines-us14-trilliona-v-eksportnykh-postupleniyakh>. Проверено 2.12.2014.

² Топ-10: самые притягательные для туристов страны [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/40467>. Проверено 2.12.2014.

³ Thailand: Tourist Arrivals from 1998 till 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thaiwebsites.com/tourism>. Проверено 2.12.2014.

⁴ Statistics by Theme. Tourism Statistics [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turkstat.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1072.

⁵ Малый бизнес в сфере туризма, спорта и отдыха [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.businessrest.ru>. Проверено 2.12.2014.

конкурентоспособности туристской индустрии, по уровню безопасности (высокая смертность в результате дорожно-транспортных происшествий, высокий уровень преступности и др.). До сих пор остается нерешенной проблема организации туризма на различных территориальных уровнях, на уровнях области, края, города.

Для формирования конкурентоспособной туристской индустрии важна четкая государственная политика, позволяющая обеспечить достаточный приток инвестиций в экономику туристских дестинаций. Однако, инвестиции становятся возможными при наличии инвестиционных ресурсов, последние в свою очередь с учетом принципа нарастания степени охвата инвестиционных отношений, являются производными от инвестиционного потенциала. Инвестиционный потенциал (объем инвестиций, который может быть привлечен в экономику туристской дестинации за счет всех источников финансирования исходя из наличия различных экономических, социальных, туристских ресурсов, особенностей ее географического положения) зависит от наличия соответствующего инвестиционного климата, который в свою очередь является производной от инвестиционной привлекательности туристской дестинации. Она формируется под совокупным воздействием следующих частных факторов: туристско-рекреационным, экологическим, социальным, инвестиционным, инфраструктурным, потребительским, политическим, финансовым, кадровым, инновационным, производственным, ресурсно-сырьевым.

Таким образом, конкурентоспособность туристской дестинации зависит от ее инвестиционной привлекательности, которая является интегральной инвестиционной характеристикой туристской дестинации.

Проблема привлечения инвестиций, в том числе и иностранных, в ряде случаев сдерживается не только отсутствием финансовых источников, но и отсутствием материалов, документов, подтверждающих инвестиционную привлекательность туристских дестинаций (например, отсутствие данных по оценке инвестиционной привлекательности туристских дестинаций)¹.

На современном этапе развития туризма в России возникла необходимость выработки единого методического подхода к оценке инвестиционной привлекательности туристской дестинации, до сих пор нет единого мнения о том, какие показатели следует рассчитывать при ее оценке. При этом оценка инвестиционной

¹ Евлаев А.Н., Красина Я.С. Государственно-частное партнерство в сфере туризма//Поиск, №1, 2014 г., – С. 116

привлекательности туристской дестинации является важнейшим аспектом принятия любого инвестиционного решения.

На наш взгляд, для оценки инвестиционной привлекательности туристской дестинации можно использовать модель, предложенную Левченко Т.П., Янюшкиным В.А., Рябцевым А.А. для оценки инвестиционной привлекательности рекреационного района, приспособив ее под необходимые требования¹.

На первом этапе в рассматриваемой туристской дестинации определяется доля основных фондов по каждому сектору туристской отрасли в общероссийском объеме основных фондов данного сектора.

На втором этапе, исходя из объемов капитальных вложений в определенный сектор туризма по всей стране, рассчитывается нормативная величина капиталовложений в данный сектор данной туристской дестинации. На третьем этапе суммированием нормативных величин капиталовложений всех секторов туризма, существующих в данной туристской дестинации, рассчитывается нормативная величина капиталовложений в рассматриваемую туристскую дестинацию. На четвертом этапе суммированием реальных величин капиталовложений всех секторов туризма, существующих в данной туристской дестинации, рассчитывается реальная величина капиталовложений в рассматриваемую туристскую дестинацию. На пятом этапе осуществляется группировка и сопоставление туристских дестинаций по величине реальных и нормативных капиталовложений в туристскую индустрию. Предложенная методика, основанная на анализе объемов и соотношений капиталовложений в сектора туризма туристских дестинаций, не может отразить всю объективно сложившуюся ситуацию в туристской дестинации, но позволяет с определенной долей условности сравнить инвестиционную привлекательность туристских дестинаций.

Как говорилось выше, для привлечения инвестиций в ту или иную туристскую дестинацию важную роль играет ее конкурентоспособность. В этой связи, в последние годы в туристской отрасли все чаще приходится сталкиваться с вопросами определения конкурентных преимуществ и конкурентной позиции туристских дестинаций. Одним из основных показателей, характеризующих страну с точки зрения международного туризма, является индекс конкурентоспособности путешествий и туризма (ТТСИ), предназначенный для измерения факторов и политических действий, кото-

¹ Левченко Т.П., Янюшкин В.А., Рябцев А.А. Управление инвестиционной привлекательностью в туристско-рекреационной сфере: Монография. – М.: ИНРА-М, 2012. – С. 62.

рые делают туризм привлекательным в определенной стране. Индекс складывается из трех субиндексов:

- субиндекса регулирования экономики (отраслевое регулирование и политика в секторе, постоянная забота об окружающей среде, безопасность, здоровье и гигиена, приоритет сектора путешествий и туризма для государства);
- субиндекса инфраструктуры и бизнес-среды (инфраструктура воздушного, наземного транспорта и туризма, информационно-коммуникационная структура, конкурентоспособность цен);
- субиндекса человеческих и природных ресурсов (человеческий капитал, национальное восприятие туризма, природные и культурные ресурсы).

Лидером по конкурентоспособности на протяжении многих лет остается Европа (в 2013 году первые пять мест заняли: Швейцария, Германия, Австрия, Испания, Великобритания). Россия по величине данного индекса в 2013 году заняла 63 место из 140¹. Составители рейтинга отмечают, что Россия получила хорошие оценки состояния культурных ресурсов (39-место) благодаря большому количеству объектов Всемирного наследия, инфраструктуры воздушного транспорта (33-е место).

Несмотря на 63 место в рейтинге конкурентоспособности российского туризма на международном рынке, в списке, представленном Всемирной туристской организацией при ООН, самых популярных туристических маршрутов в 2013 году, Россия заняла девятое место. В 2013 году в стране побывало 28,4 млн иностранных туристов. Первое место заняла Франция, в 2013 ее посетили 84,7 млн туристов. За Францией следуют США с показателем 69,8 млн человек. На третьем месте – Испания, где побывали 60,7 млн туристов, на четвертом – Китай (55,7 млн человек), на пятом – Италия (47,7 млн человек), на шестом – Турция (37,8 млн человек)².

Для того, чтобы оценить конкурентоспособность туристских дестинаций России, необходимо провести полную и объективную оценку уровня развития индустрии туризма в регионах России. Люди едут не просто куда-нибудь, а в заинтересовавшую их туристскую дестинацию. Однако, не любая территория может быть

¹ Travel and Tourism Competitiveness [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.weforum.org/issues/travel-and-tourism-competitiveness>. Проверено 2.12.2014.

² Ксения Гусакова. Десятка самых привлекательных для туристов стран мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mixstuff.ru/archives/60442>. Проверено 2.12.2014.

отнесена к туристской дестинации, для этого она должна обладать достопримечательностями, привлекающими туристов; информационно-коммуникационными каналами для резервирования и бронирования; определенным набором услуг, необходимых для принятия туристов.

Кроме основных мотивов, оказывающих влияние на формирование у потенциальных туристов желания посетить тот или иной туристский регион, существуют факторы, способствующие усилению данного желания. Так, категория факторов, связанная со временем доставки туриста, ориентирована на возможность как можно быстрее добраться до туристской дестинации. При этом необходимо помнить, у каждой туристской дестинации понятие «как можно быстро» будет иметь свои временные рамки. Категория факторов, связанная с доступностью туристской дестинации, указывает на развитие транспортной инфраструктуры, и чем лучше она развита, тем более привлекательным становится дестинация. Развитая транспортная инфраструктура позволяет туристу быстро пересаживаться с одного транспортного средства на другое, например, с самолета на поезд или автобус. В этой связи необходимо отметить также роль транспортного обслуживания туристов.

Следует учитывать, что развитие транспортного сообщения в регионе, порождающем туристов, приводит к интенсификации процесса мотивации и стимулирования потенциальных туристов к отдыху, лечению и путешествиям. Направляясь в регион туристской дестинации, туристы могут на некоторое время остановиться в транзитном регионе – следующем звене между регионом, порождающим туристов, и регионом туристской дестинации, поскольку именно он определяет направление туристских потоков и их размеры.

По показателю «Уровень развития наземного транспорта индекса конкурентоспособности путешествий и туризма (ТТСИ)» Россия в 2013 году заняла лишь 93 место в рейтинге. Одними из основных факторов, сдерживающими развитие внутреннего и въездного туризма в России по данному направлению, являются: высокие тарифы на пассажирские перевозки, недостаточное количество специализированного подвижного состава для путешествий по железным дорогам, которые должны отвечать стандартам мирового уровня. Для обеспечения высококачественного обслуживания туристов в пути следования необходимы модернизация и создание нового специализированного подвижного состава для дальнего и пригородного сообщения.

Объективная оценка инвестиционной привлекательности туристской дестинации, уровня конкурентоспособности индустрии туризма в регионах России должна включать в себя три блока индикаторов.

Первый блок – это индикаторы туристско-рекреационного потенциала (показатели, отражающие ресурсную основу туристских дестинаций: природные, культурно-исторические ресурсы), которые составляют базовый потенциал, обусловленный природными и историческими факторами.

Второй блок – индикаторы социально-экономического развития туристско-рекреационного потенциала, к которым относятся ресурсы и условия развития туристско-рекреационного потенциала: туристско-рекреационные потребности человека; уровень жизни и здоровья населения; инвестиционная привлекательность региона; уровень развития инфраструктуры; уровень информатизации общества, качество окружающей среды; геополитическая стабильность и социальная безопасность; кадровое обеспечение туристской деятельности.

Третий блок – индикаторы туристско-рекреационной активности (реализации туристско-рекреационной деятельности) регионов РФ, которые показывают активность регионов в развитии индустрии туризма и выражаются доступностью туристско-рекреационных услуг потребителям, нормативно-правовым обеспечением туристской деятельности, атмосферой гостеприимства, экономическими механизмами стимулирования развития туризма в субъектах, предпринимательской активностью населения, институциональной активностью, динамикой развития индустрии туризма, маркетинговой активностью регионов¹.

Данный подход позволяет, во-первых, оценить туристские дестинации по схеме: «туристско-рекреационные ресурсы – туристско-рекреационная инфраструктура – степень реализации туристско-рекреационных ресурсов и инфраструктуры». Во-вторых, сделать сопоставление реализации и возможностей туристско-рекреационной деятельности различных дестинаций, в-третьих, провести сравнение туристско-рекреационного потенциала и уровня развития индустрии туризма, необходимое для оценки не только степени реализации туристско-рекреационных возможностей регионов, но и динамики эффективности их использования.

¹ Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Новиков В.С. Технологии управления саморегулирования в сфере туризма. – М.: Диалог культур, 2014. – С.164.

Подведя итоги, можно сделать следующий вывод – развитие туристской дестинации не может обойтись без строительства дорог, коллективных средств размещения, туристских комплексов, обустройства новых рекреационных территорий, создания парковой зоны и т.п. Одной из важнейших проблем обеспечения условий развития туристской дестинации является ограниченность инвестиционных ресурсов. В этой связи возникает необходимость в инструментарии управления инвестиционным процессом в туристской дестинации, который позволил бы оценить инвестиционную привлекательность туристской дестинации, проводить в жизнь мероприятия по изменению инвестиционной привлекательности, корректировать систему распределения инвестиционных ресурсов в зависимости от текущей и ожидаемой инвестиционной привлекательности туристской дестинации для укрепления ее конкурентоспособности.

Библиография

1. Statistics by Theme. Tourism Statistics [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turkstat.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1072.

2. Thailand: Tourist Arrivals from 1998 till 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thaiwebsites.com/tourism>. Проверено 2.12.2014.

3. Tourism statistics [Электронный ресурс]. – URL: http://www.epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/Tourism_statistics. Проверено 2.12.2014.

4. Travel and Tourism Competitiveness [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.weforum.org/issues/travel-and-tourism-competitiveness>. Проверено 2.12.2014.

5. Евлаев А.Н., Красина Я.С. Государственно-частное партнерство в сфере туризма // Поиск, №1, 2014 г., – С. 116

6. Кружалин В.И., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Новиков В.С. Технологии управления саморегулирования в сфере туризма. – М.: Диалог культур, 2014. – С.164.

7. Ксения Гусакова. Десятка самых привлекательных для туристов стран мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mixstuff.ru/archives/60442>. Проверено 2.12.2014.

8. Кузнецов С.А.. Социальный туризм как феномен социального государства // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2012, № 4 (25).

9. Левченко Т.П., Янюшкин В.А., Рябцев А.А. Управление инвестиционной привлекательностью в туристско-рекреационной сфере: Монография. – М.: ИНРА-М, 2012. – С. 62.

10. Малый бизнес в сфере туризма, спорта и отдыха [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.businessrest.ru>. Проверено 2.12.2014.

11. Международный туризм принес 1,4 триллиона \$ US в экспортных поступлениях [Электронный ресурс]. Madrid: 14 May 2014 – URL: <http://www.media.unwto.org/ru/press-release/2014-05-14/mezhdunarodnyi-turizm-prines-us14-trilliona-v-eksportnykh-postupleniyakh>. Проверено 2.12.2014.

12. Топ-10: самые притягательные для туристов страны [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/40467>. Проверено 2.12.2014.

*ВОЛКОВ Юрий Григорьевич
Доктор философских наук, профессор, директор
Института социологии и регионоведения Южного
федерального университета
infoipk@sfnu.ru*

*ВОЛКОВА Анфиса Алексеевна
Кандидат педагогических наук, доцент Южного
федерального университета
infoipk@sfnu.ru*

Перспективы формирования многомерной личности/ Prospects of the formation of the multidimensional personality

Аннотация

Многомерная личность. В статье рассматривается феномен многомерной личности и ее различные измерения. Автор анализирует перспективы и факторы, детерминирующие формирование в современном информационном обществе одномерной либо многомерной личности, а также последствия этих процессов.

Ключевые слова

Личность, многомерная личность, одномерная личность, творческий потенциал, гуманизм.

Abstract

The article deals with the phenomenon of multidimensional personality and its various dimensions. The author analyzes prospects and factors that determine formation in today's information society of the one-dimensional or multi-dimensional personality, as well as the consequences of these processes.

Keywords

Personality, multidimensional personality, one-dimensional personality, creativity, humanism.

Проблема значимости человеческой личности как системообразующего начала общества стала актуальной на перевале второго и третьего тысячелетий, так как от разворачивания внутренней «бесформенности» современного человека (точнее, личности) в многомерный или одномерный его мир зависит будущее человечества. Каким станет «человек без свойств» – одномерным в силу перехода от индустриального к «программированному» обществу или многомерным в условиях информационной цивилизации – зависит во многом и от самого индивида.

Сложившаяся ситуация, когда неуправляемое развитие человечества достигло бифуркации, открывающей ему невиданные катастрофы или соблазнительные горизонты, неотрывна от того, останется личность одномерной или обретет многомерный характер. Бывший президент Римского клуба А. Печчеи говорит о необходимости внутренней, этической революции, благодаря которой в центре «глобальной империи» должна находиться целостная человеческая личность со своими возможностями, и благодаря которой можно позитивно разрешить существующую систему глобальных проблем: «Я полностью отдаю себе отчет в том, как трудно нам, при всем различии наших культур, воспринимать эту концепцию глобальности, - концепцию, связывающую воедино личность, человечество и все взаимодействующие элементы и факторы мировой системы, объединяющую настоящее и будущее, сцепляющую действия и их конечные результаты. Эта в корне новая концепция соответствует нашему новому сложному и переменчивому миру, - миру, в котором в век планетарной империи человека мы оказались полновластными хозяевами. И чтобы быть людьми в истинном значении этого слова, мы должны развить в себе такое понимание глобальности всех событий и явлений, которое бы отражало суть и основу всей Вселенной»¹. На звание же истинной личности не может претендовать одномерный человек западного потребительского общества, его достоин только многомерный индивид.

Именно многомерная человеческая личность, рождающаяся в лоне информационного общества, способна осознать важность переломного момента в развитии человечества и сделать ответ-

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 185.

ственный выбор, чтобы изменить вектор движения современного общества. На отсутствие альтернативы чувству всеобщей ответственности каждого индивида обращает внимание в своей нобелевской лекции Далай-лама XIV: «Ответственность лежит не только на лидерах наших стран или тех, кого назначили либо избрали на те или иные посты. Она лежит на каждом из нас лично. Так, мир начинается в каждом из нас. Когда у нас внутри мир, мы можем жить в мире с теми, кто нас окружает... Проникаясь любовью и добротой к другим, мы не только даруем им ощущение любви и заботы, но и помогаем раскрытию внутреннего счастья и мира в себе самих. И существуют способы, позволяющие сознательно растить чувства любви и доброты. Для одних самым действенным путем к этому является религиозная практика. Для других это может быть и деятельность, не связанная с религией. Важно то, что каждый из нас искренне старается до конца принять на себя общую ответственность друг за друга и за окружающую среду»¹. Понятно, что одномерная человеческая личность не может обременить себя грузом всеобщей ответственности, что чревато тупиком развития современного потребительского или тоталитарного общества. Данная всеобщая ответственность каждого индивида может быть присуща только многомерной человеческой личности, который использует для установления гармонии между всеми людьми и решения весьма сложных встающих перед планетой разнообразных проблем одно из своих измерений (религиозное, этическое, культурное, социальное и пр.).

Следует отметить, что в развивающемся информационном обществе четко просматривается тенденция формирования многомерного мира человеческой личности. Известно, что в традиционных, доиндустриальных цивилизациях довольно значительное число индивидов представляло собою «никто», ибо у них не было элементарных прав. В индустриальном обществе с его демократическим устройством теоретически все равноправны, однако индивид находится под пятой политической власти, использующей технологию для своего тотального администрирования, что приводит к значительной рационализации несвободы человека и не позволяет ему реализовать континуум своих многих измерений, т.е. не дает ему возможности раскрыть свои творческие физические и духовные потенции. В результате, как показал Г. Маркузе в своей книге «Одномерный человек», эта несвобода кажется не столько иррациональной и политической, сколько оказывается обусловленной техническим аппаратом, который способствует увеличению

¹ Далай-лама. Политика доброты. Сборник. М., 1996. С. 13.

комфорта жизни и производительности труда¹. Иными словами, в развитом индустриальном обществе человеческая личность становится одномерной, так как она лишена критической рефлексии своей экзистенции, вся ее жизнь подчинена потреблению, все ее потенциальные измерения свернуты.

В глобализирующемся информационном обществе сущность многомерной личности состоит в том, что она постоянно адаптируется к быстро меняющимся условиям жизни. Поэтому одна личность как бы «состоит» из нескольких «полуличностей»², каждая из которых ориентирована на определенную цель. Теперь в современном глобализирующемся информационном обществе личность не привязана жестко к одной организации, она меняет несколько мест работы и около десятка профессий. В результате возникает проблема профессиональной идентичности личности, которой может быть две, три и т.д. у одного индивида. Решение данной проблемы может привести либо к сценарию конкурентного индивидуализма, либо к сценарию разнообразного индивидуализма. Рост числа многомерных личностей может привести к такому изменению мира, когда «вместо конкурентного индивидуализма настанет время разнообразного индивидуализма», когда «разнообразие может означать не разнообразие гонок, а разнообразие образов жизни – и все они будут приемлемы»³. Возможно, реализуется комбинация конкурентного и разнообразного индивидуализма, что в любом случае предполагает многомерную личность.

Исходя из реальных тенденций развития мировой цивилизации, известные американские футурологи Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин одну из основных детерминант человеческой жизни в начале третьего тысячелетия усматривают в триумфе личности. По их мнению, происходит новый период возрождения личности наряду с новой эрой глобализации, когда первым принципом является доктрина личной ответственности: «Сейчас появились новые возможности: личность может влиять на происходящие процессы, определив направления, по которым развивается общество. Часто говорят, что знание – сила. Даже если вас в чем-то не устраивают надвигающиеся тенденции... вы сильны уже тем, что знаете направление развития общества... Определив те силы, которые приближают

¹ См. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

² См. Гэд Т., Розенкрейц А. Создай свой бренд. М., 2004. С. 33. Речь идет о том, что в одном человеке существует множество личностей, причем обычно доминирует одна личность, другие же находятся как бы в спящем состоянии (их и называют «полуличностями»).

³ Хэнди Ч. Слон и блоха: Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса. М., 2004. С. 195.

будущее, а не те, которые удерживают прошлое, вы получите возможность заниматься своим настоящим»¹. Триумф личности проявляется в том, что она сможет осуществить свои творческие потенции в любой из областей деятельности - предпринимательской, искусстве, религии, науке и пр., что предполагает многомерный характер человеческой личности, неразрывно связанной с обществом.

Тем не менее не стоит обольщаться данной тенденцией, так как сохраняются технократические тенденции, стремящиеся законсервировать условия существования одномерной человеческой личности. Определенные социальные силы используют современные электронные масс-медиа и глобальную массовую культуру для навязывания всему обществу единообразия, что влечет за собой не только обезличивание творчества художника, кинорежиссера, писателя, философа или музыканта, но и лишает значительную часть индивидов доступа к произведениям искусства. Главное же состоит в том, что «остаются неразбуженными заложенные в каждом из нас силы воображения и творческий гений», что «тотальная монополизация средств массовой коммуникации и творческого потенциала исключительно в коммерческих целях приводит в пагубным последствиям: человек превращается в марионетку, он видит, чувствует, воображает и желает только то, что ему навязывают»². В этом случае внутренняя «бесформенность» человеческой личности средствами массовой информации и всей господствующей социальной атмосферой оформляется в одномерность, закрепляющую, в свою очередь, принципы общества потребления, которое представляет собою тупиковую ветвь развития мировой цивилизации.

Об этом свидетельствуют и исследования французского социолога А.Турена: политическая и культурная жизнь западного социума заключается в координации отношений между разьединенными между собой сферами природы, общества и человека. Существенно в данном случае то, что данное управление исключает идею прогресса, заменив ее концепциями экономического роста и демократии, связанной с понятием индивидуализма: «Сегодня основная опасность - это стремление сделать общество одномерным: чистым этнически, приверженным рациональности рынка, или, скажем, ставящим в центр интересы индивида. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы научиться - и это относится ко всем

¹ Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. М., 1992. С. 354.

² Лебель Ж.-Ж. Мата. Новое видение мира // Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель. С. 28.

частям мира - сочетать несколько принципов»¹. Это означает необходимость сочетания универсализма разума, самобытности наций и всеобщности прав человека на уровне одной страны, группы государств и всего мира.

Сейчас мировая цивилизация как нелинейная система приближается к точкам бифуркации - решающей фазе в истории человечества, ибо последнее стоит перед выбором: погибнуть или выжить. Здесь все теперь зависит от человеческих качеств - культивирование одномерного человека (и соответственно консервация одномерного общества потребления) ведет к исчезновению мировой цивилизации, ее спасение состоит в развитии многомерного человека. Судьба современной мироцелостности определяется поведением человека, чьи действия как нелинейного элемента стохастической системы человечества могут вызвать колоссальные флуктуации в ней. Поэтому именно многомерная личность, как системообразующий фактор общества и культуры, доминирующий в современной мироцелостности, может позитивно решить судьбу человечества. Многомерная личность «прорастает» в условиях глобальных трансформаций современного общества как раз-таки в критическую, переломную фазу развития человечества. Последняя же характеризуется целым спектром глобальных проблем, формирующимся новым мировым геополитическим и геоэкономическим ландшафтом, тенденцией к нарастанию «мегарисков» в функционировании современного социума.

Нами используется понятие «многомерная» личность, в основном, в противоположность понятию «одномерного» человека общества потребления. Переход от «знакомого» мира к «незнакомому» сопровождается чередой кризисов, а в центре изменений находится нерешенная до сих пор проблема личности, чье существование немислимо вне социальной среды, вне общества. Ведь «личность» всегда есть совокупность лишь определенных отношений, которые можно представить как индивидуальное бытие отношений общества, которые личность в своей жизнедеятельности сделала достоянием своего внутреннего «Я»². Понятие «личность» фиксирует меру социального в человеке, а значит, решение проблемы личности и разрешение кризиса цивилизации взаимосвязаны.

С нашей точки зрения решение проблемы личности предполагает учет таких измерений (основных черт) личности, как экзистенциальное (человек и личность), социальное (личность и общество), культурное (личность и культура), психологическое (личность

¹ Турен А. Единый мир // Курьер ЮНЕСКО. 1994. Февраль. С. 18.

² Волков Ю.Г. Целостная личность. С. 89.

и психология), креативное (личность и ее творческий потенциал)¹, этическое (личность и нравственность) и футурологическое (личность и перспективы развития человечества). В каждой человеческой личности эти измерения существуют в свернутом виде, они проявляются в зависимости от социокультурного контекста экзистенции индивида.

Для достижения состояния глобального гуманизма необходима государственная идеология, причем в отличие от общепринятых представлений об идеологии как общественном теоретическом познании, она рассматривается в качестве особой структуры общества². Такой подход может, на наш взгляд, сыграть свою исключительную роль в современной России, делающей исторический выбор своего пути развития. Она не может существовать и нормально развиваться без идеологии. Очевидно, новая государственная идеология необходимым образом будет включать в себя культурные ценности, выработанные Россией на протяжении тысячелетия, и общечеловеческие ценности. Их синтез с учетом специфики России как «государства-континента» (В. И. Вернадский, Ю. А. Жданов) позволит новой России стать процветающей страной. Такая идеология обретет эффективность, опираясь на целостную многомерную личность, на соответствующие социальные механизмы формирования целостно развитой личности и на общество глобального гуманизма.

Библиография

1. Волков Ю.Г. Креативный класс – альтернатива политическому радикализму // Социологические исследования. 2014. № 7.
2. Волков Ю.Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М., 2000.
3. Волков Ю.Г. Целостная личность. С. 89.
4. Гэд Т., Розенкрейц А. Создай свой бренд. М., 2004. С. 33.
5. Далай-лама. Политика доброты. Сборник. М., 1996. С. 13.
6. Лебель Ж.-Ж. Мата. Новое видение мира // Курьер ЮНЕСКО. 1986. Апрель. С. 28.
7. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. М., 1992. С. 354.
8. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 185.
9. См. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

¹ Волков Ю.Г. Креативный класс – альтернатива политическому радикализму // Социологические исследования. 2014. № 7.

² См. Волков Ю.Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М., 2000.

10. Турен А. Единый мир // Курьер ЮНЕСКО. 1994. Февраль. С. 18.
11. Хэнди Ч. Слоны и блохи: Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса. М., 2004. С. 195.
12. Ямадзаки М. Приметы нового индивидуализма // Курьер ЮНЕСКО. 1988. Январь. С. 8-9.

*САГАЛАЕВА Евгения Сергеевна
к.ю.н., доцент Юридического института Северо-
Кавказского федерального университета
9624390000@mail.ru*

**Постсоветская повседневность как жизненный мир:
проблемы социально-философского осмысления/ Post-
Soviet daily life as the life-world: problems of social and
philosophical understanding**

Аннотация

В статье анализ постсоветской повседневности в характеристиках жизненного мира основывается на определении последнего как сферы обыденной, повседневной жизни и деятельности индивида. Показано, что вычленение теоретических подходов как способов концептуализации постсоветской повседневности в качестве жизненного мира обусловлено стремительностью общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером.

Ключевые слова

Постсоветская повседневность, жизненный мир, идеологическое измерение повседневности, социокультурная трансформация, кризис идентичности.

Abstract

The paper analyzes the characteristics of the post-Soviet everyday life in the on the bases of the definition of life-world as the scope of the ordinary, everyday life and activities of the individual. It is shown that the exarticulation of theoretical approaches as a way of conceptualizing the post-Soviet everyday life as the life-the world is due to the rapid social transformations that have a universal nature.

Keywords

Post-Soviet everyday life, life-world, ideological dimension of everyday life, social and cultural transformation, identity crisis.

Понятие «повседневность», если рассматривать его с позиций социально-философского анализа, близко философской категории бытия. Объединяет их то, что оба понятия обозначают существование, нахождение в мире. Однако с той разницей, что бытие понимается как разграничение на реальное и идеальное, в то время как повседневность предполагает всегда реальное существование в мире. Существование в повседневности человека непременно первично по отношению ко всему остальному.

В целом в повседневность включаются: событийные обстоятельства публичной повседневной жизни, как правило, связанные с мелкими частными событиями; способы адаптации индивидов к событийным обстоятельствам внешнего окружения; жизненные условия частного, домашнего существования, быт в самом широком его понимании; эмоциональная сторона, связанная с происходящими событиями и явлениями, переживанием обыденных событий и обстоятельств бытового существования индивидами и различными социальными группами¹.

Применимо к постсоветской повседневности и частной жизни большую эвристическую ценность представляет социолого-феноменологическая концепция «жизненного мира», которая иллюстрирует диалектику социального знания и объективной реальности.

Понятие «жизненный мир» (Lebenswelt) первоначально возникло в философской мысли Э. Гуссерля, откуда было воспринято социальной мыслью в лице А. Шюца. «Жизненный мир» определялся им через характеристики действительно наглядного, действительно испытываемого и доступного опыту мира, в пространстве которого практически разыгрывается вся жизнь².

«Жизненный мир» обладает свойствами как объективной, так и субъективной реальности и образуется в процессе и результате «социального конструирования», материалом для которого выступает «неопределенное многообразие» реалий объективного мира, а инструментом – социальное знание. Это конструирование осуществляется в русле выбранной социальным субъектом определенной когнитивной «метапрограммы», отсекающей все прочие

¹ Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований//<http://www.krugosvet.ru>.

² Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

потенциально существующие возможности и делающей реальным формирование конкретного «жизненного мира» во всей его уникальной специфике.

Иными словами, «жизненный мир» может быть определен как часть, или сторона объективного «внешнего» мира, «выхваченная» социальным субъектом из «неопределенного многообразия» реальности объективного мира при посредстве социального знания.

Феноменологический концепт «жизненный мир» обрел социальные коннотации в результате поэтапной трансляции концептуального ядра феноменологических исследований из логико-философских в жизненно-практические контексты. Этот процесс нашел отражение и в смене наименования самой области исследований.

Для Б.В. Дубина повседневное трактуется как «пространство вне-иерархического и недостижительского поведения», поскольку здесь, по его мнению, как бы отсутствует социальная иерархия, ослаблена или даже исключена социальная конкуренция, а акцент делается на отношениях взаимности и доверия, в основе которых – не власть, а влияние и авторитет¹.

Вычленение теоретических подходов как способов концептуализации постсоветской повседневности в качестве жизненного мира обусловлено стремительностью общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером.

Постсоветская повседневность формировалась уже в ходе начавшегося распада Советского Союза и становления новой социальной реальности. Идеологические обстоятельства играли при этом весьма заметную роль. Параллельно с этим в российском обществе 1990-е годы происходят процессы массовизации. Общество погружается в массовые движения, в приобщение широких слоев населения к демократическим ценностям, институтам и процедурам. С падением авторитарного строя начинаются процессы демократического обновления. Появляются ростки гражданского общества, формируется правовое государство, складывается многопартийная политическая система.

Современное российское общество переживает этап демократических преобразований. Однако при решении значимых общественных проблем, в том числе и тех, что непосредственно влияют на повседневное существование миллионов масс населения, власти далеко не всегда используют демократические методы и процедуры, предполагающие длительное и открытое обсуждение и со-

¹ Дубин Б. В. Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России / Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer020.html>.

гласование назревших вопросов со всеми акторами политического процесса¹. Все это оказывает свое влияние на различные аспекты повседневности.

В ходе растущей демократизации в общественной жизни проявлялись и негативные тренды, связанные с процессом массовизации и виртуализации. Информационное общество порождает принципиально новый тип социальной коммуникации и определяет протекание всех социальных процессов². При этом ученые фиксировали кризис идентичности, разрушение системы духовного воспроизводства социума и мировоззренческий вакуум, связанный во многом с отсутствием внятной общенациональной идеологии, способной консолидировать социум в духовную общность³.

В ходе кардинальных изменений, происходящих в процессах реформирования, неизбежно нарастает противоречие между новациями и устоявшейся нормативной культурой, что ведет к конфликтности, отторжению и торможению нововведений, неприятию широкими социальными слоями модернизации. Процессы постиндустриальной социокультурной трансформации общества воздействуют и на перестройку личностного содержания индивида.

Обстановка осложняется отсутствием структурированного символического ценностного кода современной культуры. Ценностная символика российской культуры отличается противоречивостью и эклектикой, поскольку в ней соседствуют самые разнообразные элементы.

Именно на эти обстоятельства обращается внимание в научной литературе, когда говорится о специфике отечественной постсоветской повседневности, обусловленной, в первую очередь, тем, что это повседневность эпохи транзита, повседневность времени, связанного с ломкой устоявшихся проявлений повседневного существования индивидов.

При этом качественные параметры и содержательно-семантические особенности современной российской повседневности во многом совпадают со многими индикаторами былой советской повседневности или оказываются непосредственно связанными с ней.

Характеризуя состояние современного российского общества, Л.Д. Гудков говорит, что оно, в сущности, осталось советским. По-

¹ См.: Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России. Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. - СПб., 2008.

² Фролова А.С. Сетевые процессы в современном российском обществе: идеологическое измерение // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 7.

³ Волков Ю.Г. Российское общество: состояние и перспективы идеологической сферы // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 2.

этому у нас периодически оживают все советские страхи и вместе с ними советские комплексы и инстинкты, навыки приспособления и выживания, которые можно описать несколькими словами: надо стать незаметными, серенькими, пригнуться, не высовываться, прикинуться «несъедобными», и тогда, может быть, все обойдется. Готовность участвовать в общественной и политической жизни крайне низка, и она продолжает снижаться, лишь у части жителей больших городов прослеживается готовность к политическому участию. Все это установки советского человека, который научился сосуществовать с репрессивным государством за счет снижения собственных требований, в случае необходимости вступая с ним в коррупционные отношения для решения своих частных проблем¹.

В сущности, в обществе искусственно «сверху» насаждаются архаические отношения, что включает восстановление сословной системы, поскольку олигархия и высшая бюрократия уже практически оформились в качестве закрытых сословий.

На постсоветскую повседневность как жизненный мир влияет реставрация имперской темы, сопровождаемая возрождением антизападничества и великодержавия. Тем самым идеология и практики властвующей элиты, то есть тех, кто причастен к принятию политических решений, свидетельствуют, что в ходе социальной модернизации советское прошлое в различных его ипостасях находит свое проявление практически во всех сферах жизни общества.

Впрочем, имперская ностальгия никогда не была ключевым фактором во внутренней политике России. В 2000-е годы, отвечая на вопрос: «Что лучше, быть великой державой, которую побаиваются другие страны, или страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных?» — в пользу первого устойчиво высказывались около 40 процентов респондентов, в пользу второго — 60 процентов (ежегодные опросы 2003, 2004, 2005, 2006, 2007, 2010 годов). В декабре 2013 года, отвечая на вопрос Левада-центра, «в чем больше нуждается Россия — в укреплении государственной власти или в том, чтобы власть была поставлена под контроль общества?» — 58 процентов выбрали второй вариант, а 26 процентов — первый².

По мнению социологов, в обществе постепенно формируется слой людей, которые хорошо ориентируются в потоках информации и способны отличить правду от вымысла. Чаще всего не

¹ Гудков Л. Российское общество осталось, по сути, советским//<http://www.levada.ru/20-03-2014>.

² Рогов К. Как россиян убеждали в необходимости иранизации России// Новая газета, 2014, 2 апреля.

доверяют федеральным телевизионным каналам жители крупных городов – люди, хорошо образованные и умеющие работать с большими объемами информации¹.

Однако прошлое так легко не отпускает и многие живут в прошлом, не желая принимать «сложное настоящее». Поэтому доминирующие социальные субъекты и значительные массы общества все чаще обращаются к прошлому опыту и начинают опираться на традиционные образцы культуры, что сопровождается частичным вытеснением из общества, культуры и повседневных практик новобретенных элементов современности. А возврат к традиционной патерналистской политике ведет к достаточно заметному росту патриархально-фундаменталистских настроений в обществе.

При этом государство вновь начинает приватизировать и приватность. Если при советской власти, как пишет А.Р. Усманова, «приватность была конфискована государством, или во многих случаях принесена в жертву добровольно в пользу коллективного проекта, то сегодня мы можем говорить о том, что утрата приватности, происходящая на наших глазах и с нами самими, с одной стороны, реализуется все в тех же модусах «принудительности» (камеры слежения в магазинах, на улицах, веб-камеры), но эта «жертва» приносится отнюдь не в пользу коммунальности»². Подобный взгляд на «приватность» подтверждает, что утрата приватности совсем не обязательно должна трактоваться как утрата в негативном смысле.

Г.П. Сидорова исходит из того, что всякое исследование требует определенных методологических ограничений для его глубины. Обобщение различных точек зрения показывает, что повседневность охватывает «все»: трудовую деятельность, ориентированную на внешний мир, стремления, фантазирования, сомнения, реакции людей на непосредственные частные события; географические и экологические условия жизненного существования, производственные процессы, потребности и технологии их удовлетворения, ценности и правила, формы и институты брака, семьи; методы осуществления обыденных действий, социальные правила и предубеждения, процесс их формирования; жизненное пространство обитания, связанные с этим разнообразные ритуалы и обычаи, поведенческие практики³.

¹ Воронцова В. Объективная ложь//Новые известия 2014, 18 апреля.

² Усманова А.Р. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах/<http://gender-rout.org/>.

³ Сидорова Г. П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960–1980-х: ценностный аспект. – Ульяновск : УлГТУ, 2011, С. 14 -15.

Сюда следует отнести также восприятие официальной культуры массами, ментальность и бытовую социальную психологию, логику практики; окружающие людей вещи и то, как люди с вещами обращаются; телесный опыт; игры, желания и мечты, вербальный язык; домашнее и приусадебное хозяйство; политические предпочтения, нравственность, общественное мнение, межличностные отношения, суеверия, житейскую мудрость, практическое знание; игры, слухи, советы; идеалы, стереотипы сознания, ценностные ориентации; установки массового сознания, регулирующие стереотипы поведения преимущественно в потребительской сфере; привычные рабочие нормативы, нормы отдыха, воспитания детей, семейных и любовно-интимных отношений, логику повседневного мышления с характерными ошибками; реальность (жизненный мир) людей различных социальных слоев, их поведение и эмоциональную реакцию на события; совокупность сложившихся практик, связанных со вкусами и предпочтениями индивидов¹.

«Жизненный мир» как особый концептуальный модус жизненной реальности включает разнообразные частные модели, и модель повседневной жизни занимает здесь ведущее положение. Важно, что многие из актуальных коммемораций, связанных с советским прошлым, сегодня возникают на периферии идеологической системы, будучи включены в различные дискурсивные и недискурсивные практики.

Таким образом, анализ постсоветской повседневности в характеристиках жизненного мира основывается на определении последнего как сферы обыденной, повседневной жизни и деятельности индивида.

Вычленение теоретических подходов как способов концептуализации постсоветской повседневности в качестве жизненного мира обусловлено стремительностью общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером. Постсоветская повседневность формировалась уже в ходе начавшегося распада Советского Союза и становления новой социальной реальности. Идеологические обстоятельства играли при этом заметную роль, а многие «отреставрированные фрагменты» советского прошлого сегодня возникают на периферии идеологической системы, будучи включены в различные дискурсивные практики.

Тем самым в жизни современного российского общества происходят кардинальные изменения, связанные с трансформацией

¹ Сидорова Г.П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960–1980-х: ценностный аспект. – Ульяновск : УлГТУ, 2011, С. 14 -15.

практических всех сфер жизнеустроения. В ходе кардинальных изменений, происходящих в процессах реформирования, неизбежно нарастает противоречие между новациями и устоявшейся нормативной культурой, что ведет к конфликтности, отторжению и торможению нововведений, неприятию широкими социальными слоями модернизации.

Процессы постиндустриальной социокультурной трансформации общества воздействуют и на перестройку личностного содержания индивида, будучи увязанными с постсоветской повседневностью как жизненным миром.

Библиография

1. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований//<http://www.krugosvet.ru>.

2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

3. Дубин Б. В. Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России / Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer020.html>.

4. См.: Баранов Н.А. Эволюция современной демократии: политический опыт России. Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. - СПб., 2008.

5. Гудков Л. Российское общество осталось, по сути, советским//<http://www.levada.ru/20-03-2014>.

6. Рогов К. Как россиян убеждали в необходимости иранизации России//Новая газета, 2014, 2 апреля.

7. Воронцова В. Объективная ложь//Новые известия 2014, 18 апреля.

8. Усманова А.Р. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах//<http://gender-rout.org/>.

9. Сидорова Г. П. Советская хозяйственная культура повседневности в массовой художественной литературе 1960–1980-х: ценностный аспект. – Ульяновск : УлГТУ, 2011, С. 14 -15.

*ДАКОРО Мария Анатольевна
кандидат социологических наук,
докторант ИСиР ЮФУ
8z8@bk.ru*

*ХАЧЕЦУКОВ Заур Махмудович
кандидат философских наук,
старший преподаватель ИСиР ЮФУ
xzm@list.ru*

**Историческая динамика интеллектуалов в контексте
рефлексии социального дискомфорта и процесса
модернизации / Historical dynamics of intellectuals in the
context of reflection of social discomfort and modernization
process**

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные подходы и историческая динамика генезиса и развития такого феномена, как интеллектуалы в обществе модерна. Интеллектуалы выступают особой группой, выраженной не только спецификой труда, но особым статусом и ролью, заключающейся в постоянной интеллектуальной рефлексии социального дискомфорта и путей его преодоления. Модернизация как особый процесс обновления социальных институтов сильно зависит от критического потенциала интеллектуального сообщества и реализуется с разной степенью динамичности и успешности. Статус и природа интеллектуалов на Западе и в России имеют определенные различия, что влияет и на процессы модернизации в нашей стране.

Ключевые слова

Интеллектуалы; модернизация; догоняющая модернизация; модерн.

Abstract

This article discusses the main approaches and historical dynamics of the genesis and development of such a phenomenon as intellectuals in modern society. Intellectuals are the special group, expressed not only by the specific work, but the special status and role is to continually intellectual reflection of social discomfort and ways to overcome it. Modernization as a special upgrade process of social institutions is highly dependent on the critical potential of the intellectual community and implemented with varying degrees of dynamism and success. Status and nature of intellectuals in the West and in Russia have some differences that affect the process of modernization in our country.

Keywords

Intellectuals; modernization; catch-up modernization; modern.

Говоря об интеллектуалах как об особой социальной группе, нужно обратиться к самым истокам ее появления. К. Манхейм, одним из первых осуществивший комплексный анализ данной социальной группы, отмечал¹, что предпосылкой для ее выделения является ряд «различий» в рамках культуры, в частности, различие между физическим трудом и интеллектуальной деятельностью. Очевидно, что не во всех традиционных обществах такое различие есть. Но в наиболее структурно сложных традиционных обществах, в традиционных цивилизациях это различие выражено достаточно отчетливо.

Переход к модерну повлек за собой значительные изменения в социальной структуре. В результате растущей социальной дифференциации возникали новые социальные слои и группы. Одной из таких социальных групп стали интеллектуалы.

Важнейшей чертой классической модернизации, протекавшей в западных обществах, была секуляризация. Сущностью секуляризации, как известно, является вытеснение религии на периферию социальной и культурной жизни. Религия не исчезает, но теряет тотальный контроль над умами людей и становится всего лишь одним из социальных институтов. Мировоззрение эпохи модерна строится уже не под влиянием религиозных верований. С утратой влияния религии падает влияние церковных интеллектуалов, долгое время монопольно владевших истиной. На сцену выходят иные

¹ Манхейм К. Избранное. Социология культуры. Эссе о социологии культуры. М.-СПб.: Университетская книга, 2000.

группы интеллектуалов – ученые, философы, литераторы – именно эти группы начинают конструировать картину мира модерна.

Немецкий философ Макс Шелер выделял различные типы знания¹ – знание ради спасения, образовательное знание и знание ради господства. В любом цивилизованном обществе присутствуют все три типа, однако на первый план всегда выдвигается какой-то один из перечисленных типов, что связано с общими мировоззренческими принципами, присущими данной цивилизации. Для современных обществ характерно преобладание «знания ради господства». Знание становится орудием воздействия на окружающий мир, преобразования мира ради человеческих потребностей и интересов. Знание становится связанным со вполне прагматичными целями. И неудивительно, что растущая капиталистическая экономика – еще одна характерная черта современных обществ, – востребовала интеллектуальные достижения. Научное знание весьма быстро превратилось в один из двигателей развития экономики, что сделало различные виды интеллектуального труда весьма востребованными. Изменение мировоззренческих основ западных обществ создавало новые функции для интеллектуалов и стимулировало возникновение новых профессиональных групп, занятых интеллектуальным трудом.

С растущей ролью интеллектуалов связан и процесс рационализации общественной жизни, описанный Максом Вебером. Именно интеллектуалы становятся основными конструкторами рационалистического мировоззрения, фундаментом которого выступает научное знание. Приемы и методы научного мышления получают распространение за пределами науки, проникают в сферу управления. Рационализация управления – еще один значимый процесс, в развитии которого интеллектуалы играли заметную роль.

Формирование современного типа государства, подразумевающего постоянное масштабное регулирующее воздействие на общество, невозможно без рациональной бюрократии, состоящей из компетентных чиновников, обладающих профессиональной подготовкой и управляющих на основе использования информации, знания. В современных обществах интеллектуалы оказываются на государственной службе. Возникает разделение интеллектуалов на соответствующие группы – интеллектуалы, вовлеченные так или иначе в бюрократическое управление, и свободные интеллектуалы. Эти группы интеллектуалов имеют различные интересы, их деятельность отличается по целям и направленности.

¹ Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

Современные государства, пришедшие на смену традиционным, являются, как правило, национальными государствами. Формирование наций не является только лишь естественным и стихийным процессом. В этом процессе огромную роль сыграли интеллектуалы – как создатели и хранители «национальной культуры». Благодаря деятельности интеллектуалов кодифицировались национальные языки, формировалась национальная литература и национальная история. Именно интеллектуалы из огромного разнородного культурного материала отбирали то, что должно было стать фундаментом национальной культуры, поводом для национальной гордости, основанием для устойчивой национальной идентичности. В некоторых обществах формирование национальной культуры даже опережало создание национального государства – примером может служить Германия, где культурная общность немецкого народа, немецкой нации сложилась раньше, чем возникло единое немецкое государство. Огромную роль в формировании национальной культуры и поддержании национальной идентичности в эпоху современности играли университеты и система образования в целом. Трансформация средневековой модели университета в современную его модель происходила в разных западных обществах в нескольких вариантах. Но общим было то, что университеты вырабатывали и хранили «канон» национальной культуры, элитной культуры, приобщение к которой делало возможным формирование культурного человека, гражданина своей страны. В качестве ядра национальной культуры могли выступать различные культурные содержания. В Германии это была философия, в Великобритании – классическая литература. Но эти различия не слишком существенны с точки зрения главной функции университета эпохи современности – быть храмом национальной культуры. (Его превращение в «фабрику знания» происходит несколько позже и является одной из причин кризиса современного университета). «Жрецами» же этого храма выступали интеллектуалы – как творцы и хранители университетского знания.

Национальные государства подразумевают еще одну важнейшую функцию интеллектуалов – функцию посредника между обществом и властью, между различными социальными группами в рамках общества как целого. Современные общества подразумевают развитую систему коммуникаций, постепенно образующих особую функциональную подсистему общества. Пресса, радио, телевидение – мощнейшие агенты культурного влияния, формирующие общественное мнение. Профессиональные группы, вовлеченные в деятельность этой подсистемы, образуют особый тип интеллек-

туалов, чье влияние на общество постоянно возрастает по мере усиления влияния самих средств коммуникации.

Таким образом, большинство значимых структурных и культурных изменений, связанных с процессом модернизации, подразумевало возрастание значимости социальных функций интеллектуалов – слоя, чья деятельность связана с производством и использованием смыслов. Значимая роль интеллектуалов обусловлена самой спецификой современного общества. Неудивительно, что статус и престиж интеллектуалов в современных западных обществах весьма высок. Хотя на исходе XX века происходят процессы, несколько снижающие влияние интеллектуалов, полностью его уничтожить едва ли возможно.

Однако исследования модернизации показывают, что в разных обществах этот процесс имел свою специфику. Эта специфика сказывается и на роли интеллектуалов. В качестве примера можно обратиться к российскому обществу. Особое положение интеллектуалов здесь закреплено в языке. Термин «интеллигенция», возникший в России, в неизменном виде проник даже в иностранные языки, что свидетельствует об отличии значения этого слова от значения понятия «интеллектуал».

Как принято считать, высокая значимость отношений с властью обусловлена специфическим генезисом русской интеллигенции. Как и в других обществах догоняющей модернизации, в России не было «собственных», выросших из местной культурной традиции интеллектуалов в современном смысле этого слова. Эта социальная группа возникла довольно быстро (по меркам историческим) в результате проводимых властью реформ. У российской интеллигенции практически не было многовековой истории самостоятельного развития. Она была создана в результате перенесения на российскую почву западных моделей управления, науки и образования. Вместе с западным рационализмом российская интеллигенция усвоила его критический дух, критический и по отношению к власти. Но вне различных форм взаимодействия с властью российская интеллигенция не имела социальных ниш для реализации своих знаний и навыков. Иными словами, общество в целом, оставаясь традиционным, еще не нуждалось в интеллигенции. Первоначально интеллигенция была востребована именно властью. И первые представители российских интеллектуалов много сделали для развития российской государственности, науки и просвещения – именно находясь на государственной службе – в узком и широком смысле этого слова. Критические настроения возникли в среде российских интеллектуалов позже, когда числен-

ность этого слоя увеличилась, и он стал стремиться к некоторой автономии от власти. Чем шире были круги уже не дворянской, а разночинной интеллигенции, связанной происхождением с непривилегированными слоями российского общества, тем ярче выражались ее критические настроения. Власть же, сохраняя традиционный характер, не собиралась прислушиваться к мнению оппозиционных групп. Оказавшись в своеобразном зазоре между идеальным и реальным, российская интеллигенция стала подчеркнуто критичной по отношению к той реальности, которая ее окружала. Отсюда – напряженные отношения между интеллигенцией и властью, стремление «просветить», «ускорить» «косное» общество, приведшие, в конечном итоге, к весьма тяжелым последствиям для российского народа.

В советский период российской истории была выстроена особая конфигурация отношений между интеллигенцией и властью, но в данной конфигурации интеллигенции опять принадлежала роль ведомого, а не ведущего. Потому не удивительно, что в определенный исторический момент в интеллигенции вновь взяли верх критические настроения.

Модернизация обществ, расположенных за пределами западного культурного пространства, предпосылкой которой становились не внутренние структурные изменения, а прямое или косвенное воздействие западных обществ, называется догоняющей модернизацией. Данное понятие не пользуется сегодня большой популярностью – главным образом, потому, что концепция модернизации как вестернизации подвергается критике, возникают концепции «множественности модернов», подразумевающих, что модернизация разных обществ может идти разными путями и модернизирующимся обществам необязательно «копировать» западные образцы.

Однако, как нам кажется, в этой позиции есть некоторое искажение исторической оптики. Неявно предполагается, что модернизация ведет к культурной унификации. Тем не менее, даже западные общества, общества классической модернизации, вовсе не являются абсолютно идентичными друг другу. Кроме того, термин «догоняющая модернизация» применим отнюдь не только к незападным странам. Темпы и формы модернизации западных стран существенно различались, и для некоторых из них тоже была характерна на определенных этапах «догоняющая модернизация». Хорошими примерами здесь могут быть Германия и Франция.

Ядром модернизации – по крайней мере, в экономическом плане, а экономический аспект очень важен для модернизации, сле-

дует признать Северо-Запад Европы. И для нас важно, что внутри самой Европы в определенные периоды существовало деление на «Запад» и «не-Запад», при этом «Запад» мог восприниматься негативно. Такая установка была характерна, например, для немецких интеллектуалов, болезненно реагировавших на модернизацию Германии.

Мы полагаем, что концепция догоняющей модернизации, подразумевающая общую схему модерна, ориентирующуюся на западный опыт, больше подходит для анализа процесса модернизации, чем концепция множественности модернов. Потому мы будем исходить из нее. Но появление концепции множественности модернов само по себе значимо и может рассматриваться, как веха на пути модернизации и ее осмысления на определенном этапе. Теория множественности модернов порождена самой судьбой модернизации за пределами западного мира.

Роль интеллектуалов в модернизации западных обществ достаточно четко обозначена. Однако следует отметить, что интеллектуалами создавались отнюдь не только рациональные модернизационные проекты, связанные с потребностями государства. Проектами интеллектуалов, в частности, были наука и философия, которые уже позже были приспособлены для государственных потребностей. Литература и искусство, оказывающие масштабное влияние на массовое сознание, тоже были проектами интеллектуалов. Наконец, интеллектуалы выступали создателями «контромодернизационных» проектов и проектов модернизации, существенно отличавшихся от тех, которые могли бы «устроить» государство.

Влияние интеллектуалов в европейских странах было различным. Их самостоятельная критическая активность была выше там, где политическая и экономическая модернизация испытывали некоторые проблемы. Так, в Италии и Германии именно интеллектуалы играли ведущую роль в формировании национальной идентичности, опережая в этом государство. В то время как во Франции и Англии национальная идентичность формировалась, во многом, спонтанно, и роль интеллектуалов там была важна, но не была доминирующей. Интеллектуалы забегали вперед в формировании интересов определенных групп еще до четкого оформления этих групп, как это было, например, с развитием рабочего класса в Германии.

А. Казанцев отмечает, что интеллектуал как фигура влияния особенно заметен для европейских стран догоняющего или запаздывающего развития. Значимость этой фигуры именно в условиях некоторого отставания он объясняет особой актуальностью

инновационной активности – как в сфере политики, так и в сфере общественного сознания.

Таким образом, критическая и ориентирующаяся на внешнюю культуру группа интеллектуалов – отнюдь не только российский, но вполне западный феномен, порожденный неравномерностью модернизационных процессов уже в западных обществах. Позже такая модель поведения интеллектуалов возникнет и за пределами Европы, в других обществах догоняющей модернизации. Интеллектуалы – своеобразный «ускоритель» модернизации там, где она по каким-то причинам запаздывает¹.

Важно отметить, что в ходе европейской модернизации интеллектуалы и государство выступали как отдельные, относительно автономные друг от друга социальные субъекты модернизации. Государство могло опираться на интеллектуалов или враждовать с ними, но модернизационная деятельность интеллектуалов во все не сводилась лишь к реализации государственных интересов и задач, а происхождение группы интеллектуалов не было связано с государством.

В странах догоняющего развития за пределами западного мира ситуация была другой. Заметные группы интеллектуалов – в современном смысле этого слова, и экономической элиты могли возникнуть в результате определенных действий со стороны государства. Однако не всегда доминирование государства было абсолютным. Степень его влияния определялась структурой общества, расстановкой сил внутри него. На примере японского общества мы видели, что политический центр не всегда является безусловным монополистом. В других случаях отношения между государством и созданными по его инициативе интеллектуальными и экономическими агентами модернизации изначально исключали паритет и необходимость переговоров, государство неизбежно оказывалось ведущим игроком, определяющим правила взаимодействия. Такая ситуация в полной мере была характерна для России – страны, довольно рано вставшей на путь «догоняющей модернизации». Для этой страны было характерно преобладание государственного центра над другими субъектами общества. Если можно вести речь о цивилизационной специфике России, то она заключается как раз в чрезвычайно большой роли государства.

¹ Волков Ю.Г. Креативный класс - альтернатива политическому радикализму // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 84-92.

Библиография

1. Волков Ю.Г. Креативный класс - альтернатива политическому радикализму // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 84-92.
2. Манхейм К. Избранное. Социология культуры. Эссе о социологии культуры. М.-СПб.: Университетская книга, 2000.
3. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

*Сериков Антон Владимирович
кандидат социологических наук, доцент, Южный
федеральный университет
avserikov@sfedu.ru*

*Барков Федор Александрович
кандидат социологических наук, докторант, Юж-
ный федеральный университет
barkovfedor@gmail.com*

Протестные настроения в контексте обеспечения национальной безопасности на Юге России (на примере Ростовской области)/ *Protest sentiments in the context of national security in the South of Russia (on the example of the Rostov region)*

Аннотация

В статье рассматривается проблема противодействия на региональном уровне такой технологии геополитического влияния с целью достижения стратегических интересов, как инспирирование протестных настроений и координация протестных движений. Анализируются материалы эмпирического исследования в Ростовской области. Региональные тенденции сопоставляются с общероссийскими тенденциями.

Abstract

The article deals with the problem of countering to such technology of geopolitical influence and achieving the strategic interests as incitement of protest sentiments and coordination of protest movements. The authors analyze the problem on regional scale, so the regional trends are compared with national trends.

Ключевые слова

Протест, национальная безопасность, регион, региональная элита, «цветная революция».

Keywords

Protest, national security, the region, the regional elite, “color revolution”.

Проблематика, связанная с социальным и политическим протестом, несмотря на определенную консолидацию российского общества в рамках так называемого «посткрымского консенсуса»¹, остается актуальной – и, прежде всего, в контексте обеспечения национальной безопасности. Связано это с тем, что социальный и политический протест стал в последние годы не только индикатором определенных противоречий, накопленных в обществе, в экономической сфере или социально-политической системе, не столько инструментом обнаружения, идентификации определенных проблем и способом их разрешения, сколько эффективной политической технологией и средством достижения стратегических целей невоенными методами².

Глобальная система международных отношений продолжает оставаться полем жесткой конкуренции, геополитической игры и реализации стратегических инициатив международных акторов, в связи с этим международными игроками востребованы самые различные способы политического влияния. Одним из наиболее эффективных способов такого влияния, как показывает опыт последних лет, и является использование протестных настроений для переформатирования политического режима, политической элиты³. Поэтому в целях обеспечения национальной безопасности необходимо обладать основанными на эмпирических данных знаниями о предпосылках, механизмах мобилизации протестных настроений и протестной активности, в том числе на региональном уровне.

В целом в России за последние 20 лет масштабными проявлениями протестной активности в России были шахтерские забастовки 1991 г., «рельсовая война» 1998 г. Заметным массовым явлением следует признать выступления против монетизации льгот в 2005 г., очередной раз пошатнувшие доверие населения к власти. Но наи-

¹ Дискин И. России нужна консервативная модернизация! // Официальный сайт газеты «Известия». 2 декабря 2014 г. [Электронный ресурс.] URL: <http://izvestia.ru/news/580205> (Дата обращения 02.12.2014).

² Бартош А.А. Невоенные угрозы ОДКБ // Армия и общество. 2014. №1(38).

³ West B. Protest Movements as Political Strategy // Security Weekly of Stratfor Global Intelligence. July 5, 2012. [Electronic recourse] URL: http://www.stratfor.com/weekly/protest-movements-political-strategy?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20120705&utm_term=sweekly&utm_content=readmore&elq=acf18fec4e6c489c8c94094a588c9425#axzz3LUrCDiJN (Date of access 11.10.2014).

более близкой по своей сущности к политическому протесту, протесту, имеющему цель расшатать основы легитимности политического режима, была протестная волна 2011-2012 гг. В ней проявился целый ряд, как это принято говорить, парадигматических сдвигов: 1) активизация новой социальной базы протестного движения, т.н. «креативного класса»¹; 2) повышение роли интернет-ресурсов, в т.ч. социальных сетей и других подобных сервисов в процессе вовлечения в протестную активность и мобилизации широких масс, а также в процессе формирования общественного мнения по поводу причин и форм проявления протестной активности²; 3) общий разворот протестной активности от социально-экономических требований (хотя и они остаются актуальной причиной проявления протестной активности) к политической тематике – требованиям демократизации политической системы, обеспечения честности и прозрачности выборов, выборности губернаторов и т.д.³

Достаточно специфично на общероссийском фоне выглядит социальный протест на Юге России. Особенностью региона является то, что протестные настроения могут смыкаться с радикальными идеологическими воззрениями, в том числе религиозного характера. Как отмечает Р.А. Мурзаев, «радикализм вызревает на протестных настроениях»⁴. Социально-экономическое пространство Юга России характеризуется достаточно высоким уровнем социальной напряженности. Близость Северного Кавказа оказывает влияние на протестный потенциал и в Ростовской области. Прежде всего, через актуализацию социальных проблем, связанных с нарастанием миграции, недостаточной адаптацией мигрантов к условиям и требованиям принимающего сообщества. В целом же спектр причин проявления протестной активности в региональном социуме достаточно широк – от социально-экономического неравенства, ущемления прав и интересов отдельных социальных групп (например, льготников, «чернобыльцев», участников долевого строительства и т.п.), до гуманитарно-экологических (протесты

¹ Райбман Н. Сурков: Нужно создать партию для раздраженных горожан // Официальный сайт газеты «Ведомости» [Электронный ресурс]: www.vedomosti.ru/politics/news/1444694/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrzhennyh_gorzhan (Дата обращения 11.10.2014).

² Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // INTER. 2014. № 7.

³ Мамонтов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107).

⁴ Мурзаев Р.А. Социальный протест в исламском поле Дагестана // Власть. 2014. № 4. С. 135-136.

против строительства промышленных или инфраструктурных объектов, разработки месторождений). Ниже мы приведем несколько обобщенных выводов о характере протестных настроений в Ростовской области, основанных на материалах эмпирического исследования, проведенного в конце 2012 г.¹

Важнейший фактор мобилизационного потенциала протестной активности – это возможность солидарных взаимодействий, которые быстрее складываются между теми агентами, которые рассматривают друг друга в качестве социально близко ранжированных групп, могут достичь консенсуса в отношении целей действия, поведенческих стратегий и общего контрагента. Наиболее характерные черты региона в этом смысле протестного потенциала могут быть связаны с имеющимся набором социальных сил и агентов, способных сыграть активную роль в мобилизации протеста (например, общественное казачество в Ростовской области, радикальные молодежные группировки и т.п.)².

Одним из существенных и факторов, и индикаторов протестной активности в регионе является легитимность протестных акций как вида политической активности в общественном сознании – признание за протестами права на существование, а за людьми – право на протесты. Легитимность протестной активности является индикатором сложившейся конфигурации типов гражданской и политической культуры в обществе и выступает в качестве важнейшей предпосылки социально-политической трансформации. О ситуации с данным индикатором применительно к Ростовской области свидетельствуют распределения ответов на вопрос о том, как жители области относятся к разного рода стихийным общественным выступлениям – протестным акциям, митингам, шествиям, сидениям и т.п.

В структуре общественного мнения по поводу отношения к протестным акциям достаточно четко выявляются три крупных группы примерно одинаковой численности:

1. Те, кто в целом положительно относится к протестным акциям (около 30%);
2. Те, кто индифферентно относится к протестам (до 35%);
3. Те, кто в целом относится к протестным акциями отрицательно (около 35%). Подобная структура ответов свидетельствует

¹ Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Васьков М.А., Волков Ю.Г., Сериков А.В., Черноус В.В. Законодательное Собрание Ростовской области в зеркале социологии. Ростов н/Д: Издательство «МарТ», 2013.

² Сериков А.В. Факторы социальной напряженности в Ростовской области (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 34-39.

о том, что в обществе сложились не только группы с различными оценками и взглядами, но и о том, что социальные условия, формирующие данные группы, носят достаточно устойчивый характер и связаны с социально-экономическим неравенством, неравенством доступа к различным социальным ресурсам.

Корреляционный анализ показывает, что наиболее радикально настроенными в период опроса оказались жители городов средней величины: здесь почти 36% опрошенных поддерживали протесты как вид общественной активности и лишь чуть более 30% относились к ним отрицательно. Данная поселенческая категория оказалась единственной (в противовес сельским территориям и областному центру), в которой количество респондентов, положительно оценивающих общественную роль протестов, превышает количество тех, кто относится к протестам отрицательно. На втором месте по радикальности оценок находились в опровержение гипотезы о роли «недовольных горожан» в массовых протестах сельские территории, где 32% опрошенных относились к протестам положительно, а 35% отрицательно.

Сопоставление указанных фактов с рядом других данных позволило прийти к выводу, что легитимность социального протеста связана с двумя группами факторов. Во-первых, с уровнем социально-экономического развития и качества жизни, наличием нерешенных проблем в данном типе поселения (транспортное сообщение, медицинское обслуживание, коррупция и т.п.). Во-вторых, с наличием у населения определенных ожиданий и запросов относительно должного или желаемого качества жизни.

В целом по области большинство опрошенных (53%) полагает, что в современных условиях акции протеста – это не что иное, как способ «достучаться до власти». Кроме данной позиции в шкале вопроса (предполагал несколько ответов) были представлены еще три варианта (а также открытый ответ), репрезентирующие позиции иного смыслового плана:

1) консервативного (протесты – неизбежное и объективное явление, потому что всем угодить невозможно, все не могут быть довольны) – 33%;

2) скептического (протесты – это способ заработать политический капитал) – 31%;

3) нейтрального (протесты – это форма самовыражения для определенных групп и людей) – 26%.

Таким образом, в распределениях лидирует позиция, фактически наделяющая протесты положительной миссией. Корреляционный анализ показал, что за данную позицию высказались не только

люди, сами по себе положительно относящиеся к протестам, но и те, кто относится к ним нейтрально и даже отрицательно, говорят о глубине и серьезности социальных предпосылок, стоящих за ответами. И основной причиной таких оценок может быть только глубоко укоренившееся в обществе восприятие государства, государственной власти, как чего-то отчужденного от общества, а также подорванный престиж и доверие к институту выборов. Последствия распространения подобных оценок достаточно серьезные, и связаны они с дефицитом институциональных механизмов обратной связи с публичной властью, что нередко обыгрывается отдельными силами как обоснование радикальных политических требований и изменений.

Эскалация в 2011-2012 гг. протестной активности различных политических сил, собирательно обозначаемых как «несистемная оппозиция», позволила ряду экспертов, наблюдателей и политических деятелей говорить об опасности реализации в России сценария «оранжевой революции». Цветные революции представляют собой новый тип социальных и политических изменений, основанных на комбинации массового протестного движения, инициированного при помощи «мягкой силы» и классических приемов революционного переворота. Исследуя логику оранжевых революций как политического феномена, профессор Кембриджского университета Д. Лейн отмечает, что схожесть всех «цветных революций» в том, что они представляли собой внедрение «демократии снизу»¹. В этом контексте особое методологическое значение приобретает не только понимание уровня легитимности протестной активности в глазах населения, но и движущих мотивов, драйверов социального протеста.

В ходе исследования респондентам задавались вопросы о том, какой смысл, по их мнению, вкладывают в протестные акции их участники, что их заставляет выходить на акции протеста. Ответы на такого рода вопросы позволяют определить значимость в общественном мнении тех проблем, которые могут быть обыграны в сценариях «цветных революций» – недовольство системой и результатами выборов (рисунок). По данного рода индикаторам можно определить восприимчивость общественного мнения к факторам «оранжевых революций».

На первом месте находится позиция, отсылающая нас к широким социально-экономическим проблемам – уровню жизни, нерешенности вопросов здравоохранения, образования, коррупции,

¹ Лейн Д. «Цветная» революция как политический феномен // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 1. С. 17.

дорожного строительства (50% опрошенных), а также проблеме социального неравенства («недовольство тем, что власть не считается с интересами определенных слоев общества») – 39%. Индикатор общественной поддержки радикальных политических требований – разочарование в правящей элите – находится на седьмом месте с 19% опрошенных. Таким образом, мы имеем достаточно серьезный набор социально-политических аргументов, стимулирующих недовольство властью и политической элитой. Однако стоит отметить, что недовольство результатами выборов занимает одну из лидирующих позиций – третье место с 31% респондентов. Это говорит о том, что эффективность политической системы как совокупности институтов, транслирующих интересы населения на уро-

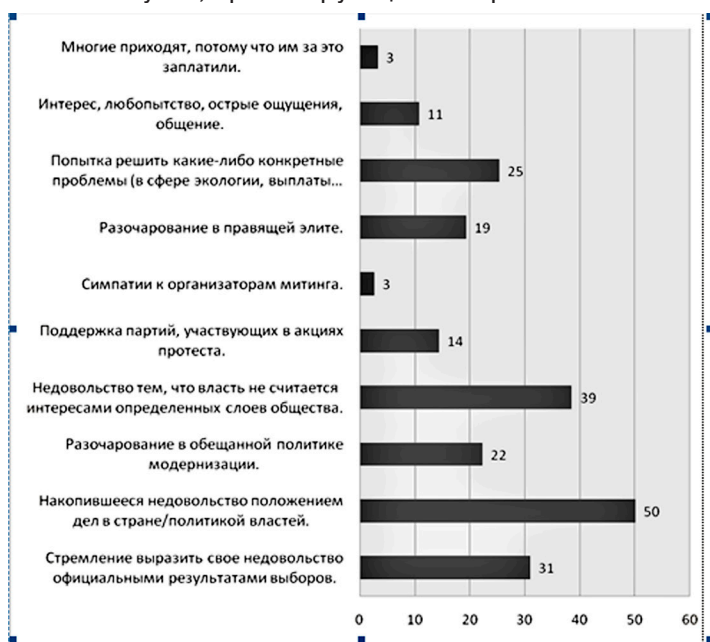

Рисунок. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, заставляет выходить людей на акции протеста?» (в % к числу опрошенных, 2012 г., материалы репрезентативного социологического опроса, проведенного по заказу Законодательного Собрания Ростовской области Южнороссийским филиалом ИС РАН)

вень принятия решений и обеспечивающих обратную связь власти и общества, является одной из главных предпосылок стабильности социально-политической ситуации.

На региональном уровне общество нуждается в стабильных и эффективных политических институтах, вызывающих доверие и выражающих волю к национальному суверенитету. В современных условиях на общенациональном уровне этот запрос реализован в высоком уровне доверия главе государства и правящей политической партии. На региональном уровне многое зависит от качества местной политической элиты¹. Материалы фокус-групповых исследований показывают, что жителям региона не нравится любой навязываемый извне выбор, в массовом сознании присутствует достаточно устойчивый иммунитет к сценариям «цветных революций», однако есть понимание и того, что если протест «справедливый», он имеет право на существование: «Все эти революции – это борьба за власть. Начаты все они были по инициативе Америки, те деньги суют и все...»; «Эти революции не решают проблемы. Нужны реальные забастовки, как в Греции, Италии, Испании. Лучше ориентироваться на такие протесты, чем на кровавые революции»; «Во всех этих революциях очень много трагедий. Ничего хорошего от них нет. Партии сталкиваются, а народ гибнет»; «Америка решила поменять расстановку сил в мире и занимается изменением власти в странах, которые были расположены к России. Соперничество стран»; «Слышала, отношусь к ним отрицательно, кому это выгодно, тот их и проводит»; «Они проходят там, где власть зарвалась! Пусть они даже и руководятся сверху, но на пустом месте они бы не возникли».

Можно сделать вывод, что, несмотря на все попытки придать социальному протесту в России политическое звучание, направить его на подрыв легитимности основных институтов государства, массовый протестный потенциал оказался лишь ограниченно политизирован. Главным образом он артикулировался в терминах социально-экономических претензий, раздражением невосприимчивостью власти к запросам общества, недовольством возможностями социальной мобильности и равенством доступа к социально-экономическим ресурсам. В условиях санкционного режима, волатильности курса национальной валюты и ожидаемой рецессии характер протестных драйверов должен особенным образом учитываться региональной политической элитой, органами управления с тем, чтобы не допустить его политизации и радикализации.

¹ Сериков А.В. Молодежный экстремизм на юге России: причины обострения и меры предупреждения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 3. С. 135-142.

Библиография

1. Барбашин М.Ю., Барков Ф.А., Васьков М.А., Волков Ю.Г., Сериков А.В., Черноус В.В. Законодательное Собрание Ростовской области в зеркале социологии. Ростов н/Д: Издательство «МарТ», 2013.

2. Бартош А.А. Невоенные угрозы ОДКБ // Армия и общество. 2014. № 1 (38).

3. Ваньке А., Ксенофонтова И., Тартаковская И. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // INTER. 2014. № 7.

4. Дискин И. России нужна консервативная модернизация! // Официальный сайт газеты «Известия». 2 декабря 2014 г. [Электронный ресурс.] URL: <http://izvestia.ru/news/580205> (Дата обращения 02.12.2014).

6. Лейн Д. «Цветная» революция как политический феномен // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 1. С. 17.

7. Мамонтов М.В. Протестная активность россиян в 2011-2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107).

8. Мурзаев Р.А. Социальный протест в исламском поле Дагестана // Власть. 2014. № 4. С. 135-136.

9. Райбман Н. Сурков: Нужно создать партию для раздраженных горожан // Официальный сайт газеты «Ведомости» [Электронный ресурс]: www.vedomosti.ru/politics/news/1444694/surkov_nuzhno_sozdat_partiyu_dlya_razdrzhennyh_gorzhan (Дата обращения 11.10.2014).

10. Сериков А.В. Молодежный экстремизм на юге России: причины обострения и меры предупреждения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 3. С. 135-142.

11. Сериков А.В. Факторы социальной напряженности в Ростовской области (анализ результатов социологического исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 7. С. 34.

12. West B. Protest Movements as Political Strategy // Security Weekly of Stratfor Global Intelligence. July 5, 2012. [Electronic recourse] URL: http://www.stratfor.com/weekly/protest-movements-political-strategy?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20120705&utm_term=sweekly&utm_content=readmore&elq=acf18fec4e6c489c8c94094a588c9425#axzz3LUrCDiJN (Date of access 11.10.2014).

КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ

XIII Международная заочная научно-практическая конференция «Политика и право в социально-экономической системе общества». Заявки на участие принимаются до 29 декабря 2014 г. Конференция состоится 30 декабря 2014 г. и пройдет в дистанционном формате.

XII Международная научно-практическая конференция «Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития». Завершение срока приема материалов: 18 января 2015 г.

IV Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические науки и гуманитарные исследования». Материалы для участия в конференции принимаются по 20 января 2015 года.

II Международная научно-практическая конференция «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса». Для участия в конференции необходимо отправить материалы до 29 декабря 2014 года (включительно). Конференция пройдет 30 декабря 2014 года в Казани.

VI Всероссийская заочная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный потенциал». Тезисы докладов и статьи для публикаций в сборнике принимаются до 30 декабря 2014 г.

XIII Международная заочная научно-практическая конференция «Политика и право в социально-экономической системе общества». Заявки на участие принимаются до 29 декабря 2014 г. Конференция состоится 30 декабря 2014 г. и пройдет в дистанционном формате.

VI Всероссийская заочная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь в современном мире: гражданский, творческий и инновационный

потенциал». Тезисы докладов и статьи для публикаций в сборнике принимаются до 30 декабря 2014 г.

XIV Международная научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веках». Выслать заявку для участия в конференции и текст статьи необходимо до 25 декабря 2014 года. Состоится 18-19 марта 2015 года в Иваново.

XIX Международная научно-практическая конференция гуманитарных и общественных наук «Культура, наука и искусство в образовательном процессе современности». Материалы для участия необходимо отправить до 23 декабря 2014 года (включительно). Конференция проводится 24 декабря 2014 года Обществом Науки и Творчества.

II Международная научно-практическая конференция «Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса». Для участия в конференции необходимо отправить материалы до 29 декабря 2014 года (включительно). Конференция пройдет 30 декабря 2014 года в Казани.

XIX Международная научно-практическая конференция гуманитарных и общественных наук «Культура, наука и искусство в образовательном процессе современности». Материалы для участия необходимо отправить до 23 декабря 2014 года (включительно). Конференция проводится 24 декабря 2014 года Обществом Науки и Творчества.

XV Международная научно-практическая конференция «Культура. Духовность. Общество». С изданием сборника материалов. Окончание срока приема материалов - 30 декабря 2014 года.

XXVII Студенческая международная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия: гуманитарные науки». Материалы для участия принимаются до 4 декабря 2014 года.

IV Международная научно-практическая конференция «Социально-экономические науки и гуманитарные исследования». Материалы для участия в конференции принимаются по 20 января 2015 года.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи не должен превышать 10–12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице.

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, черными чернилами вписаны в текст от руки.

3. **Формулы размечаются и поясняются на полях рукописи.** Все источники снабжаются библиографическими ссылками.

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он дается в конце статьи.

6. К статье прилагается ее **электронная версия.**

По электронной почте статьи принимаются в заархивированном виде.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции. Все материалы публикуются в авторской редакции. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи статей только с рецензией специалиста соответствующей квалификации (кандидата или доктора наук). С порядком рецензирования можно ознакомиться на сайте журнала.

К статье обязательно прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объемом 15—20 строк на русском и английском языках;

— **список 3—4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, **должность, ученая степень, а также** данные для связи с автором — адрес, номера телефонов (служ., дом., моб.), электронный адрес.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются, редакция по поводу отклоненных материалов в переписку с авторами не вступает.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.journalpoisk.ru/> или <http://www.журналпоиск.рф>

П.О.И.С.К.:
Политика. Обществоведение. Искусство. Социология.
Культура

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 6 (47)
Декабрь 2014 г.

Перевод на англ. яз. дается в авторской редакции

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный университет путей сообщения»

Издатель

МГУПС (МИИТ)

Издание зарегистрировано

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 58210
от 05 июня 2014 года

Индекс в каталоге «Пресса России»: 36938.

Выходит 6 раз в год.

Цена свободная.

Адрес редакции

Тел.: 8 (495)684-28-72

Для простых почтовых отправлений:

127994, г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9

E-mail: red@ journalpoisk.ru

Сайт в Интернете: www.journalpoisk.ru, www.журналпоиск.рф

Сдано в набор 17.12.14. Подписано в печать 19.12.14.
Дата выхода в свет 28.12.14.

Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика».
Тираж 1000 экз. Заказ №
Печать офсетная. Усл. печ. л.

МГУПС (МИИТ)
г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9

Отпечатано с готовых диапозитивов
в МГУПС (МИИТ), г. Москва, ул. Образцова д.9 стр.9